

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

2026
ЧАСТЬ VII

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 20 (623) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Павел Николаевич Яблочков* (1847–1894), русский электротехник, военный инженер, изобретатель и предприниматель.

Павел Николаевич Яблочков родился в селе Жадовка Саратовской губернии в дворянской семье. С самого детства он любил конструировать: придумал угломерный прибор для землемерных работ, устройство для отсчета пути, пройденного телегой.

Яблочков окончил Николаевское инженерное училище в Петербурге, а через некоторое время — Техническое гальваническое заведение в Кронштадте. Тогда это была единственная в России школа, которая готовила специалистов в области электротехники. Там будущий ученый познакомился с новейшими достижениями в области изучения и технического применения электрического тока.

В 1872 году Павел Николаевич переехал в Москву. Именно тогда он начал изобретать, однако успехов на данном поприще достиг лишь в 1874 году, когда создал мастерскую физических приборов, где проводил работы по электротехнике, которые в дальнейшем легли в основу его изобретений в области электрического освещения, гальванических элементов и аккумуляторов.

Весной 1874 года Яблочкову представилась возможность практически применить электрическую дугу для освещения. Из Москвы в Крым должен был следовать правительственный поезд. Впервые в истории железнодорожного транспорта на паровозе установили прожектор с дуговой лампой — регулятором Фуко.

Яблочков был членом кружка электриков-изобретателей при Московском политехническом музее. Здесь он узнал об опытах Александра Лодыгина по освещению улиц и помещений электрическими лампами, после чего решил заняться усовершенствованием существовавших тогда дуговых ламп. К 1875 году относится одно из его главных изобретений — «электрическая свеча».

В том же году Яблочков уехал в Париж, где создал промышленный образец электрической лампы, а через год запатентовал свою «электрическую свечу». Ее первая демонстрация состоялась в 1876 году в Лондоне, и в Париж Павел Николаевич вернулся уже известным изобретателем. Сразу же была создана кампания по эксплуатации его патентов. Специальный завод производил несколько тысяч «свечей» в день. Они получили применение главным образом в уличном освещении.

Также Яблочков разработал и внедрил систему электрического освещения на однофазном переменном токе, разработал способ «дробления света посредством индукции катушек» и др. Система освещения Яблочкова, получившая название «русский свет», пользовалась исключительным успехом. Компании по ее коммерческой эксплуатации были основаны во многих странах мира.

В России первая проба электрического освещения по системе Яблочкова была проведена осенью 1878 года: были освещены казармы и площадь в Кронштадте, а также Большой театр в Петербурге. Ни одно из изобретений в области электротехники не получало столь быстрого и широкого распространения, как «свечи» Яблочкова. Это был подлинный триумф русского инженера, а его изобретение ускорило решение многих насущных технических задач и легло в основу будущей электротехнической промышленности.

После изобретения «свечи» Яблочков очень много работал и в России, и за рубежом. В 1879 году он организовал «Товарищество электрического освещения П. Н. Яблочков-изобретатель и Ко», в числе акционеров которой были промышленники, финансисты, военные. Компания открыла электромеханический завод в Петербурге, производивший осветительные установки для военных судов, заводов военно-морского ведомства и для многих городов России.

С 1880-х годов Павел Николаевич занимался главным образом вопросами генерирования электрической энергии: созданием динамомаши и гальванических элементов. Инженер провел много исследований в области превращения энергии топлива в электрическую энергию. В последующие годы он получил ряд патентов на электрические машины.

Яблочков также был участником электротехнических выставок в России и в Париже, участником Первого международного конгресса электриков, стал одним из инициаторов создания электротехнического отдела Русского технического общества и журнала «Электричество». Он был награжден медалью императорского Русского технического общества и французским орденом Почетного легиона.

Умер талантливый ученый Павел Николаевич Яблочков в 1894 году в Саратове от болезни сердца. Он был похоронен в селе Сапожок Саратовской области в фамильном склепе.

В конце 1930-х годов Михайло-Архангельскую церковь разрушили, при этом пострадал и фамильный склеп Яблочковых. По решению АН СССР 26 октября 1952 года на могиле П. Н. Яблочкова был воздвигнут памятник, который представляет собой каменное изваяние. На лицевой стороне — барельеф с изображением изобретателя, а ниже установлена мемориальная доска, на которой выбиты слова: «Здесь покоится прах Павла Николаевича Яблочкова — выдающегося русского изобретателя в области электротехники (1847–1894 гг.)». По боковым сторонам расположены изображения «свечи» Яблочкова, электрической машины эклипс, гальванических элементов. На памятнике выбиты слова Павла Николаевича: «Электрический ток будет подаваться в дома, как газ или вода».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абдуллаев Д. М.

Реформа уголовного наказания в России в 2025–2026 годах: между гуманизацией и расширением репрессивного аппарата 447

Абдуллаев Д. М.

Системные проблемы и противоречия реформирования норм Общей части Уголовного кодекса РФ в 2025–2026 годах 449

Абдуллаев Д. М.

Концепция Л. Ю. Бугрова «свобода = сочетание прав и обязанностей» в современном трудовом праве России: теория и практика 451

Абдуллаев Д. М.

Административная ответственность за дипфейки и немаркированный ИИ-контент 454

Абрамова М. Р., Петрюкова А. В.

Проблемы использования электронных доказательств в уголовном процессе 455

Бадамов А. Ф.

К вопросу усиления полномочий прокурора при осуществлении надзора при возбуждении уголовного дела и на досудебной стадии уголовного судопроизводства 457

Балякин К. П., Левакина С. И.

Локальные нормативные акты как источник трудового права 461

Балякин А. А.

Проблемы институциональной и процессуальной самостоятельности арбитражных судов в современной России 463

Батаева И. А.

Проблемы судебного представительства и оформления полномочий 466

Бахтеева М. Р.

Исполнение обязательства третьим лицом в гражданском праве Российской Федерации: правовая природа, условия и правовые последствия 469

Безганс Э. В.

Особенности исполнения договора оказания ритуальных услуг на примере анализа судебной практики 470

Бочкарева С. Г., Гатауллина М. С.

Актуальные проблемы судебного представительства в гражданском процессе ... 472

Вологдин А. В.

Тактические особенности производства допроса в конфликтных ситуациях 474

Володин Г. А.

Электронные реестры в исполнительном производстве по делам о несостоятельности ... 476

Габдулина И. Г.

Компенсационный фонд нотариата: формальная гарантия или реальный механизм защиты прав граждан 479

Глухова Е. О., Попова Н. С.

Работа органов юстиции в период Великой Отечественной войны 482

Годин А. В.

Особенности регулирования правового статуса юридического лица в гражданском законодательстве в условиях цифровых трансформаций 485

Горчинская Е. В.

Особенности доказывания при увольнении за дисциплинарный проступок: проблемы применения статьи 193 ТК РФ и перспективы судебной практики 490

Громов А. С.

Использование в процессе доказывания научно-технических средств, электронные средства доказывания 491

Громов А. С.

Пределы доказывания по уголовным делам ... 493

Дерябина Е. С.

Использование люминола при выявлении замкнутых следов крови в криминалистике 496

Добрин В. А.

Историческая эволюция видов уголовных наказаний и пределы их применения в современном уголовном праве России 498

Дымченко А. В.

Автомобиль как «иное хранилище»: значение цели использования и технической охраны 500

Егоров А. А.

Совместное банкротство супругов: проблемы регулирования и особенности процедуры 501

Егупов М. Д.

Проблемы правового режима объектов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом, в современном мире..... 504

Завидова А. Н.

Отдельные проблемы правосубъектности публично-правовых образований в современном гражданском обороте 508

Иванов С. И.

Перспективы развития учения о криминалистических версиях в эпоху цифровизации..... 512

Иванова К. Г.

Актуальные проблемы в регулировании ПОД/ФТ в 2025 году: новые обязанности субъектов и практические аспекты применения..... 514

Иванова К. Г.

Судебная статистика и юридическая практика по административной ответственности за несоблюдение законодательной базы по легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма 519

Касымов Д. И.. Борзунов М. А.

Правовая природа депремирования 522

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Реформа уголовного наказания в России в 2025–2026 годах: между гуманизацией и расширением репрессивного аппарата

Абдуллаев Джамал Максудович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются ключевые изменения уголовного законодательства 2025–2026 годов. На основе нормативных актов и судебной статистики выявлено противоречие между гуманизацией ответственности за общеуголовные деяния и ужесточением карательной политики в отношении преступлений против безопасности государства. Делается вывод о двойственном характере реформы.

Ключевые слова: уголовное наказание, гуманизация, репрессивный аппарат, принудительные работы, пожизненное лишение свободы, терроризм, диверсия, цифровая валюта.

Отечественная уголовная политика последних лет отличается высокой динамикой и внутренней противоречивостью. 2025–2026 годы стали периодом, когда законодатель одновременно предпринял шаги по либерализации ответственности за ряд преступлений и значительно усилил репрессивный инструментарий для противодействия наиболее опасным посягательствам. С одной стороны, расширяется применение наказаний, не связанных с изоляцией от общества, а с другой — фиксируются рекордные показатели назначения пожизненного лишения свободы и вводятся новые составы преступлений. Подобная разнонаправленность заслуживает комплексного научного анализа.

Цель настоящей работы — на основе действующих нормативных правовых актов и актуальной судебной статистики установить соотношение гуманизационных и репрессивных тенденций в реформе уголовного наказания. Для её достижения решаются следующие задачи: систематизировать основные законодательные новеллы 2025–2026 годов; проанализировать количественные показатели назначения наказаний; оценить баланс между смягчением и ужесточением уголовной репрессии; сформулировать выводы о векторе развития уголовной политики.

Наиболее заметным шагом в направлении гуманизации стал Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ [1]. Документ преобразовал принудительные работы в полноценный самостоятельный вид наказания, а исправительные работы теперь могут назначаться только лицам, имеющим основное место работы. Тем самым законодатель существенно расширил арсенал альтернатив реальному лишению свободы, предоставив судам возможность избирать меру, сопряжённую с привлечением осуждённого к труду, но без разрыва социальных связей.

Параллельно в Государственной Думе рассматривается законопроект, направленный на декриминализацию ряда статей УК РФ и повышение порога значительного ущерба с 2 500 до 10 000 рублей [7]. Хотя документ ещё не принят, сам факт его разработки свидетельствует о стремлении снизить избыточную уголовную репрессию в сфере имущественных преступлений небольшой тяжести.

Описанные законодательные инициативы коррелируют с данными судебной статистики. В 2025 году реальное лишение свободы назначено лишь 26 % осуждённых (около 125 тыс. человек), в то время как 71 % (примерно 320 тыс.) получили наказания, не связанные с изоляцией от общества [10]. За десятилетний период количество ходатайств органов расследования об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу сократилось вдвое: с примерно 140 тыс. в 2015 году до порядка 70 тыс. в 2025 году [13].

Вместе с тем, на мой взгляд, значительная часть этого «гуманизационного эффекта» обусловлена не только осознанной либерализацией, но и процессуальными механизмами, в частности массовым применением статьи 28.2 УПК РФ, позволяющей прекращать уголовное преследование в связи с заключением контракта о прохождении военной службы. Иными словами, мы видим не столько гуманизацию как принцип, сколько гуманизацию как побочный эффект иных, неправовых по своей природе процессов.

Таким образом, законодатель и правоприменитель демонстрируют стремление к экономии уголовной репрессии в отношении лиц, совершивших преступления, не представляющие высокой общественной опасности, однако природа этого стремления требует более глубокого осмысления.

Параллельно с описанными процессами происходит заметное усиление карательного потенциала уголовного закона. Федеральный закон от 17 ноября 2025 г. № 420-ФЗ существенно расширил ответственность за преступления террористической и диверсионной направленности [2]. Документ, в частности, увеличил перечень составов, по которым уголовная ответственность наступает с 14 лет, а за вовлечение несовершеннолетних в такую деятельность теперь может быть назначено пожизненное лишение свободы. Кроме того, по ряду указанных преступлений отменены сроки давности привлечения к ответственности.

Особую тревогу, на мой взгляд, вызывает не столько само ужесточение наказаний — борьба с терроризмом объективно требует жёстких мер, — сколько постепенное расширение круга деяний, подпадающих под определение террористических и диверсионных. Когда ответственность с 14 лет вводится сразу по нескольким составам, возникает риск размывания границ между действительно опасными преступниками и подростками, вовлечёнными в противоправную деятельность без полного осознания последствий. Законодатель здесь идёт по пути максимальной криминализации, и это, как мне кажется, создаёт потенциал для ошибок правоприменения.

Продолжена линия на криминализацию новых деяний. С 1 сентября 2025 года действует статья 230.3 УК РФ, устанавливающая ответственность за пропаганду наркотиков в информационно-телекоммуникационной сети Интернет [6]. Одновременно Федеральный закон от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ признал цифровую валюту имуществом для целей Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, что открыло возможности для её ареста и конфискации [4].

Ужесточение коснулось и военнослужащих. Федеральный закон от 29 декабря 2025 г. № 534-ФЗ повысил санкции за самовольное оставление части в период мобилизации [3]. Хотя эти изменения носят точечный характер, они вписываются в общую логику усиления ответственности за посягательства на интересы государства.

Количественным выражением репрессивного тренда стал рекордный показатель назначения пожизненного лишения свободы: 100 приговоров в 2025 году против 79 в 2024-м и 58 в 2022-м [11]. Отчасти столь высокие цифры объясняются расширением перечня преступлений, допускающих данную меру, и активизацией борьбы с терроризмом. Именно данная сфера стала основным направлением для ужесточения уголовной политики.

Двойственность проводимых преобразований не осталась незамеченной научным сообществом. Профессор Н. А. Лопашенко в аналитическом обзоре за 2025 год прямо указывает, что в целом превалирует тенденция ужесточения уголовной ответственности, а отдельные гуманизационные меры не меняют общего вектора [9].

С данной оценкой трудно не согласиться, если рассматривать систему уголовных наказаний в комплексе.

Заслуживает внимания и другой аспект: снижение числа дел в отношении лиц, ранее совершавших преступления. За 11 месяцев 2025 года количество осуждённых рецидивистов составило 108,5 тыс., тогда как за весь 2024 год этот показатель достигал 165 тыс. [12]. Сокращение почти на треть само по себе позитивно, однако оно не отменяет того факта, что для наиболее опасных категорий преступников наказание становится всё строже. Иными словами, реформа дифференцирует ответственность: смягчает её для одних и предельно ужесточает для других.

Анализируя эти два разнонаправленных тренда, я прихожу к выводу, что мы наблюдаем не просто противоречие, а сознательную дифференциацию уголовной политики. Государство чётко разделяет «своих» и «чужих» в уголовно-правовом поле: для общеуголовных преступников — либерализация и альтернативные меры; для террористов, диверсантов и дезертиров — максимальная репрессия вплоть до пожизненного заключения. Является ли такая дифференциация справедливой — вопрос не столько юридический, сколько политический. Однако как юрист я не могу не отметить: избирательная гуманизация подрывает сам принцип равенства всех перед законом, закреплённый в статье 4 УК РФ.

Указанная двойственность нашла отражение и на высшем политическом уровне. Президент Российской Федерации неоднократно призывал не лишать свободы граждан за преступления небольшой тяжести, одновременно инициируя расширение репрессивного инструментария в сфере безопасности. Подобный дуализм создаёт сложную правовую реальность, в которой гуманизация и репрессия не столько конкурируют, сколько сосуществуют, обслуживая разные сегменты уголовной политики.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что реформа уголовного наказания 2025–2026 годов носит разнонаправленный характер. Гуманизация проявляется главным образом в расширении альтернативных санкций, декриминализации малозначительных деяний и сокращении доли реального лишения свободы. В свою очередь, репрессивная составляющая выражается в появлении новых составов преступлений, ужесточении ответственности за терроризм и диверсии, отмене сроков давности и рекордном числе пожизненных приговоров. Следовательно, современная уголовная политика России движется по пути дифференциации: либерализация для общеуголовных деяний и точечная экономическая амнистия сочетаются с максимальной жёсткостью в отношении преступлений, посягающих на безопасность государства. Данный баланс, как представляется, будет сохраняться и в обозримой перспективе, отражая объективные вызовы, стоящие перед обществом.

Литература:

1. Федеральный закон от 23.07.2025 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

- ской Федерации». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.05.2026).
2. Федеральный закон от 17.11.2025 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.05.2026).
3. Федеральный закон от 29.12.2025 № 534-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 09.05.2026).
4. Федеральный закон от 20.02.2026 № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.05.2026).
5. Федеральный закон от 09.04.2026 № 100-ФЗ «О внесении изменений в статьи 243.4 и 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202604090033> (дата обращения: 11.05.2026).
6. Федеральный закон от 08.08.2024 № 226-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.05.2026).
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части гуманизации уголовного законодательства): проект федерального закона (принят в первом чтении). — Текст: электронный // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 11.05.2026).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 40 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». — Текст: электронный // Официальный сайт Верховного Суда РФ: [сайт]. — URL: <http://vsrf.ru> (дата обращения: 11.05.2026).
9. Лопашенко, Н. А. Тревожные итоги реформирования уголовного законодательства в 2025 г. (аналитический обзор) / Н. А. Лопашенко. — Текст: непосредственный // Сибирский юридический вестник. — 2026. — № 1 (112). — С. 58–73.
10. Подносова, И. Л. Выступление Председателя Верховного Суда РФ И. Л. Подносовой на совещании судей по итогам 2025 года / И. Л. Подносова. — Текст: непосредственный // Известия; Коммерсантъ; Ведомости. — 2026.
11. В России вынесено рекордное число пожизненных приговоров в 2025 году. — Текст: электронный // ТАСС: [сайт]. — URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 11.05.2026).
12. Число рецидивистов сократилось на треть в 2025 году. — Текст: непосредственный // Независимая газета; Ведомости. — 2026.
13. Сокращение ходатайств об аресте вдвое за 10 лет — данные Председателя ВС РФ на совещании судей 19.02.2026. — Текст: непосредственный // Коммерсантъ. — 2026.

Системные проблемы и противоречия реформирования норм Общей части Уголовного кодекса РФ в 2025–2026 годах

Абдуллаев Джамал Максудович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье анализируются ключевые изменения Общей части УК РФ, вступившие в силу в 2025–2026 годах, и сопутствующие законодательные инициативы. Выявляются и классифицируются системные противоречия реформы, в том числе дисбаланс гуманизации и ужесточения, казуистичность поправок, ограничение судейского усмотрения. Обосновывается необходимость единой концепции преобразований.

Ключевые слова: Общая часть УК РФ, реформирование, системные противоречия, гуманизация, ужесточение ответственности, возраст уголовной ответственности, диверсионные преступления, индивидуализация наказания.

В 2025–2026 гг. реформирование УК РФ приобрело беспрецедентную интенсивность. По оценке Н. А. Лопашенко, преобладает линия на ужесточение ответвен-

ности и расширение криминализации [1, с. 58]. Однако количественные показатели не должны заслонять качество — системность и внутреннюю согласованность уго-

ловного закона. Цель статьи — выявить системные противоречия точечных поправок и оценить их влияние на эффективность правового регулирования.

Федеральный закон от 17.11.2025 № 420ФЗ внёс масштабные коррективы [5]. В ч. 2 ст. 20 УК РФ добавлены составы: ст. 205.1, 281, 281.1, 281.2, 281.3, — возраст ответственности с 14 лет распространён на диверсионную деятельность [5; 9]. Одновременно для этих преступлений законодатель запретил применять ст. 64 УК РФ (ч. 3 ст. 64), исключил условное осуждение (п. «а1» ч. 1 ст. 73), отменил сроки давности (ч. 5 ст. 78, ч. 4 ст. 83) и ужесточил условия УДО [5; 11]. С 20 апреля 2026 г. введена ответственность за осквернение памяти жертв геноцида советского народа [4].

В Госдуме также находится проект № 8596508, внесённый 10.03.2025 депутатами во главе с Л. Э. Слуцким и С. Д. Леоновым. Он предлагает для крупного взяточничества (ч. 4–6 ст. 290 УК) исключить условное осуждение, отменить штраф как основное наказание и повысить порог для УДО [10; 12]. Правительство РФ в отзыве указало, что запрет условного осуждения дублирует действующее ограничение (лишение свободы свыше 8 лет) [7]. Другой проект — о расширении пределов необходимой обороны — получил негативный отзыв Верховного Суда РФ из-за риска признания правомерным любого вреда без учёта характера посягательства [6].

Гуманизация vs ужесточение. Н. А. Лопашенко фиксирует тренд ужесточения [1, с. 58]. Однако статистика демонстрирует обратное: в 2025 г. лишь 26 % осуждённых (125 тыс.) приговорены к реальному лишению свободы, 71 % — к альтернативным мерам [11]. За 2001–2025 гг. доля лишения свободы упала с 40 % до 26 % [11]. Законодатель же отменяет сроки давности, сужает судебское усмотрение и расширяет перечень составов с 14 лет. Возникает рассогласование, дезориентирующее правоприменителя.

Системность vs казуистичность. В. Н. Сизова указывает, что новые положения часто не согласованы с действующими [2]. Ст. 64, 73, 78, 83 УК сохраняют общее действие, но для диверсионных составов исключаются.

Аналогично проект № 8596508 ограничивает ст. 73 и 79 УК лишь для взяточников [10; 12]. Институты Общей части утрачивают универсальность, превращаясь в набор частных изъятий, что противоречит идее систематизации [2, с. 19].

Расширение репрессии vs сокращение гарантий. Понижение возраста ответственности до 14 лет с одновременным запретом ст. 64 и ст. 73 УК для несовершеннолетних создаёт риск несоразмерного наказания. Это плохо согласуется с принципом справедливости (ст. 6 УК РФ) и возрастной спецификой исправления. А. Г. Залужный и А. В. Папулов верно отмечают пробелы в нормах о государственных преступлениях [3, с. 22–23], но «усечение» институтов Общей части не решает проблему.

Современные вызовы vs архаичные нормы. Рост диверсионных и киберугроз требует модернизации закона, однако реформирование идёт реактивно, без концептуального пересмотра Общей части. Законодатель множит точечные правки вместо построения целостной модели дифференциации ответственности.

Накопленные противоречия снижают предсказуемость правоприменения. Цели наказания (ст. 43 УК) достигаются не столько суровостью санкций, сколько их неотвратимостью и соразмерностью. Негативный отзыв Верховного Суда на законопроект о необходимой обороне [6] подтверждает дефицит качественной экспертизы. Научная новизна работы состоит в комплексной классификации противоречий 2025–2026 гг. по четырём осям. Предложения учёных — уголовный проступок [2], реформа соучастия с учётом дропперства [8, с. 384] — остаются невостребованными.

Основной недостаток реформы — отсутствие единой концепции. Точечные поправки накапливают внутренние дисбалансы и снижают регулятивный потенциал УК. Представляется необходимой разработка Концепции развития уголовного законодательства, которая обеспечит согласованность Общей и Особенной частей и преодолит разрыв между гуманизацией правоприменения и ужесточением закона.

Литература:

1. Лопашенко, Н. А. Тревожные итоги реформирования уголовного законодательства в 2025 г. / Н. А. Лопашенко. — Текст: непосредственный // Сибирский юридический вестник. — 2026. — № 1 (112). — С. 58–73.
2. Сизова, В. Н. Уголовное законодательство современной России: проблемы систематизации и эффективности / В. Н. Сизова. — Текст: непосредственный // Вестник Института права БашГУ. — 2025. — № 1 (25). — С. 126–133.
3. Залужный, А. Г. Модернизация уголовно-правовых норм в условиях цифровых и гибридных вызовов / А. Г. Залужный, А. В. Папулов. — Текст: непосредственный // Современное право. — 2026. — С. 21–25.
4. Обзор «Основные изменения в УК РФ в 2026 году». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_518661/ (дата обращения: 12.05.2026).
5. Федеральный закон от 17.11.2025 № 420-ФЗ. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 47. — С. Ст. 8520.
6. Верховный Суд РФ не поддержал предложение расширить пределы необходимой обороны. — Текст: электронный // alrf.ru: [сайт]. — URL: <https://alrf.ru/news/verkhovnyy-sud-rf-ne-podderzhal-predlozhenie-rasshirit-predely-neobkhodimoy-oborony/> (дата обращения: 12.05.2026).

7. Письмо Правительства РФ от 31.07.2024 № ДГ-П4–24803 на проект № 859650–8. — Текст: электронный // ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/76869798/> (дата обращения: 12.05.2026).
8. Желудков, М. А. Дропперство как новый вид соучастия в хищении денежных средств / М. А. Желудков. — Текст: непосредственный // Право: история и современность. — 2025. — № 9(3). — С. 378–388.
9. Досье на проект № 859650–8. — Текст: электронный // ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/411616801/> (дата обращения: 12.05.2026).
10. Пояснительная записка к проекту № 859650–8. — Текст: электронный // ГАРАНТ: [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/76869797/> (дата обращения: 12.05.2026).
11. Краснов: реальное лишение свободы в 2025-м назначили четверти осужденных. — Текст: электронный // Право. ру: [сайт]. — URL: <https://pravo.ru/news/262496/> (дата обращения: 12.05.2026).

Концепция Л. Ю. Бугрова «свобода = сочетание прав и обязанностей» в современном трудовом праве России: теория и практика

Абдуллаев Джамал Максудович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается концепция профессора Л. Ю. Бугрова о свободе труда как диалектическом сочетании прав и обязанностей всех субъектов трудового права. На основе анализа философско-правового фундамента данной теории (Монтескьё, Чичерин), действующего Трудового кодекса РФ и новейших нормативных правовых актов 2026 года (Федеральные законы № 90-ФЗ, № 289-ФЗ, законопроект № 1188246–8) автор показывает как теоретическую состоятельность, так и практическую значимость бугровского подхода для решения актуальных проблем трудового права, включая платформенную занятость. Особое внимание уделено выявлению зон дисбаланса между правами и обязанностями сторон трудовых отношений и анализу законодательных попыток его восстановления.

Ключевые слова: свобода труда, концепция Л. Ю. Бугрова, трудовые права и обязанности, баланс интересов, платформенная занятость, Трудовой кодекс РФ.

Проблема свободы труда в российской юридической науке традиционно занимает одно из центральных мест. Закреплённая в статье 37 Конституции РФ и статье 2 Трудового кодекса РФ, свобода труда декларируется как фундаментальный отраслевой принцип, однако её содержательное наполнение и практическая реализация продолжают вызывать острую научную полемику. В эпоху стремительной цифровизации экономики, распространения платформенной занятости и сохраняющегося масштаба нарушений трудовых прав работников вопрос о том, что представляет собой подлинная свобода в сфере труда, приобретает особую актуальность.

Профессор Леонид Юрьевич Бугров (1939–2011), основатель Пермской школы трудового права, ещё в начале 1990-х годов предложил концептуальный подход, кардинально отличающийся от упрощённого понимания свободы как отсутствия принуждения. В докторской диссертации «Проблема свободы труда в советском трудовом праве» (1991) и фундаментальной монографии «Проблемы свободы труда в трудовом праве России» (1992) учёный сформулировал тезис, сохраняющий свою методологическую ценность и сегодня: свобода труда представляет собой не единичное правомочие, а сложное, диалектическое сочетание прав и обязанностей, распространяющееся на всех субъектов трудового права [1, с. 57–75].

Цель настоящей статьи — проанализировать данную концепцию в контексте современного российского трудового законодательства и правоприменительной практики по состоянию на 2026 год, выявив как её объяснительный потенциал, так и те вызовы, с которыми она сталкивается.

Концепция Бугрова не возникла на пустом месте — она опирается на мощную интеллектуальную традицию. Шарль Луи Монтескьё в трактате «О духе законов» (1748) сформулировал базовый принцип: «Свобода есть право делать всё, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие» [2, с. 137]. Из этого следует, что свобода немаловажна вне правовых рамок: закон одновременно и гарантирует, и ограничивает её.

Б. Н. Чичерин в «Философии права» (1900) развил данный подход: «Свобода не может считаться неприкосновенным правом, ибо закон всегда её касается, ограничивая её во имя чужой свободы и общественной пользы» [3, с. 34]. Именно Чичерину принадлежит итоговая формула «право есть свобода, определяемая законом», ставшая методологическим мостом к конкретике трудовых отношений. Бугров применил эту логику к сфере труда, определив свободу труда как «практическую реализацию осознанной необходимости и творческого выбора в трудовых

и тесно сопряженных с ними общественных отношениях, а с позиций права — в правовом регулировании соответствующих связей, его процессе и результатах» [1, с. 29]. Критически важен здесь акцент на «процессе и результате»: свобода — не статика, а динамический процесс, который право обязано непрерывно калибровать.

Структурно Бугров выделял два уровня свободы труда. Индивидуальная свобода работника реализуется через его же обязанность соблюдать дисциплину, беречь имущество работодателя, добросовестно исполнять трудовую функцию. Коллективная свобода (сегодня — социальное партнёрство) предполагает, что права профсоюзов неотделимы от их обязанности действовать строго в рамках закона и заключённых соглашений. Таким образом, свобода без обязанностей — это не право, а произвол, правовой вакуум, в котором свобода сильного немедленно уничтожает свободу слабого [1, с. 46–56].

Трудовой кодекс РФ предоставляет богатый материал для иллюстрации бугровского подхода. Статья 2 ТК РФ закрепляет принцип свободы труда, включая право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается [4, ст. 2]. Однако Бугров настаивал бы на том, что данная норма должна читаться не изолированно, а в системной связке с иными положениями кодекса.

Действительно, статья 21 ТК РФ перечисляет права работника — на безопасное рабочее место, своевременную и полную оплату, отдых. Но статья 22 ТК РФ тут же возлагает корреспондирующие, «зеркальные» обязанности на работодателя: обеспечить безопасность, оплатить труд, предоставить отпуск. И обратная связка: право работодателя требовать исполнения трудовой функции немедленно уравнивается обязанностью работника трудиться лично и добросовестно. Это и есть бугровская модель баланса в её нормативном воплощении. Как справедливо отмечается в постатейном комментарии к ТК РФ под редакцией К. Н. Гусова, «принцип свободы труда, закреплённый в ст. 2 ТК РФ, не может рассматриваться в отрыве от иных основных принципов правового регулирования трудовых отношений, поскольку они образуют единую систему гарантий трудовых прав» [5, с. 18].

Самый свежий пример, подтверждающий жизнеспособность бугровского подхода — Федеральный закон от 09.04.2026 № 90-ФЗ [6]. Данный закон вводит новую статью 186.1 ТК РФ, предоставляющую работникам, фактически проживающим в жилых помещениях, находящихся в зонах чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, право на дополнительный оплачиваемый выходной день с сохранением среднего заработка, а также отпуск без сохранения заработной платы до пяти календарных дней. Одновременно у работодателя возникает императивная обязанность такие дни предоставить, а у работника — встречная обязанность подтвердить свой статус пострадавшего письменным заявлением.

Данный пример наглядно демонстрирует механизм, описанный Бугровым: право не расширяется однобоко —

всякое расширение свободы немедленно порождает сопряжённые обязательства для всех сторон правоотношения. Балансир качнулся — и система отреагировала.

Однако реальная правоприменительная практика далека от стройных теоретических схем. По данным Роструда, к началу февраля 2026 года в реестре недобросовестных работодателей, созданном в 2025 году для выявления предприятий, выплачивающих заработную плату ниже МРОТ или оформляющих трудовые отношения через гражданско-правовые договоры, насчитывалось 656 компаний и индивидуальных предпринимателей, причём только за январь 2026 года в него было включено 53 новых субъекта [7]. По прогнозам экспертов, к концу 2026 года количество записей в реестре может вырасти до 2,5 тысяч [8]. Это клиническая картина того, о чём предупреждал Бугров: когда работодатель, пользуясь своей экономической свободой, игнорирует базовую обязанность платить за труд и соблюдать его охрану, он аннулирует свободу работника, обращает её в правовую фикцию.

Законодатель вынужден реагировать. 26 марта 2026 года в Государственную Думу внесён законопроект № 1188246–8, предлагающий двукратное увеличение административных штрафов за повторное нарушение трудового законодательства: до 40 тыс. руб. для должностных лиц и до 140 тыс. руб. для юридических лиц [9]. Это попытка восстановить баланс принудительным путём, что само по себе является симптомом глубины проблемы.

Наиболее сложный вызов для бугровской модели — платформенная занятость. Самозанятые исполнители, работающие через цифровые платформы, обладают свободой выбора заказов, графика и объёма работы, но практически лишены классических трудовых гарантий: оплачиваемого отпуска, больничного, защиты от произвольного отключения от платформы. По различным оценкам, в России от 10 до 15 млн человек заняты неофициально или получают часть доходов без официального оформления [8]. Перед нами свобода, очищенная от обязанностей платформы перед исполнителем, что с позиции концепции Бугрова является не подлинной свободой, а её теневой имитацией.

С 1 октября 2026 года вступает в силу Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [10]. Ключевая новелла: если занятость самозанятого у одного заказчика превышает 160 часов в месяц в течение полугода, платформа обязана на время заблокировать взаимодействие данной пары «заказчик — исполнитель» [10, п. 5 ч. 1 ст. 17]. Государство увидело дисбаланс — «свобода» исполнителя на деле оказалась скрытой формой постоянной зависимости — и ответило не легализацией трудовых отношений с их гарантиями, а императивным принуждением к разрыву устойчивых связей. Однако такая модель регулирования вызывает закономерный вопрос: не уничтожает ли она саму суть той гибкой свободы, ради которой платформенная экономика создавалась? Как подчёркивает О. А. Нилов, председатель

Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов, «баланс между интересами работников, работодателей и государства, заложенный в Трудовом кодексе РФ, необходимо соблюдать и при дальнейшем совершенствовании трудового законодательства» [11]. Именно об этом предупреждал Бугров, настаивая, что право обязано не просто механически ограничивать, а творчески регулировать трудовые отношения [1, с. 218–234].

Проведённый анализ позволяет утверждать: концепция Л. Ю. Бугрова о свободе труда как диалектическом сочетании прав и обязанностей сохраняет полную научную актуальность в условиях 2026 года. Более того, именно эта концепция даёт методологический ключ к пониманию современных проблем — от системных нару-

шений трудовых прав в классическом секторе занятости до правовой неопределённости статуса платформенных исполнителей.

Свобода в труде — это не «разрешено всё, что не запрещено», а социально ответственное дозволение. Пока в законодательстве, судебной практике или бизнес-моделях сохраняется системный перекося — прав без обязанностей или обязанностей без прав, — будут наблюдаться либо рост теневой, незащищённой занятости, либо критическое падение социальной защищённости работника. Будущее трудового права — именно за тем настойчивым, непрерывным поиском динамического баланса, который профессор Бугров называл единственно подлинной свободой труда.

Литература:

1. Бугров, Л. Ю. Проблемы свободы труда в трудовом праве России / Л. Ю. Бугров. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. — 236 с. — Текст: непосредственный.
2. Монтескьё, Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескьё. — М.: Мысль, 1999. — 672 с. — Текст: непосредственный.
3. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. — М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1900. — 337 с. — Текст: непосредственный.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 3.
5. Гусов, К. Н. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) / К. Н. Гусов. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект., 2025.. — 784 с. — Текст: непосредственный.
6. Федеральный закон от 09.04.2026 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202604090026> (дата обращения: 14.05.2026).
7. В реестре недобросовестных работодателей оказалось больше 650 компаний и ИП. — Текст: электронный // Клерк: [сайт]. — URL: <https://www.klerk.ru/buh/news/635218/> (дата обращения: 14.05.2026).
8. Новости. — Текст: электронный // Inc. Russia: [сайт]. — URL: <https://incrussia.ru/news/> (дата обращения: 14.05.2026).
9. Штрафы за повторное нарушение прав работников предложили увеличить вдвое. — Текст: электронный // Парламентская газета: [сайт]. — URL: <https://www.pnp.ru/social/shtrafy-za-povtornoe-narushenie-prav-rabotnikov-predlozhili-uvelichit-vdvoe.html> (дата обращения: 14.05.2026).
10. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации». — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507310024> (дата обращения: 14.05.2026).
11. Нилов при изменении трудового законодательства необходимо и дальше соблюдать баланс / Нилов. — Текст: электронный // Дума ТВ: [сайт]. — URL: <https://dumatv.ru/news/nilov—pri-izmenenii-trudovogo-zakonodatelstva-neobhodimo-i-dalshe-soblyudat-balans> (дата обращения: 14.05.2026).

Административная ответственность за дипфейки и немаркированный ИИ-контент

Абдуллаев Джамал Максудович, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Анализируется состояние административно-правового регулирования дипфейков в России. Рассматриваются действующие нормы КоАП РФ, отклонённые законопроекты о маркировке синтетического контента, а также Федеральный закон от 02.05.2026 № 130ФЗ, запретивший дипфейки в предвыборной агитации. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: дипфейки, искусственный интеллект, административная ответственность, маркировка контента, синтетический контент, обработка персональных данных, КоАП РФ.

За три квартала 2025 года количество дипфейков в российском сегменте интернета выросло втрое. Это создаёт угрозы дезинформации, манипуляции сознанием, нарушения прав на частную жизнь и защиту биометрических данных. Комплексного административно-правового механизма противодействия дипфейкам в России пока нет. Действующие составы КоАП РФ (ст. 13.11, 13.15) не охватывают специфику синтетического контента. В апреле 2026 года комитет Госдумы рекомендовал отклонить законопроекты об обязательной маркировке ИИ-видео (№ 10693028 и № 10693318). В мае 2026 года принят Федеральный закон № 130ФЗ, запретивший дипфейки в предвыборной агитации. Цель исследования — анализ действующего и проектируемого регулирования, выявление проблем и определение путей совершенствования.

Легальная дефиниция дипфейков в российском праве отсутствует. Законопроект № 8854948 (об отягчающем обстоятельстве — использовании ИИ) лишь косвенно затрагивает эту сферу. Наиболее детально понятие синтетического контента раскрывалось в законопроектах о маркировке ИИ-видео (№ 10693028 и № 10693318), внесённых 14 ноября 2025 года. Под синтетическим видеоматериалом предлагалось понимать видео, полностью или частично созданное с помощью ИИ, имитирующее реальные объекты, лица или события [5, с. 45–47]. Маркировка должна была включать видимое обозначение («Создано с использованием ИИ») и машиночитаемую метку в метаданных [6, с. 6–8]. Однако 15 апреля 2026 года Комитет Госдумы по информационной политике рекомендовал отклонить оба законопроекта. В доктрине под дипфейком понимают созданный с помощью технологий глубокого обучения видеоматериал, имитирующий внешность, действия или голос реального человека [4, с. 143–144]. Немаркированный ИИ-контент — это такой материал, распространяемый без указания на его искусственное происхождение [4, с. 145].

Действующая система базируется на общих составах КоАП РФ. Статья 13.11 (нарушение порядка обработки персональных данных) применима, когда дипфейк создан на основе биометрических данных без согласия. Санкции по ч. 2 ст. 13.11: для граждан — до 15 000 руб., для должностных лиц — до 50 000 руб., для юридических лиц — до 300 000 руб.

[1, с. 6–8]. Статья 13.15 (злоупотребление свободой массовой информации) применяется, если распространение дипфейка вводит в заблуждение неопределённый круг лиц. Штраф для граждан — от 5 до 20 тыс. руб. За использование дипфейков с экстремистской символикой — штраф до 2,5 тыс. руб. для граждан и до 100 тыс. руб. для юрлиц.

В мае 2026 года принят Федеральный закон № 130ФЗ, исключивший возможность включения в агитационные материалы изображений и голосов, созданных с помощью ИИ (в том числе вымышленных или умерших) [3, с. 5–11]. Это первый специальный законодательный запрет дипфейков в России.

Законопроект № 10693318 (отклонён) предлагал ввести статью 13.54 КоАП РФ за отсутствие маркировки ИИ-видео со штрафами: для граждан — 10 000–50 000 руб., для должностных лиц — 100 000–200 000 руб., для юридических лиц — 200 000–500 000 руб. [6, с. 9–10]. Этот состав не действует. Параллельно Минцифры разработало проект закона «Об основах регулирования ИИ» (риск-ориентированный подход, без жёстких требований к данным) [9, с. 5–9]. Законопроект № 8854948 (об отягчающем обстоятельстве) находится на рассмотрении.

Первая проблема — квалификация. Как отмечает М. С. Байбародова, использование образа человека в дипфейке без его ведома фактически остаётся безнаказанным [2, с. 20–21]. Вторая — доказывание. Для привлечения по ст. 13.11 необходимо доказать обработку персональных данных без согласия, но идентификация источника синтетического контента технически сложна. Отсутствуют единые стандарты детекции дипфейков [2, с. 19]. Третья — разграничение с уголовной ответственностью. Принятие законопроекта № 8854948 позволит квалифицировать создание дипфейка как отягчающее обстоятельство по ст. 137 УК РФ (лишение свободы до 4 лет). Критерии разграничения отсутствуют. Предлагается использовать тяжесть последствий: существенный вред — уголовное преследование, иначе — административная ответственность [4, с. 146]. Четвёртая — юрисдикция. Распространение дипфейков через зарубежные платформы затрудняет привлечение к ответственности, требуется международное сотрудничество [2, с. 23].

К маю 2026 года в России отсутствует комплексное регулирование оборота дипфейков. Действующие со-

ставы КоАП РФ применяются фрагментарно. Законопроекты о маркировке ИИ-контента отклонены. Важным прецедентом стал Федеральный закон № 130ФЗ, запретивший дипфейки в предвыборной агитации. По нашему мнению, необходимо: 1) закрепить легальную дефиницию дипфейка в ФЗ «Об информации»; 2) разработать специальный состав за распростра-

нение немаркированного ИИ-контента; 3) утвердить минимальные технические требования к средствам детекции дипфейков для интернет-платформ; 4) законодательно определить критерии разграничения административной и уголовной ответственности (например, по размеру ущерба). Без этих мер правовое регулирование останется недостаточным.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195ФЗ (ред. от 01.04.2026). — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — С. Ст. 1.
2. Байбародова, М. С. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых с использованием генеративного искусственного интеллекта / М. С. Байбародова. — Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. — 2026. — № 4 (56). — С. 18–24.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. — Текст: непосредственный // Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 18. — С. 2156.
4. Токолов, А. В. Правовое регулирование дипфейков / А. В. Токолов. — Текст: непосредственный // Вестник экономической безопасности. — 2025. — № 2. — С. 141–147.
5. Жук, О. Д. О правовом регулировании технологий создания синтетических медиаматериалов (дипфейков) в России и за рубежом / О. Д. Жук. — Текст: непосредственный // Законодательство. — 2026. — № 1. — С. 45–52.
6. Проект Федерального закона № 1069331–8 «О внесении изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». — Текст: электронный // sozd.duma.gov.ru: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1069331-8> (дата обращения: 15.05.2026).
7. Проект Федерального закона № 8854948 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». — Текст: электронный // sozd.duma.gov.ru: [сайт]. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885494-8> (дата обращения: 15.05.2026).

Проблемы использования электронных доказательств в уголовном процессе

Абрамова Мадина Рамазановна, студент;

Петрюкова Александра Валерьевна, студент

Научный руководитель: Федюнин Антон Евгеньевич, доктор юридических наук, доцент

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается проблема правовой регламентации электронных доказательств в российском уголовном процессе.

Ключевые слова: электронные доказательства, уголовный процесс, цифровой след, удаленный осмотр, скриншот, допустимость доказательств.

Цифровой след сегодня сопровождает практически каждое преступление — от кражи аккаунтов до организации незаконного оборота наркотиков. Однако УПК РФ, принятый в 2001 году, по-прежнему не знает термина «Электронные доказательства».

Перинов Н. П. в своей научной работе определяет электронные доказательства как информацию, зафиксированную на электронных носителях, которая может быть использована для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [1].

Согласно статье 74 УПК РФ, доказательствами признаются любые фактические данные, на основе которых устанавливаются обстоятельства уголовного дела, но

электронные данные прямо не выделены в качестве самостоятельного вида доказательств [2].

В научной литературе сформировались две основные позиции относительно правовой природы электронных доказательств. Консервативная позиция предполагает, что электронная информация не обладает самостоятельной правовой природой и должна быть интегрирована в систему традиционных видов доказательств, предусмотренных статьёй 74 УПК РФ. П. С. Пастухов считает, что электронные данные могут быть квалифицированы либо как «иные документы», либо как разновидности вещественных доказательств. Эту мысль развивает А. М. Баранов, указывая, что содержание

электронный доказательств, как правило, воспроизводится в письменном виде что еще больше сближает их с традиционными вещественными доказательствами.

Сторонники позиции о самостоятельности электронных доказательств предлагают все же считать такие доказательства отдельным видом в виду их специфики: двойственный статус (нематериальные данные + их материальные носители), наличие метаданных, возможность скрытого или удалённого изменения, специфику первоисточников и облачных хранилищ [3].

Судебные органы чаще всего принимают электронные доказательства, относя их либо к вещественным доказательствам, либо к документам, что зависит от их природы и способа представления.

УПК РФ устанавливаются общие требования к оценке доказательств, к которым относятся законность получения, относимость, достоверность и допустимость. При применении к электронным материалам эти принципы приобретают особое значение, так как необходимо доказать подлинность, непрерывность и целостность цифровой информации. Закон предусматривает, что доказательства, включая электронные, должны быть получены исключительно законным способом, во избежание нарушения прав участников процесса, что накладывает жесткие ограничения на методы сбора данных, в частности на условия их изъятия, копирования и последующего анализа.

Практика применения электронных доказательств сталкивается с серьезными вызовами. Одной из наиболее острых проблем является подтверждение аутентичности и достоверности цифровых данных, так как электронные доказательства легко подвержены изменениям. Нередко отсутствует четкое подтверждение происхождения и неприкосновенности электронных материалов, что приводит к сомнениям в их надёжности.

Рассмотрим судебную практику. В одном случае суды первой и апелляционной инстанции не согласились с доводом защитника об исключении доказательств в виде скриншотов и флеш-карты с фотографиями. В жалобе защитник указал, что в материалах дела отсутствуют первоисточники, которыми являются видеозаписи [4]. В другом случае представленные частным обвинителем скриншоты страниц с перепиской в социальной сети «ВКонтакте» не принял мировой судья. Вышестоящий суд посчитал это законным «ввиду отсутствия фиксации содержащихся в них сведений в установленном законом порядке, вследствие чего их достоверность, время, место и источник получения невозможно проверить» [5].

Выходом могло бы стать обязательное применение аппаратно-программных комплексов для криминалистического копирования, например такого как Belkasoft, и фиксация хеш-суммы в протоколе осмотра. Однако сегодня

это — редкость. В УПК РФ нет прямого требования фиксировать хеш-суммы при осмотре электронных носителей. Есть лишь общая норма о необходимости обеспечения сохранности доказательств. Судьи не требуют хеш-суммы, а защита редко заявляет об их отсутствии как о нарушении допустимости.

Техническая сложность экспертизы представляет дополнительное препятствие. В условиях недостаточной подготовки следственных органов или судебных экспертов вероятность ошибок значительно возрастает, что отражается на объективности судебных решений. Практика повышения квалификации показывает, что систематическое и непрерывное обучение сотрудников правоохранительных органов является необходимым условием адаптации к быстро меняющейся цифровой среде. В учебных программах применяются инновационные методы и цифровые технологии, направленные на формирование мышления, адекватного работе с электронными доказательствами и цифровым контентом [6].

Отдельную сложность создает дилемма доступа к данным в цифровом пространстве. По ч. 1 ст. 164.1 УПК при производстве следственных действий допускается изъятие электронных носителей информации. Но на практике возникает затруднение: если данные физически не находятся на территории, где проводится обыск (например, облачное хранилище), то правоохранитель не может «изъять» носитель. Выходом становится принуждение владельца предоставить доступ через пароль. Как отмечает кандидат юридических наук И. И. Карташов, при таком подходе не происходит изъятия, а лишь копирование; кроме того, получение доступа часто требует обхода или взлома паролей, что модифицирует исходные данные и ставит под сомнение их доказательственную силу [7]. Прямого же указания в УПК РФ на следственное действие «удаленный осмотр» или «удаленный обыск» нет, в связи с чем и предлагается дополнить ст. 176 УПК РФ соответствующими положениями.

Подводя итоги, следует констатировать, что стремительная цифровизация общественных отношений опережает темпы развития уголовно-процессуального законодательства. Проведенный анализ показал, что отсутствие в УПК РФ четкого определения электронных доказательств и унифицированного порядка их изъятия создает серьезные проблемы для признания их допустимыми. Также следует отметить важность обеспечения законности их получения, сохранности и правильной оценки. Переход от «бумажного» к «цифровому» правосудию требует не просто точечных поправок в законодательстве, а формирование новой парадигмы доказывания, где техническая достоверность данных будет иметь такое же значение, как и соблюдение процессуальной формы их получения.

Литература:

1. Перинов, Н. П. Электронные доказательства в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации: правовые основы, проблемы и перспективы / Н. П. Перинов. — Текст: непосредственный // Актуальные исследования. — 2025. — № 16 (251). — С. 67–71.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.04.2026) // СЗ РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921.
3. Воронин, М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? / М. И. Воронин. — Текст: непосредственный // Lex russica (Русский закон). — 2019. — № 7. — С. 74–84.
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.02.2020 № 10–2529/2020 по делу о покушении на кражу. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=1854750#6jbkflVI6VdvEYm2> (дата обращения: 12.05.2026).
5. Апелляционное постановление Заводского районного суда г. Орла от 15 мая 2018 г. по делу № 10–11/2018. — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): [сайт]. — URL: <https://sudact.ru/regular/doc/n8iK9I9Bobxw/> (дата обращения: 12.05.2026).
6. Архипцев, И. Н. Совершенствование подготовки сотрудников правоохранительных органов по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий / И. Н. Архипцев. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-podgotovki-sotrudnikov-pravoohranitelnyh-organov-po-protivodeystviyu-prestupleniyam-sovershaemym-s-ispolzovaniem> (дата обращения: 12.05.2026).
7. Карташов, И. И. Цифровые данные в доказывании по уголовным делам: некоторые проблемы получения / И. И. Карташов. — Текст: электронный // cyberleninka.ru: [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-dannye-v-dokazyvanii-po-ugolovnym-delam-nekotorye-problemy-polucheniya> (дата обращения: 12.05.2026).

К вопросу усиления полномочий прокурора при осуществлении надзора при возбуждении уголовного дела и на досудебной стадии уголовного судопроизводства

Бадамов Артур Федосеевич, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует перспективные направления усиления роли органов прокуратуры, направленные на совершенствование прокурорского надзора за досудебными стадиями уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: надзор, возбуждение уголовного дела, усиление полномочий прокурора, уголовный процесс, досудебное производство.

Характер деятельности органов прокуратуры, направленной на осуществление надзора за возбуждением и расследованием уголовных дел изменчив, что объясняется, как модернизацией исторически сложившихся моделей указанной деятельности, так и изменением объективной действительности жизни общества и государства, обусловленной появлением и развитием новых видов общественных отношений, а соответственно и увеличению объектов возможного преступного посягательства, формами, проводимыми для усовершенствования деятельности органов прокуратуры, глобальной цифровизацией всех видов деятельности и другими причинами. В этой связи актуальной остается необходимость исследования развития надзора за возбуждением и расследованием уголовных дел в ретроспективе и изучение возможных направлений и тенденций развития указанной деятельности органов прокуратуры.

Уголовному преследованию предшествует получение и регистрация сообщения о преступлении и проведение следственной проверки, результатом которой может быть как отказ в возбуждении уголовного дела, так и его

возбуждение. Решение о его возбуждении ранее мог принять сам прокурор. Но, согласно изменениям, внесенным в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ) в 2007 году [1], прокурор был лишен данного полномочия по соображениям разграничения осуществления надзорной деятельности и предварительного расследования.

Правомочие прокурора по возбуждению уголовных дел и преследования виновных лиц документально закреплено в России еще восемнадцатом веке. Так в уложении 1767 года установлен принцип государственного преследования преступлений, а прокуроры были обязаны возбуждать уголовные дела, вытекающие из публичных отношений [2]. В дальнейшем правомочие прокурора по возбуждению уголовного дела нашло отражение и в первом кодифицированном уголовно-процессуальном законе — Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, а именно в статье 311 указанного Устава [3].

После октябрьской революции 1918 года советская власть упразднила прокуратуру как институт, существовавший в Российской империи. Но уже 28 мая 1922 года

III сессия Всероссийского центрального исполнительного комитета утвердила положение о прокурорском надзоре [4]. А УПК РСФСР 1922 [5] и 1923 [6] годов в статье 9 закреплена обязанность по возбуждению уголовного преследования по выявленному преступлению. Указанное правомочие также закреплено в статье № 3 Положения о прокурорском надзоре в СССР 1955 [7] года и в основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 25.12.1958 года, а также в статье 116 УПК РСФСР 1960 года [8].

Распад СССР вновь актуализировал вопрос о модели осуществления прокурорского надзора за досудебной стадией уголовного судопроизводства. Так согласно Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 года, принятой Верховным Советом РСФСР [9] предполагалось наделить прокурора правом возбуждать уголовное дело, что в дальнейшем нашло отражение в 2001 году в п.2 ч.2 ст. 37 УПК РФ [10].

Тем не менее в 2007 возможность возбуждать уголовные дела была изъята из полномочий прокурора, и вплоть до сегодняшнего дня прокурору остается лишь возможность направить материалы в орган дознания или соответствующий следственный орган мотивированным постановлением для решения вопроса об уголовном преследовании, которое хоть и с 2010 года, в соответствии с изменениями, внесенными в УПК РФ Федеральным законом от 28.12.2010 № 404-ФЗ [11], является поводом к возбуждению уголовного дела (п.4 ч.1 ст. 140 УПК РФ), но не является документом, обязывающим возбудить уголовное дело соответствующих должностных лиц органа дознания или следствия. Данное обстоятельство на практике приводит к увеличению необходимого срока для возбуждения уголовного дела, и, как следствие, к несвоевременному пресечению общественно-опасного деяния и восстановления социальной справедливости.

Выступая за возможность возбуждения прокурорами уголовных дел мы согласны с мнением В. А. Ефановой, о том, что при возвращении прокурору правомочия самостоятельно возбуждать уголовные дела, его нужно ограничить следующими рамками. Во-первых, указанное право возможно реализовать лишь при выявлении в рамках надзорных проверок фактов нарушения уголовного законодательства. Во-вторых, данное право видится необходимым, когда при проверки отказного материала обнаруживается достаточно доказательств для принятия решения о возбуждении уголовного преследования [12, с. 41]. Необходимость закрепления возможности у прокурора возбуждать уголовные дела при проверке отказных материалов также отмечала и К. А. Таболина, которая пишет следующее: «прокурор не вправе возбудить уголовное дело после отмены им постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, даже когда основанием для отмены данного постановления является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, т. е. имеется основание для возбуждения уголовного дела» [13, с. 108].

Разделяя мнение А. А. Магомедова и П. К. Гаджирамазановы отметим, что отсутствие права прокурора обязать должностное лицо, проводящее проверку по сообщению о преступлении и вынесшее постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, понудить к вынесению соответствующего постановления о возбуждении уголовного дела, при наличии в отказном материале достаточных данных, указывающих на наличие признаков преступления, приводит к «вечному хождению», то есть к постоянно отменяемым постановлениям об отказе в возбуждении уголовного дела [14, с. 145].

Разделяя мнение Зайцева С. П., являющегося заместителем Генерального прокурора Российской Федерации, обратим внимание на его слова и укажем, что право прокурора на возбуждение уголовного дела «... станет серьезной гарантией соблюдения прав потерпевших на судебную защиту и доступ к правосудию, а также пресечения фактов превышения полномочий» [15, с. 5], но при вышеописанных нами ограничениях.

Мнение автора подтверждается открытыми аналитическими статистическими данными, находящимися на официальном сайте Генеральной Прокуратуры России, согласно которым сотрудниками органов прокуратуры за период с январь по ноябрь 2022 года выявлено 20 030 преступлений; за период с январь — декабрь 2021 года выявлено 24 788 преступлений; за период с январь — декабрь 2020 года выявлено 24 887 преступлений [16], производство по которым могло быть более оперативным, если прокурор сам мог бы возбудить уголовные дела по выявленным преступлениям.

Проведение материалов проверок и расследования уголовных дел строго регламентирована по срокам, в которые необходимо уложиться должностному лицу, или мотивированно и обоснованно указать, в связи с чем не представилось возможным принять законное и обоснованное решение, в установленные УПК РФ сроки. Так согласно ч.3 ст. 144 УПК РФ только прокурор вправе продлить срок проверки по сообщению о преступлении органу дознания по поступившему ходатайству до тридцати суток. Однако следователь подает аналогичное ходатайство руководителю следственного органа, который аналогично прокурору для органа дознания вправе продлить проверку по сообщению о преступлении до тридцати суток. Разделяем мнение К. А. Таболиной, согласно которой отсутствуют объективные основания для установления различий в полномочиях прокурора в зависимости от органов предварительного расследования. Продлить доследственную проверку возможно лишь в исключительных случаях. Однако то обстоятельство, что прокурор никак не участвует в решении вопроса о продлении срока проверки до 30 суток органами, проводящими предварительное следствие, никак не обеспечивает дополнительной гарантии законности для заявителя о преступлении [17, с. 132]. Решение о продлении прокурором в данном случае также выступало бы дополнительным гарантом отсутствия волюнтаризма в рамках проверки по сообщению о преступ-

лении, и, как следствие, принятия законного и обоснованного решения следователями в разумные сроки.

Касаемо проведения надзора за предварительным расследованием уже после возбуждения уголовного дела полагаем, что полномочий у прокурора при осуществлении надзора за органами дознания достаточны, в связи с чем уделим внимание проблеме недостаточности таких полномочий при осуществлении надзора за органами следствия.

Так при сопоставлении положений п.8 ч. ст. 37 и п.4 ч.1 ст. 39 УПК РФ устанавливается нелогичность, выражающемся в том, что следователю при возбуждении ходатайства перед судом об избрании меры пресечения, или иного действия, допускаемого с разрешения суда, нужно разрешение руководителя следственного органа, но у прокурора имеется возможность участия в судебных заседаниях при разрешении таких вопросов и возможность донести свою позицию до суда [18, с. 47]. Думается, что, если доводы прокурора являются законными и обоснованными, для чего доводить указанный вопрос до суда с учетом имеющегося механизма обжалований решений прокуроров. Также согласны с мнением Смирнова В. С., который справедливо отметил, что наличие лишь только внутриведомственного контроля в данном случае вызывает сомнения [19, с. 56].

Если у автора не возникает вопросов об осуществлении надзорной функции по уголовным делам, в которых должностными лицами следственных органов приняты решения о приостановлении расследования или его прекращения, то думается, что имеется факт недостаточности полномочий прокурора при осуществлении надзорной функции по делам, в которых приняты решения о продлении срока расследования, вытекающие прежде всего из того, что утверждение решения о продлении срока предварительного следствия не является компетенцией прокурора, а руководителя следственного органа (п. 8 ч. 1 ст. 39, ч. 4, 5 ст. 162 УПК РФ). Нелогичность проявляется в следующем, прокурор не обладает правом давать обязательные для исполнения указания следователю или руководителю следственного органа, но при поступлении прокурору жалобы участников уголовного дела о нарушении разумных сроков расследования прокурор при удовлетворении поступившей жалобы в соответствии с ч.2.1 ст. 124 УПК РФ должен указать, какие процессуальные действия и в какие сроки необходимо осуществить для ускорения рассмотрения дела. То есть прокурор в данном случае имеет прямую обязанность дать указания следователю или руководителю следственного органа, направленные на устранение допущенного нарушения разумного срока расследования [20, с. 67]. В этой связи полагаем, что прокурор должен иметь право давать обязательные указания следователю при необоснованном нарушении установленного уголовно-процессуальным законом срока предварительного следствия, выявленные при рассмотрении настоящей жалобы, что никак не подрывает обособленность следственных органов и их самостоятельность при принятии процессуальных решений, так как получению

таких указаний предшествует факт нарушения должностным лицом сроков расследования.

Также необходимо отметить, что такой акт прокурорского реагирования, как требование об устранении нарушений федерального законодательства, не имеет для органов следствия должного обязывающего характера. Д. Е. Едигарьев справедливо отметил, что «нередко требование считается фиктивным, поскольку де-юре этот акт должен быть рычагом воздействия на органы следствия с целью устранения допущенных ими нарушений, а де-факто он лишь констатирует выявленные в ходе проверки нарушения» [21, с. 28].

В научной литературе имеется и другое мнение, что предусмотренная действующая система полномочий прокурора, направленная на осуществление надзора за досудебной стадией уголовного судопроизводства и в целом проведенная в 2007–2010 годах организационно-правовая реформа, направленная на разграничение прокурорского надзора и осуществления расследования, являются базисом для объективного и своевременного прокурорского реагирования. Так А. А. Попов отмечая, что реформа не нашла своего логического завершения, утверждает, что ее результаты создают условия для «состязательного принципа на досудебных стадиях процесса» так как стороне защиты противостоит только следователь, руководитель следственного органа, так как они не получают той поддержки, которую могли бы получать, если бы прокурор активнее участвовал при расследовании уголовного дела. Также А. А. Попов утверждает, что обжалование действий (бездействий) сотрудников органов предварительного следствия независимому прокурору является гарантирует стороне защиты недопущение злоупотреблений должностными лицами, осуществляющими предварительное следствие. [22, с. 70].

Однако надзорная, правозащитная деятельность органов прокуратуры априори осуществляется в целях недопущения нарушений законодательства и реагирования на допущенные нарушения, которые при уменьшении полномочий своевременно выявить стало труднее. Не зря полномочия прокурора по уголовному преследованию и надзору не разделены законодателем, так как они очень тесно переплетены. [23, с. 52] Также нельзя сказать, что органы дознания, благодаря более качественному контролю со стороны прокурора, обладают перед ним какими-либо предпочтениями.

Констатируя вышеуказанное, отметим, что надзорная деятельность прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства справедлива обособлена в системе разделения властей. У должностных лиц органов прокуратуры имеется достаточная нормативно-правовая база, однако можно прийти к справедливому выводу о необходимости дополнений полномочий контрольных функций прокурора при осуществлении надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства для обеспечения выявления нарушений закона и восстановления нарушенных прав участников производства по уголовному

делу, тем более в условиях отсутствия в России так называемого «электронного уголовного дела», то есть системы для хранения цифровой информации, которая бы позволяло прокурору оперативно получать доступ к необхо-

димым документам по уголовному делу или материалу проверки, а также направлять их в орган предварительного расследования по защищенным сетям для его мгновенного получения адресантом.

Литература:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 12.04.2007 № 47-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65773/ / (дата обращения: 03.05.2026).
2. Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: история и современность / К. А. Таболина. — Текст непосредственный // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 11(48). С. 2574–2580.
3. Устав уголовного судопроизводства от 20.11.1863 года. — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> / (дата обращения: 03.05.2026).
4. Постановление ВЦИК от 28.05.1922 «Положение о прокурорском надзоре». — Текст: электронный // Электронная библиотека исторических документов: [сайт]. — URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/351221-postanovlenie-iii-sessii-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-ix-sozyva-polozhenie-o-prokurorskom-nadzore-28-maya-1922-g#mode/inspect/page/1/zoom/4/> / (дата обращения: 04.05.2026).
5. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р. С. Ф.С.Р.») // — Текст: электронный // Электронная библиотека исторических документов: [сайт]. — URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/351221-postanovlenie-iii-sessii-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-ix-sozyva-polozhenie-o-prokurorskom-nadzore-28-maya-1922-g#mode/inspect/page/1/zoom/4/> / (дата обращения: 04.05.2026).
6. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р. С. Ф.С.Р.». — Текст: электронный // Электронная библиотека исторических документов: [сайт]. — URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/358565-postanovlenie-vserossiyskogo-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-ob-utverzhenii-ugolovno-protsessualnogo-kodeksa-r-s-f-s-r-16-fevralya-1923-g#mode/inspect/page/64/zoom/4/> / (дата обращения: 04.05.2026).
7. Указ Президиума ВС СССР от 24.05.1955 «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19140#EyIOWJVCiBpECp6/> / (дата обращения: 04.05.2026).
8. «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ / (дата обращения: 04.05.2026).
9. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР (вместе с Концепцией судебной реформы в РСФСР) // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=221794#pKdRWJVaQvX64YXg1/> / (дата обращения: 05.05.2026).
10. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.04.2026). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ / (дата обращения: 05.05.2026).
11. Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия»). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108566/1d180977d026edde9616ec2b675f597f5573a08e/#dst100282/ / (дата обращения: 05.05.2026).
12. Ефанова В. А. О проблемах прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве / В. А. Ефанова. — Текст непосредственный // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 4. С. 40–47.
13. Таболина К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: монография / «Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина». — Москва: ООО «Юридическое издательство Норма», 2021. — 320 с. — Текст: непосредственный.
14. Ахмедхан М. М., Гаджирамазанова П. К. Процессуальные последствия отмены решения об отказе в возбуждении уголовного дела / М. М. Ахмедхан, П. К. Гаджирамазанова. — Текст непосредственный // Закон и право. 2021. № 9. С. 144–146.
15. Зайцев С. П. Актуальные проблемы защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве / С. П. Зайцев. — Текст непосредственный // Законность. 2012. № 8 (934). С. 3–6.
16. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации: [сайт]. — URL: <http://crimestat.ru/analytics/> / (дата обращения: 06.05.2026).

17. Таболина К. А. О необходимости усиления роли прокурора в процедуре возбуждения и расследования уголовных дел / К. А. Таболина. — Текст непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 2 (42). С. 129–138.
18. Карягина О. В. Актуальные вопросы прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование / О. В. Карягина. — Текст непосредственный // Вестник ТИУиЭ. 2019. № 2 (30). С. 46–49.
19. Смирнов В. С. правовые проблемы прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования / В. С. Смирнов. — Текст непосредственный // Отечественная юриспруденция. 2020. № 5 (44) С. 53–57.
20. Капранов А. В. Формы контроля за обеспечением режима законности в уголовном судопроизводстве / А. В. Капранов // Юристъ-Правоведъ. — 2013. — № 3 (58). — С. 65–69.
21. Едигарьев Д. Е. Проблемы подготовки и применения актов прокурорского реагирования при надзоре за органами предварительного следствия / Д. Е. Едигарьев. — Текст непосредственный // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 5. С. 27–32.
22. Попов А. А. Организация прокурорского надзора за соблюдением законов при производстве предварительного расследования: специальность 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Попов А. А.; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия». — Москва, 2020. — 216 с. — Текст: непосредственный.
23. Грачева О. А. Понятие и сущность прокурорской проверки в досудебном производстве / О. А. Грачева. — Текст непосредственный // Вестник Поволжского института управления. 2016. № 3 (54). — С. 51–55.

Локальные нормативные акты как источник трудового права

Балякин Кирилл Павлович, студент;

Левакина Софья Игоревна, студент

Научный руководитель: Замрыга Дарья Викторовна, старший преподаватель

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматривается правовая природа локальных нормативных актов (ЛНА) как самостоятельного источника трудового права Российской Федерации. Анализируется их место в системе источников, соотношение с государственными нормативными актами, пределы автономии работодателя, современные проблемы правоприменения и возможные направления совершенствования законодательства. Особое внимание уделяется балансу между договорной свободой и императивными гарантиями трудовых прав работников.

Ключевые слова: локальные нормативные акты, источники трудового права, коллективный договор, правила внутреннего трудового распорядка, автономия работодателя, трудовой договор, Трудовой кодекс РФ.

Институт локальных нормативных актов остаётся одним из наиболее развивающихся элементов трудового права. С одной стороны, в условиях цифровизации, удалённой работы, гибких форм занятости и роста индивидуализации трудовых отношений возрастает объективная потребность в детальной регламентации на уровне отдельного работодателя. С другой стороны, именно локальные акты чаще всего становятся источником наиболее острых конфликтов между свободой предпринимательской деятельности и конституционными гарантиями трудовых прав (ст. 7, 37 Конституции РФ).

Согласно ст. 5 Трудового кодекса Российской Федерации локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права, являются самостоятельным источником трудового права. При этом ч. 4 ст. 8 ТК РФ устанавливает

ключевое ограничение: «Нормы локальных нормативных актов, ухудшающие положение работников по сравнению с установленным трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, ... не применяются». Таким образом, законодатель одновременно признаёт за работодателем право на локальное регулирование и жёстко ограничивает это право принципом недопустимости ухудшения положения работников (принцип благоприятствования — ст. 9 ТК РФ).

В доктрине трудового права существует несколько подходов к определению локальных нормативных актов.

А. М. Лушников и М. В. Лушникова рассматривают локальные нормативные акты как проявление локальной автономии работодателя, но подчёркивают их вторичный, субсидиарный характер [3, с. 415]. Авторы настаивают,

что локальные акты не могут создавать самостоятельных правовых режимов, а лишь конкретизируют и детализируют императивные нормы ТК РФ и федеральных законов. Любая попытка установить через локальные акты более жёсткие правила дисциплинарной ответственности или сокращённые сроки выплаты заработной платы квалифицируется как прямое нарушение принципа недопустимости ухудшения положения работников (ч. 4 ст. 8 ТК РФ).

Е. А. Ершова предлагает широкое понимание локальных нормативных актов, включая в их число не только односторонние акты работодателя, но и коллективные договоры, соглашения, локальные акты социального партнёрства [1, с. 302]. По её мнению, такая трактовка соответствует принципу социального партнёрства (ст. 9 ТК РФ) и позволяет рассматривать локальные акты как важный канал реализации договорного метода регулирования трудовых отношений на микроуровне. Ершова критикует судебную практику за излишне формальный подход к критерию «ухудшения положения» и предлагает ввести презумпцию допустимости локальных актов, если они согласованы с профсоюзом или представительным органом работников.

С. П. Маврин и О. В. Смирнов придерживаются узкой концепции локальных нормативных актов, считая их исключительно односторонними актами работодателя [6, с. 98]. Они акцентируют внимание на том, что локальные акты должны носить нормативный, а не индивидуально-правовой характер. По их мнению, включение в них условий, регулирующих конкретного работника (например, персональные надбавки), выводит такой акт за рамки локального нормотворчества и превращает его в элемент трудового договора.

Действующая редакция ТК РФ (ст. 8) придерживается узкого подхода: локальными нормативными актами признаются акты, содержащие нормы трудового права, принимаемые работодателем в пределах своей компетенции в соответствии с трудовым законодательством и коллективным договором.

Наиболее распространённые виды локальных нормативных актов (перечень не исчерпывающий): правила внутреннего трудового распорядка; положение об оплате труда; положение о премировании; график сменности; положение о коммерческой тайне; положение о защите персональных данных работников; инструкции по охране труда; положение о дистанционной работе.

В иерархии источников трудового права ЛНА занимают самую нижнюю ступень (ст. 5, ст. 8 ТК РФ). Они:

1) не могут противоречить Конституции РФ, федеральным законам, указам Президента РФ, постановлениям Правительства РФ, нормативным актам Минтруда России и Роструда;

2) не могут ухудшать положение работников по сравнению с ТК РФ и иными актами, содержащими нормы трудового права (ч. 4 ст. 8 ТК РФ);

3) должны соответствовать коллективному договору (если он заключён).

Несмотря на достаточно подробное законодательное регулирование, применение норм о локальных нормативных актах сопряжено с рядом серьёзных трудностей [4; 5; 7].

Наиболее острой из них является нечёткость критерия «ухудшения положения работника». Суды нередко квалифицируют как ухудшающие те положения локальных актов, которые хотя и не противоречат напрямую Трудовому кодексу, но фактически возлагают на работников дополнительные обременения. Типичным примером служит введение дисциплинарной ответственности за незначительные опоздания при отсутствии прямого запрета в федеральном законодательстве.

Не менее актуальной остаётся проблема соотношения локальных нормативных актов и индивидуального трудового договора. Часть 3 статьи 57 ТК РФ позволяет включать в трудовой договор условия, улучшающие положение работника по сравнению с локальными нормативными актами. Однако судебная практика по вопросу приоритета индивидуального договора над локальным актом до сих пор остаётся неоднородной.

Кроме того, значительное число нарушений связано с несоблюдением установленной процедуры принятия локальных актов [2, с. 26]. Работодатели часто пренебрегают обязанностью учитывать мнение выборного органа первичной профсоюзной организации, что влечёт признание таких актов недействующими.

Для повышения эффективности правового регулирования локальных нормативных актов и снижения количества споров представляется целесообразным реализовать следующие меры.

Стоит задуматься о нескольких изменениях на законодательном уровне. Например, следовало бы закрепить открытый перечень условий, которые локальный акт работодателя ни при каких обстоятельствах не может ухудшить. По аналогии с частью 2 статьи 9 ТК РФ это снизило бы неопределённость критерия «ухудшение положения работника» и сделало бы правоприменение более предсказуемым.

Также необходимо разграничить в Трудовом кодексе обязательные и факультативные условия локальных нормативных актов, а также прописать правила их соотношения с индивидуальным трудовым договором. Тогда удалось бы избежать многих противоречий, которые сейчас встречаются в судебной практике.

По нашему мнению, целесообразно было бы ввести обязательную юридическую экспертизу для наиболее значимых ЛНА, прежде всего положений об оплате труда и правил внутреннего трудового распорядка, но только в крупных организациях (с численностью выше определённого порога). Это помогло бы отсеивать некачественные акты на стадии их принятия.

Кроме того, необходимо ввести механизм уведомительной регистрации коллективных договоров и наиболее важных локальных актов в территориальных органах

Роструда. Это повысило бы их качество и заодно дисциплинировало бы работодателей в части соблюдения процедуры принятия.

Локальные нормативные акты остаются, без сомнения, важнейшим инструментом, позволяющим адаптировать общие нормы трудового права к конкретным условиям производства и управления персоналом. Но их правовая природа двойственна: с одной стороны, они отражают принцип свободы договора и автономию воли работода-

теля, с другой — жёстко ограничены запретом ухудшать положение работника.

Дальнейшее развитие института локальных актов, на наш взгляд, должно идти по пути поиска баланса между расширением договорной свободы и сохранением государственных гарантий трудовых прав. Для этого необходимо не только совершенствовать законодательство, но и формировать более единообразную и предсказуемую судебную практику.

Литература:

1. Ершова, Е. А. Трудовое право в России: монография / Е. А. Ершова; Российская академия правосудия. — Москва: Статут, 2007. — 618 с. — ISBN 978-5-8354-0429-2.
2. Каблучков, А. ТОП-6 изменений, которые срочно нужно учесть при актуализации ЛНА / А. Каблучков // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. — 2025. — № 2. — С. 22–31.
3. Лушников, А. М. Курс трудового права: учебник: в 2 т. Т. 1: Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2009. — 879 с. — ISBN 978-5-8354-0581-7.
4. Мустафаева, Ю. Ф. Роль локальных нормативных актов в трудовых правоотношениях / Ю. Ф. Мустафаева // Вестник науки. — 2023. — № 10 (67). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-lokalnyh-normativnyh-aktov-v-trudovyh-pravootnosheniyah> (дата обращения: 30.03.2026).
5. Русинова, А. О. Особенности применения локальных нормативных актов в сфере трудовых правоотношений / А. О. Русинова; научный руководитель В. М. Маркевич. — Текст: электронный // Документ в современном обществе: место и роль в формировании бюрократических систем управления: материалы XVIII Всероссийской с международным участием студенческой научно-практической конференции. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2025. — С. 130–133. — URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/135162> (дата обращения: 30.03.2026).
6. Смирнов, О. В. Трудовое право: учебник / О. В. Смирнов, И. О. Снигирева, И. Г. Гладков; под ред. О. В. Смирнова, И. О. Снигиревой, И. Г. Гладкова. — 5-е изд. — Москва: РГ-Пресс, 2016. — 520 с. — ISBN 978-5-9988-0528-0.
7. Сувандии, Б.-Х. Локальные нормативно-правовые акты как источники трудового права / Б.-Х. Сувандии // Экономика и социум. — 2018. — № 5 (48). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lokalnye-normativno-pravovye-akty-kak-istochniki-trudovogo-prava> (дата обращения: 30.03.2026).

Проблемы институциональной и процессуальной самостоятельности арбитражных судов в современной России

Балякин Алексей Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Данилова Ольга Андреевна, кандидат юридических наук, доцент

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов)

В статье анализируются проблемы институциональной и процессуальной самостоятельности арбитражных судов Российской Федерации после реформы 2014 года, связанной с упразднением Высшего Арбитражного Суда и передачей его полномочий Верховному Суду РФ. Автором выделены две группы проблем. В рамках институционального блока рассматриваются неопределенность правового статуса арбитражных судов как юридических лиц по сравнению с судами общей юрисдикции, а также утрата прежней автономии арбитражной подсистемы, обусловленная подчинением Судебной коллегии по экономическим спорам Президиуму Верховного Суда. В сфере процессуальной самостоятельности исследована проблема злоупотребления правом на представление доказательств в апелляционной инстанции, возникающая из-за либерального толкования судами критериев уважительности причин пропуска процессуальных сроков. На основе анализа предлагается законодательное закрепление преклюзивного механизма в АПК РФ (аналогично английским Civil Procedure Rules) и наделение Судебной коллегии по экономическим спорам правом на самостоятельные разъяснения практики. Сделан вывод о системном характере выявленных проблем и предложены точечные меры по их устранению без кардинальной ломки сложившейся системы экономического правосудия.

Ключевые слова: арбитражные суды, экономическое правосудие, судебная реформа 2014 года, самостоятельность судов, институциональные проблемы, процессуальные проблемы, преклюзивный механизм, представление доказательств, апелляционная инстанция, правовой статус суда.

Экономическое правосудие в Российской Федерации представлено системой арбитражных судов. Как гласит статья 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ [1], «Арбитражный суд рассматривает дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности».

Несмотря на то, что крупные, фундаментальные законодательные изменения, связанные с упразднением Высшего Арбитражного Суда РФ и передачей его полномочий Верховному Суду РФ, которые были нацелены на систему арбитражных судов, произошли более десяти лет назад, дискуссия о последствиях данной реформы не утихает до сих пор. Как справедливо отмечают Оганов, Боровиков и Анучкина, «вопрос об объединении двух высших органов правосудия вызвал широкий резонанс в юридическом сообществе» [2, с. 79–84]. Причём полемика развернулась как по институциональным, так и по процессуальным аспектам функционирования арбитражных судов.

Анализ вопроса, а также изучение научных работ позволяет выделить две взаимосвязанные, но относительно самостоятельные группы проблем.

Первую группу проблем можно обозначить как институциональные. Институциональные проблемы связаны с неопределённостью правового статуса арбитражных судов, их местом в судебной системе и объёмом собственной компетенции. Вторую же группу проблем можно обозначить как процессуальные. Процессуальные проблемы касаются реализации принципа состязательности, стандартов доказывания и эффективности рассмотрения судебных актов.

При детальном рассмотрении данного вопроса, стоит уделить время понятийному аспекту. Маннигулова А. Н. отмечает, что дефиниция определения «арбитражный суд» не так очевидна, как кажется. Однако в своей работе исследователь приходит к выводу о том, что понятие «арбитражный суд» в российском законодательстве используется как минимум в трёх значениях: судебная инстанция (орган, осуществляющий правосудие), участник арбитражного процесса (судейский состав) и юридическое лицо, имеющее печать и расчётный счёт [3, с. 54–59]. Такая многозначность порождает практические коллизии: например, при предъявлении иска о возмещении вреда, причинённого незаконными действиями судьи, непонятно, кто должен выступать ответчиком — председатель суда как орган юридического лица или само судебное учреждение.

Особую остроту проблеме придаёт различие в статусе между арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Согласно ст. 50 ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ» [5], арбитражный суд является юридическим лицом,

в то время как районные суды общей юрисдикции такого статуса не имеют, это может следовать из Федерального конституционного закона от 07.02.2011 N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [6] так как «В отношении районных судов полномочия юридического лица реализуются Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации». Следует справедливо заметить, что это нарушает принцип единства судебной системы. Исходя из этого, статусом юридического лица следует наделить все федеральные суды (с соответствующим финансированием), либо, что более рационально, исключить его для арбитражных судов, передав организационные функции Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации. Нынешнее положение создаёт искусственную дифференциацию и может порождать споры о подсудности, что очевидно, может потребовать законодательного вмешательства.

Помимо представленной неопределённости, другая группа институциональных проблем связана с последствиями реформы 2014 года. До реформы организационно арбитражные суды действовали на четырёх уровнях и имели собственный высший орган — ВАС РФ. Токарева Ю. Д. в своей работе указывает, что: «арбитражные суды считаются автономными частями российской судебной системы, ранее это значительно демонстрировалось до судебной реформы 2014 года — арбитражная система возглавлялась своим собственным органом» [7, с. 5422–5432]. Упразднение Высшего Арбитражного Суда и учреждение Судебной коллегии по экономическим спорам в структуре Верховного Суда РФ повлекли за собой утрату прежней автономии. Если ВАС РФ не имел над собой формального «начальства», то новообразованная коллегия обрела вышестоящий орган, что может ставить под вопрос её независимость.

На наш взгляд, данные опасения могут иметь под собой основания. Хотя коллегия по экономическим спорам сохранила кадровый состав и многие традиции ВАС РФ, её решения могут быть пересмотрены Президиумом Верховного Суда, где большинство не являются специалистами по экономическим спорам. Данное предположение также имеет смысл при учете того, что разъяснения по вопросам судебной практики теперь даются Пленумом Верховного Суда РФ, что создаёт риск унификации подходов без учёта специфики экономических отношений. Исходя из этого, следует заметить, что самостоятельность арбитражной подсистемы сегодня носит скорее административный, чем сущностный характер. Для её сохранения необходимо законодательно закрепить право Судебной коллегии по экономическим спорам на издание собственных обзоров практики и разъяснений, не требующих утверждения Пленумом Верховного Суда.

Также стоит детальнее обратиться к проблеме злоупотребления правом на представление доказательств в апелляционной инстанции. Падин А. Э. в своей работе отмечает, что, несмотря на формальное правило части 2 статьи 268 АПК РФ, согласно которому новые доказательства принимаются судом апелляционной инстанции только при условии обоснования стороной уважительности причин их непредставления в суд первой инстанции, «нередки ситуации, когда стороны, участвующие в деле, злоупотребляют своим правом и не предоставляют доказательства в суд первой инстанции с целью их дальнейшего представления во второй (апелляционной) инстанции» [8, с. 60–66]. Иными словами, закреплённое законом ограничение на практике часто обходится, поскольку критерии «уважительности» причин трактуются судами весьма либерально. На первый взгляд, такой подход расширяет возможности сторон по представлению доказательств, так как стороны могут представить доказательства, и апелляционная инстанция их примет. Главными критериями необходимости принятия дополнительных (новых) доказательств является их существенное значение для фактических обстоятельств и установления так называемой объективной истины по делу. Однако на практике возникает ряд препятствий, что приводит к отмене актов нижестоящего суда, вынесенные на основе своевременно и добросовестно раскрытых доказательств, так как сторона скрыла доказательства и не представила их суду.

Подобная практика подрывает авторитет суда первой инстанции, стимулирует процессуальную пассивность и создаёт благоприятную среду для злоупотреблений. Добросовестная сторона, исполнившая обязанность по раскрытию доказательств, оказывается в заведомо невыгодном положении, поскольку её процессуальный оппонент получает «второй шанс» уже после вынесения решения.

Исходя из этого, стоит вывести, что принцип объективной истины, не закреплённый прямо в АПК РФ, но фактически применяемый судами, вступает в непримиримое противоречие с принципом состязательности, закреплённым в статье 9 АПК РФ и части 3 статьи 123 Конституции РФ. Состязательность предполагает, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается, а риск наступления последствий несовершения процессуальных действий несёт сама сторона (часть 2 статьи 9 АПК РФ). Однако, когда суд апелляционной инстанции принимает новые доказательства от стороны, умолчавшей о них в первой инстанции, этот риск фактически перекладывается на добросовестного участника процесса. Для преодоления данной коллизии

представляется необходимым законодательно закрепить в АПК РФ преклюзивный механизм в отношении доказательств, не раскрытых в суде первой инстанции без уважительных причин. Предлагается дополнить статью 268 АПК РФ положением о том, что доказательства, которые могли быть представлены стороной в суде первой инстанции при должной степени заботливости и осмотрительности, не подлежат исследованию в апелляционной инстанции, а их представление не может служить основанием для отмены или изменения решения суда первой инстанции. Исключения возможны лишь в двух случаях: (1) если сторона объективно не имела возможности представить доказательства в первой инстанции (если сторона не могла разумно предвидеть необходимость их представления) или (2) если эти доказательства опровергают факт подлога или фальсификации доказательств, ранее положенных в основу решения.

Введение такого преклюзивного правила не только повысит ответственность сторон за своевременное раскрытие доказательств, но и укрепит авторитет решений суда первой инстанции, а также сократит сроки рассмотрения дел, поскольку апелляционная инстанция перестанет быть местом для «исправления ошибок» недобросовестных участников процесса. Зарубежный опыт (например, правила гражданского судопроизводства Англии — Civil Procedure Rules, Part 52 [9]) свидетельствует о том, что строгий преклюзивный механизм является эффективным средством борьбы с затягиванием процесса и злоупотреблением процессуальными правами. Рецепция этого опыта с учётом российской специфики представляется целесообразной.

Проведенный анализ позволяет заключить, что проблемы институциональной и процессуальной самостоятельности арбитражных судов в современной России носят системный характер. Упразднение ВАС РФ создало вакуум стратегического руководства экономическим правосудием, данная проблема существует и сегодня. Сохранившиеся процессуальные недостатки снижают эффективность судебной защиты. Вместе с тем в сфере регулирования и развития экономической системы правосудия играет не меньшую роль, чем законодатель. Задача законодателя — не разрушать сложившуюся специализированную систему, а точно корректировать её, устраняя выявленные пробелы и коллизии. Предложенные в статье механизмы не требуют кардинальных изменений в арбитражном процессуальном законодательстве, но они способны значительно повысить качество экономического правосудия и укрепить доверие предпринимательского сообщества к судебной системе.

Литература:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 29.07.2002, N 30, ст. 3012.
2. Оганов Г. К., Боровиков Г. К., Анучкина А. Д. «Арбитражные суды в РФ: система, структура и компетенция // Форум молодых ученых. -2019. — № 4. — С. 79–84

3. Миннигулова А. Н. Понятие арбитражного суда в правовой системе Российской Федерации // Право и государственность. 2025. № 2 (7). С. 54–59.
4. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 N 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) // «Собрание законодательства РФ», 01.05.1995, N 18, ст. 1589
5. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 N 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 14.02.2011, N 7, ст. 898
6. Токарева Ю. Д. Правовое положение арбитражных судов в современной судебной системе // Столыпинский вестник. 2023. № 11. С. 5422–5432.
7. Падин А. Э. Правовая политика в сфере развития экономического правосудия Российской Федерации. Проблемы оптимизации арбитражного судопроизводства // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 60–66
8. Civil Procedure Rules 1998 (England and Wales) // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/1998/3132/contents/made> (дата обращения: 21.03.2026).

Проблемы судебного представительства и оформления полномочий

Батаева Ирина Андреевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Веселкова Евгения Евгеньевна, доктор юридических наук, профессор

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена комплексному анализу актуальных проблем судебного представительства в российском гражданском процессе. Рассматриваются дискуссионные вопросы введения адвокатской монополии, практические сложности оформления полномочий представителей, неопределенность перечня документов, подтверждающих квалификацию, а также проблемы извещения законных представителей и восстановления процессуальных сроков для несовершеннолетних, достигших совершеннолетия. На основе анализа судебной практики Московского городского суда выявлены системные пробелы законодательства. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию правового регулирования судебного представительства, направленные на обеспечение баланса между доступностью правосудия и профессионализмом представителей.

Ключевые слова: судебное представительство, адвокатская монополия, доверенность, законный представитель, процессуальный срок, квалификация представителя, конфликт интересов, судебная практика, гражданский процесс, оформление полномочий.

Институт судебного представительства в Российской Федерации сталкивается с комплексом системных проблем, связанных как с дискуссионными вопросами о реформе профессионального представительства, так и с практическими сложностями оформления полномочий представителей в гражданском и арбитражном процессе. Несмотря на многократные попытки законодателя упорядочить данную сферу, сохраняется значительное количество пробелов и противоречий, которые негативно сказываются на доступности правосудия и качестве защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Актуальность исследования обусловлена продолжающейся цифровизацией гражданского оборота, внедрением электронных форм доверенностей, а также необходимостью повышения профессионализма судебных представителей при сохранении конституционного права на квалифицированную юридическую помощь.

Основным вопросом, который активно обсуждается в юридической среде и вносит существенную неопределенность в правоприменительную практику, является инициатива Министерства юстиции Российской Федерации о введении так называемой «адвокатской моно-

полии» — модели, при которой представлять интересы сторон в судах могли бы только адвокаты. Данный законопроект, предложенный в 2025 году, предусматривал, что исключение из этого правила делается лишь для штатных юристов организаций, близких родственников, сотрудников государственных юридических бюро, патентных поверенных, арбитражных управляющих и некоторых других категорий лиц, причем изменения не должны были затронуть споры, рассматриваемые мировыми судьями, и дела об административных правонарушениях [5, с.6].

Однако в марте 2026 года законопроект не был принят Государственной Думой, что, тем не менее, не снимает остроты обсуждаемой проблемы, поскольку идея профессионализации судебного представительства продолжает находить как сторонников, так и противников в научной и практической среде. Основные проблемы, связанные с инициативой введения адвокатской монополии, носят как количественный, так и качественный характер. Прежде всего, речь идет о дефиците адвокатов в Российской Федерации — по оценкам экспертов, в стране насчитывается около семидесяти пяти — восьмидесяти тысяч адвокатов, что, по мнению многих специалистов, может

оказаться недостаточным при резком увеличении спроса на их услуги в случае введения монополии, что неизбежно привело бы к росту цен на юридическую помощь и, как следствие, к снижению доступности правосудия для граждан и малого бизнеса, особенно в регионах с низкой плотностью адвокатских образований. Кроме того, вступление в адвокатуру связано с обязательными взносами в адвокатские палаты, что увеличивает расходы представителей, а также с тем, что адвокаты не могут применять упрощенную систему налогообложения, что делает их услуги заведомо более дорогими по сравнению с услугами юристов, действующих в качестве индивидуальных предпринимателей. Еще одной существенной проблемой является потенциальная потеря узкой специализации, поскольку узкопрофильные юристы, например специалисты по недвижимости, IT-праву, корпоративному праву, налоговому консультированию, могли бы быть вытеснены из судов, так как для участия в процессе им пришлось бы получать статус адвоката, что не всегда оправданно с экономической точки зрения [6, с.18].

Помимо фундаментальной дискуссии о монополии адвокатов, в текущем году сохраняются многочисленные практические проблемы оформления полномочий судебных представителей, которые непосредственно влияют на ход и результат судебных разбирательств. Одной из таких проблем является неопределенность в перечне документов, подтверждающих квалификацию представителя. Согласно действующему процессуальному законодательству, юрист, выступающий представителем, должен представить документ, подтверждающий его квалификацию — диплом о высшем юридическом образовании или документ об ученой степени по юридической специальности. Однако сам кодекс не содержит конкретного перечня таких документов, что создает правовую неопределенность и может приводить к спорам о допустимости представителя [7, с.34]. Суды вынуждены ориентироваться на обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, в частности Обзор судебной практики № 4 (2019), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 года [1], но это не устраняет проблему полностью, поскольку такие обзоры не являются источниками права в строгом смысле слова. Отсутствие в законе четкого перечня документов, которые могут считаться подтверждением квалификации, порождает ситуации, когда представитель, имеющий диплом о высшем юридическом образовании, выданный иностранным государством, или диплом о переподготовке, может быть не допущен к участию в деле по усмотрению суда, что нарушает права доверителя.

Другой проблемой является оформление доверенности на судебное представительство. В соответствии с требованиями процессуального законодательства, доверенность должна содержать четкое перечисление полномочий представителя. Если в ней не указаны конкретные действия (например, право на отказ от иска, признание иска, заключение мирового соглашения, передача полномочий другому лицу, обжалование судебного постанов-

ления, предъявление исполнительного документа к взысканию, получение присужденного имущества или денег), представитель не вправе их совершать, даже при наличии общих формулировок типа «представлять интересы во всех судебных органах» [8, с.80]. Однако на практике часто возникают ситуации, когда доверенность составлена с нарушениями или не содержит всех необходимых полномочий, что приводит к отказу в совершении тех или иных процессуальных действий, а в худшем случае — к признанию действий представителя совершенными с превышением полномочий и, как следствие, к отмене судебного акта [7, с.37].

Судебная практика наглядно иллюстрирует указанные проблемы. Так, Апелляционное определение Московского городского суда от 12.12.2024 по делу № 33–55290/2024 (УИД 77RS0025–02–2024–000770–49) [2] демонстрирует проблемы, связанные с ненадлежащим извещением законного представителя и последствиями этого для действительности судебного разбирательства. В рамках данного дела законный представитель несовершеннолетней (мать) обжаловала решение суда о признании ребенка не приобретшим право пользования жилым помещением, ссылаясь на ненадлежащее извещение о судебном заседании. Суд апелляционной инстанции установил, что судебное извещение было направлено по адресу регистрации законного представителя и вручено ей, причем в извещении отсутствовало прямое указание на то, что она вызывается именно в качестве законного представителя несовершеннолетнего ответчика. Судебная коллегия отклонила этот довод, указав: «В силу п. 1 ст. 56 СК РФ, ст. 37 ч. 5 ГПК РФ родители осуществляют защиту прав и законных интересов ребенка, а также представляют интересы несовершеннолетнего ребенка, не достигшего возраста 14 лет, в суде». Данное дело демонстрирует, что суд исходит из принципа единства процессуального статуса законного представителя, однако оно же показывает и потенциальную проблему: если бы извещение не было вручено законному представителю вообще, это могло бы стать основанием для отмены решения, но формальных требований к указанию статуса представителя в извещении закон не содержит, что создает риски для добросовестных участников процесса.

Еще одной проблемой, связанной с оформлением полномочий законных представителей, является вопрос о восстановлении процессуальных сроков для несовершеннолетних, достигших совершеннолетия, если их законные представители по каким-либо причинам не обжаловали судебный акт. Данная проблема получила детальное рассмотрение в Апелляционном определении Московского городского суда от 12.03.2025 по делу № 33–12004/2025 (УИД 77RS0008–02–2023–004489–59) [3]. В этом деле третье лицо, достигнув совершеннолетия, обратилась с апелляционной жалобой на решение суда о разделе совместно нажитого имущества, ссылаясь на то, что на момент рассмотрения дела она была несовершеннолетней и не могла самостоятельно защищать свои интересы. Суд апелляционной инстанции отказал в восста-

новлении пропущенного процессуального срока, указав: «На момент вынесения решения суда интересы заявителя в суде представлял его законный представитель, которая принимала процессуальное участие в рамках рассмотрения указанного дела, представляла интересы несовершеннолетней, действуя добросовестно, имела возможность обжаловать судебный акт, в том числе действуя в интересах, своим правом не воспользовались. Исходя из добросовестности действий родителей, законодатель не связывает момент обжалования судебных решений с объективной возможностью несовершеннолетнего реализовывать свои процессуальные права, поскольку данные права за него реализуются его законными представителями». Данная позиция, безусловно, направлена на обеспечение стабильности судебных актов и пресечение злоупотреблений, однако она создает проблему для тех несовершеннолетних, чьи законные представители действовали недобросовестно или некачественно. В законодательстве отсутствует механизм защиты прав несовершеннолетнего в ситуации, когда его законный представитель по небрежности или умышленно не обжаловал незаконное судебное решение, а сам несовершеннолетний, став совершеннолетним, обнаруживает нарушение своих прав. Представляется, что данная проблема требует законодательного решения, возможно, путем предоставления лицу, достигшему совершеннолетия, права на восстановление срока обжалования, если будет доказано, что его законный представитель действовал недобросовестно или с нарушением интересов представляемого.

Следует также обратить внимание на проблему, связанную с действительностью доверенности, выданной представляемым, который впоследствии был признан недееспособным. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.02.2026 № 33–6930/26 (УИД 77RS0006–02–2024–008001–24) [4] иллюстрирует данную ситуацию. В этом деле Департамент городского имущества г. Москвы обратился с иском о признании недееспособной Ф. утратившей право пользования жилым помещением. Суд первой инстанции удовлетворил иск, однако судебная коллегия отменила это решение, указав, что временное отсутствие нанимателя жилого помещения по договору социального найма не влечет за собой изменение его прав и обязанностей, и что за Ф. сохранено право пользования жилым помещением на период ее пребывания в стационарном учреждении социального обслуживания. Хотя данное дело в основном касалось признания утратившей право пользования жилым помещением, оно иллюстрирует важную проблему: после признания гражданина недееспособным все доверенности, выданные

им ранее, прекращают свое действие, однако на практике не всегда удается своевременно отследить этот факт, что может привести к совершению юридически значимых действий от имени недееспособного лица его бывшим представителем по доверенности [9, с.5]. Законодательство не предусматривает механизма автоматического уведомления третьих лиц (включая суды) о признании лица недееспособным, что создает риски для добросовестных участников оборота. Существенной проблемой, которая сохраняется в процессуальном законодательстве, является отсутствие правовых последствий допуска ненадлежащего представителя. Процессуальное законодательство не предусматривает конкретных последствий, если в дело допущен представитель, не отвечающий требованиям закона (например, не имеющий высшего юридического образования при рассмотрении дела в арбитражном суде или в апелляционной инстанции суда общей юрисдикции). Это может приводить к апелляционным жалобам стороны, проигравшей спор, однако, как правило, не является основанием для отмены судебного решения, если суд первой инстанции допустил такого представителя. Отсутствие механизмов ответственности для суда или других участников процесса за допуск к представительству лица, не имеющего права на это, снижает стимулы к соблюдению процессуальных норм и создает ситуацию правовой неопределенности.

Система судебного представительства в текущем году сталкивается с комплексом проблем — от дискуссий о фундаментальных изменениях в регулировании (адвокатская монополия) до технических сложностей оформления полномочий и отсутствия четких стандартов квалификации представителей. Решение этих вопросов требует взвешенного подхода, который обеспечил бы баланс между повышением качества юридических услуг и сохранением доступности правосудия для всех категорий граждан. Необходимо законодательное закрепление четких требований к оформлению доверенностей, создание перечня документов, подтверждающих квалификацию представителей, а также разработка механизмов контроля за качеством услуг неадвокатских представителей. Кроме того, требуется урегулирование вопроса о последствиях ненадлежащего извещения законных представителей и о возможности восстановления процессуальных сроков для несовершеннолетних, ставших совершеннолетними, если их законные представители действовали недобросовестно. Только системный подход, сочетающий правовые, этические и организационные меры, способен существенно снизить риски нарушений в сфере судебного представительства.

Литература:

1. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 7, июль, 2020
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.12.2024 по делу № 33–55290/2024 (УИД 77RS0025–02–2024–000770–49). — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.05.2026).

3. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.03.2025 по делу № 33–12004/2025 (УИД 77RS0008–02–2023–004489–59). — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.05.2026).
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.02.2026 № 33–6930/26 (УИД 77RS0006–02–2024–008001–24). — URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 03.05.2026).
5. Августина И. Д. Проблемы правового регулирования института представительства и смежных с ним институтов гражданского процессуального права // Российский судья. — 2024. — № 10. — С. 2–8.
6. Баканов К. И. Виды судебного представительства // Арбитражный и гражданский процесс. — 2024. — № 11. — С. 17–20.
7. Бардин Л. Н. Представительство в суде как квалифицированная юридическая помощь // Арбитражный и гражданский процесс. — 2023. — № 11. — С. 33–37.
8. Казиханова С. С., Ионова Д. Ю. Профессионализация судебного представительства, или Еще раз к вопросу о доступности правосудия // Хозяйство и право. — 2023. — № 11. — С. 77–92.
9. Кошелев Е. Н. К вопросу о реформировании рынка юридических услуг и сферы оказания юридической помощи // Адвокатская практика. — 2025. — № 2. — С. 2–6.

Исполнение обязательства третьим лицом в гражданском праве Российской Федерации: правовая природа, условия и правовые последствия

Бахтеева Мадина Рашидовна
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

Институт исполнения обязательства третьим лицом, закрепленный в статье 313 Гражданского кодекса РФ, представляет собой одну из наиболее дискуссионных конструкций современного российского гражданского права [1]. Согласно действующему законодательству, должник вправе возложить исполнение обязательства на третье лицо, если из закона, иных правовых актов, условий обязательства или его существа не вытекает обязанность должника исполнить обязательство лично. В этом случае кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом. Однако простота данной формулировки скрывает множество правовых проблем, требующих детального анализа.

Ключевой вопрос заключается в определении юридической связи между третьим лицом и кредитором в момент исполнения обязательства. Современная цивилистика склоняется к пониманию исполнения обязательства третьим лицом как особого правового механизма, который не тождественен ни представительству, ни переводу долга, ни уступке требования. Принципиальное отличие от представительства заключается в том, что третье лицо действует не от имени должника, а от собственного имени, хотя и в интересах должника. При этом третье лицо может даже не иметь каких-либо внутренних договоренностей с должником, действуя исключительно из собственных побуждений [2, с. 236].

Законодатель устанавливает определенные условия, при наличии которых исполнение обязательства третьим лицом является допустимым:

- отсутствие требования о личном исполнении обязательства должником;

- соответствие исполнения третьего лица условиям первоначального обязательства. Третье лицо должно предложить исполнение в том же объеме, в те же сроки и тем же способом, что и должник по основному обязательству. Любые отклонения могут дать кредитору право отказаться от принятия исполнения

Для кредитора основное последствие исполнения обязательства третьим лицом заключается в удовлетворении его требования и прекращении обязательства. С момента принятия исполнения от третьего лица кредитор утрачивает право требовать исполнения от должника. При этом кредитор, по общему правилу, не приобретает каких-либо обязанностей перед третьим лицом, исполнившим обязательство, если только сам кредитор не принял на себя такие обязательства по отдельному соглашению.

Важный практический вопрос связан с правом кредитора отказаться от принятия исполнения, предложенного третьим лицом. Согласно части 1 статьи 313 ГК РФ, кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом. Вместе с тем из данного правила вытекают исключения, когда кредитор заинтересован в личном исполнении обязательства именно должником [4, с. 42].

Для должника правовые последствия исполнения обязательства третьим лицом являются более сложными и неоднозначными. С одной стороны, должник освобождается от обязанности перед кредитором, что является благоприятным последствием. С другой стороны, у должника может возникнуть обязанность перед третьим лицом, исполнившим обязательство.

Третье лицо, исполнившее обязательство, не становится кредитором по первоначальному обязательству.

У него возникает самостоятельное требование к должнику о возврате исполненного. При этом правовая природа такого требования зависит от оснований, по которым третье лицо произвело исполнение.

Но вот что действительно интересно — как меняется ситуация, когда обязательство исполняет не сам должник, а третье лицо. Можно легко вспомнить такую ситуацию: у знакомого проблемы с долгами, и его друг выплачивает кредит за него. Что будет дальше? Ответ кроется в пункте 2 статьи 313 ГК РФ: если должник не возлагал исполнение обязательства на третье лицо, кредитор обязан принять исполнение, предложенное за должника таким третьим лицом, в следующих случаях: должником допущена просрочка исполнения денежного обязательства; такое третье лицо подвергается опасности утратить свое право на имущество должника вследствие обращения взыскания на это имущество. Казалось бы, все прозрачно — но на практике начинается спор о деталях: какие именно права переходят? Только ли «голое» право требования отдать сумму долга или весь комплект — проценты по договору, штрафы за просрочку и сопутствующие права?

Исследователи склонны считать: в большинстве случаев новому кредитору достается все наследство старого — и основное право требования, и проценты, и возможность взыскивать неустойку. Если исходить из судебной практики последних лет, то без специальных оговорок в законе или договоре третье лицо получит лишь основной долг — а вот акцессорные права вроде

штрафов или процентов останутся за скобками. Конечно, бывают исключения; многое упирается в конкретную ситуацию и характер этих дополнительных прав (об этом море споров на страницах юридических журналов).

Есть еще один пласт нюансов: обеспечительные обязательства (те же поручительства или залог). Когда обязательство исполнил кто-то третий — что делать с гарантиями или заложенным имуществом? Этот вопрос до сих пор вызывает массу споров даже среди практикующих юристов. Тут хватает подводных камней: иногда новое лицо может воспользоваться обеспечением наряду с правом основного кредитора, а иногда нет. Если основное обязательство было обеспечено залогом, поручительством или иными способами, исполнение третьим лицом прекращает не только основное обязательство, но и акцессорные обеспечительные обязательства. При этом третье лицо, исполнившее обязательство, может приобрести права залогодержателя или иного лица, предоставившего обеспечение [5, с. 130]

Итак, институт исполнения обязательства третьим лицом представляет собой самостоятельный правовой механизм, обладающий специфической правовой природой и не сводимый к иным способам изменения обязательствных правоотношений. Этот институт играет важную роль в обеспечении гибкости гражданского оборота и защите прав кредиторов, однако его применение порождает многочисленные теоретические и практические проблемы.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301
2. Медянская В. А. Понятие и некоторые особенности категории «обязательство». Молодой ученый. 2024. № 18 (517). С. 235–238.
3. Габова А. В. Принципы исполнения обязательств в гражданском праве России: сущность и характеристика. Устойчивое развитие науки и образования. 2022. № 7 (70). С. 41–45.
4. Михеев В. В. Понятие обязательства и основания его прекращения. Молодой ученый. 2022. № 40 (435). С. 129–131.

Особенности исполнения договора оказания ритуальных услуг на примере анализа судебной практики

Безганс Эмиль Владимирович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье автором рассмотрены особенности исполнения договора оказания ритуальных услуг на примере анализа судебной практики.

Ключевые слова: договор оказания ритуальных услуг, ненадлежащее качество, судебная практика, объем ритуальных услуг, нарушение сроков, качество ритуальных услуг.

Для начала следует отметить, что рассмотрение гражданских дел, вытекающих непосредственно из споров об оказании ритуальных услуг ненадлежащего

качества, позволяет констатировать, что значительный массив нарушений в исследуемой области связан с игнорированием исполнителем не только формальных условий

сделки, но и обязательных требований, продиктованных в свою очередь самим существом обрядового действия.

Обращаясь к сформировавшемуся эмпирическому материалу, целесообразно систематизировать обнаруженные проблемы исполнения рассматриваемого вида договоров на оказание ритуальных услуг по ключевым основаниям, так или иначе отражающими пороки исполнения договоров.

В свою очередь, первую категорию составляют споры, сопряжённые с нарушением сроков оказания ритуальных услуг.

Так, в решении Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда от 03.09.2019 по делу № 2–284/2019 предметом судебной оценки стала ситуация, в которой похоронная процессия столкнулась с существенной задержкой в предоставлении транспорта для дальнейшей транспортировки гроба с усопшим [1].

Приведенный выше судебный акт иллюстрирует собой непосредственно неприменимость обычной логики предпринимательского риска к сфере ритуальных услуг, ведь в свою очередь промедление в предоставлении катафалка или несвоевременное выполнение земляных работ не могут квалифицироваться исключительно как просрочка исполнения в её цивилистическом доктринальном понимании.

Рассматриваемые выше действия или бездействие в свою очередь дезорганизуют не только формальный регламент церемонии, но и наносят значительный ущерб психоэмоциональному состоянию участников ритуального мероприятия, фактически нивелируя саму идею погребения.

Своевременное оказание ритуальных услуг в рассматриваемом случае приобретает характер не просто договорной обязанности, а фундаментального элемента надлежащего качества услуги.

Продолжая рассмотрение соответствующей практики следует отметить, что в фабуле дела, рассмотренного Камышинским городским судом Волгоградской области и отраженным в решении от 17.03.2021 по делу № 2–288/2021, нашла свое проявление непосредственная неподготовленность персонала похоронной организации к исполнению взятых на себя договорных обязанностей [2].

Так, в соответствии с фабулой рассматриваемого дела, сотрудники похоронной службы, прибыв на место погребения, не обладали сведениями о точном местонахождении могилы для захоронения, что спровоцировало следующие длительные поиски места захоронения.

Думается, что рассмотренная в указанном примере неосведомлённость персонала является прямым доказательством грубой небрежности в исполнении принятых обязательств, так как знание индивидуальных особенностей места захоронения, в том числе и его местонахождения, составляет часть предмета договора.

Кроме того, зафиксированное в материалах рассматриваемого дела неэтичное поведение работников по отношению к заказчикам ритуальных услуг служит юри-

дическим фактом, свидетельствующим о несоблюдении стандарта ГОСТ 54611–2011, предписывающего проявление тактичности и уважения к скорбящим [3].

Суд, оценивая в свою очередь совокупность отмеченных выше нарушений, обоснованно применил меры ответственности в виде компенсации морального вреда, подчеркнув, что неэтичное поведение персонала неотделимо от понятия качества услуги относительно к ритуальным услугам.

Представляется, что отдельного внимания в рассматриваемом контексте заслуживают дела, связанные с превышением исполнителем объема согласованных между сторонами услуг и навязыванием дополнительного сервиса.

Так, в судебном решении от 14.10.2024 года по делу № 2–4975/2024 рассмотренному Тимирязевском районном суде города Москвы, сотрудники патологоанатомического отделения медицинского учреждения произвело наложение макияжа на тело усопшей вопреки прямому волеизъявлению родственников, отказавшихся от платных косметических процедур [4].

В отношении же другого умершего, в соответствии с мотивировочной частью исследуемого решения, был зафиксирован дефект подготовки тела, а именно открытый рот, информация о котором не была своевременно доведена до заказчиков, что лишило их возможности минимизировать психотравмирующий фактор при организации дальнейшей процедуры прощания.

Так, рассмотренный выше судебный прецедент демонстрирует услуги по подготовке тела к погребению в объект злоупотребления со стороны исполнителя.

В свою очередь, оказание не согласованной с потребителем услуги, представляет собой нарушение принципа автономии воли заказчика и посягает непосредственно на его нематериальные блага.

Наконец, особенно примечателен процесс исполнения договора погребения лиц, чей статус предполагает определенные государственные гарантии в похоронной сфере.

Решение Индустриального районного суда города Хабаровска от 05.12.2025 по делу № 2–5282/2025 демонстрирует возникающий при оформлении договора на погребение участников Специальной военной операции специфический характер складывающихся правоотношений [5].

В соответствии с фабулой рассматриваемого дела исполнитель — похоронная организация, непосредственно внесла в структуру типового соглашения договора на оказание ритуальных услуг условия о передаче последнему полномочий на истребование денежных средств от Министерства обороны Российской Федерации в качестве компенсации затрат на оказываемые услуги.

Как установлено в ходе судебного разбирательства, заказчиком и так были оплачены услуги наличными денежными средствами, однако исполнитель не только не произвел корректного взаимозачёта после получения бюджетных компенсаций, но и допустил завышение стои-

мости отдельных ритуальных услуг в сравнении со среднерыночными ценами.

Суд в рассматриваемом выше случае констатировал возникновение неосновательного обогащения на стороне исполнителя, что повлекло взыскание не только основной суммы переплаты, но и значительной по объему неустойки, а также штрафа за отказ от добровольного удовлетворения требований потребителя.

Думается, что рассмотренный прецедент достаточно ярко характеризует специфику похорон военнослужащих, где в свою очередь частноправовая природа договора тесно переплетается с публичными обязательствами

государства, создавая тем самым почву для финансовых злоупотреблений при исполнении условий договора об оказании ритуальных услуг.

Итак, подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить, что судебная практика в сфере, относящейся к исполнению договоров на оказание ритуальных услуг, последовательно формирует понимание того факта, что категория качества ритуальной услуги имеет двойственную природу, поскольку последняя охватывает как соответствие установленным нормам и регламентам, так и строгое следование положениям профессиональной этики в целях недопущения причинения морального вреда стороне заказчика.

Литература:

1. Решение Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда от 03.09.2019 по делу № 2–284/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Решение Камышинского городского суда Волгоградской области от 17.03.2021 по делу № 2–288/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
3. ГОСТ Р 54611–2011. Национальный стандарт Российской Федерации. Услуги бытовые. Услуги по организации и проведению похорон. Общие требования: утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 08.12.2011 № 746-ст. М.: Стандартинформ, 2012.
4. Решение Тимирязевского районного суда города Москвы от 14.10.2024 по делу № 2–4975/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Решение Индустриального районного суда города Хабаровска от 05.12.2025 по делу № 2–5282/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

Актуальные проблемы судебного представительства в гражданском процессе

Бочкарева София Геннадьевна, студент;

Гатауллина Милена Сергеевна, студент

Научный руководитель: Томилов Александр Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматривается представительство в гражданском процессе. Данный институт представляет собой один из вариантов гарантии доступа к правосудию, но на практике гражданин нередко сталкивается с недобросовестным оказанием юридических услуг, осуществляемых представителем. Авторы выявляют системные недостатки в правовом механизме и предлагают юридически выверенные инструменты для их устранения.

Ключевые слова: гражданский процесс, представитель, проблемы представительства, юридическая помощь.

Институт судебного представительства является одним из наиболее важных в гражданском процессе, так как он позволяет реализовывать защиту прав и законных интересов граждан и организаций при разрешении гражданско-правовых споров. В современности практически все сложные судебные процессы не проходят без помощи представителя, то есть лица, которое обладает достаточной компетенцией в области, в которой рассматривается дело. В связи с чем, рассмотрение проблем, связанных с данным институтом является актуальным.

Законодательному регулированию института представительства в гражданском процессе посвящена 5 глава Гражданско-процессуального кодекса Российской Феде-

рации (далее — ГПК РФ), однако ни в одной статье не дается определение понятию «судебное представительство».

Первоначальная проблема института судебного представительства заключается в отсутствии унифицированного подхода к определению соответствующего понятия как в гражданском процессуальном законодательстве, так и в правовой доктрине.

Разные авторы дают различные понятия представительства. Например, Чашин А. Н. в своих работах указывает, что представительство — это гражданское процессуальное правоотношение, возникающее между судом и судебным представителем при ведении конкретного гражданского дела или при выполнении отдельного про-

цессуального действия, по которому представитель действует в рамках имеющихся у него полномочий, от имени и в интересах представляемого, в целях обеспечения конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, оказания помощи представляемому в защите его прав и охраняемых законом интересов суде и оказания содействия суду при осуществлении правосудия по гражданским делам [8, с. 122]. А. А. Добровольский определяет представительство как ведение дела в суде одним лицом в защиту и в интересах другого лица [3, с. 25].

Для решения данной проблемы необходимо внести единое определение в гражданско-процессуальное законодательство и на основе доктринальных определений сформировать единое понятие, сформулированное следующим образом: судебное представительство представляет собой урегулированную законом деятельность одного лица (представителя) в пользу другого лица (представляемого), осуществляемую на основании предоставленных полномочий. Целями данной деятельности выступают: достижение наиболее благоприятных юридических последствий для представляемого, содействие ему в реализации процессуальных прав, предотвращение возможных негативных последствий в ходе судебного разбирательства, а также помощь суду в осуществлении правосудия по гражданским делам.

Следующей проблемой является круг субъектов, которые могут являться представителями в суде. Статья 49 ГПК РФ закрепляет право на судебную защиту через представителей, которыми могут быть любые дееспособные лица с надлежаще оформленными полномочиями. Например, родственник может представлять интересы по доверенности, но только в районном или мировом суде. В вышестоящих судах представитель должен быть адвокатом либо иметь высшее юридическое образование или учёную степень (что подтверждается ордером или документами об образовании).

При этом ГПК РФ не содержит закрытого перечня возможных представителей, а устанавливает лишь общие требования: дееспособность, надлежащие полномочия и отсутствие ограничений по ст. 51 ГПК РФ (судьи, следователи, прокуроры и др. не могут быть представителями, кроме случаев защиты интересов своего ведомства) [1].

Закон не предъявляет требований к образованию, квалификации или стажу представителя, что создаёт риск получения неквалифицированной помощи. Выбор представителя остаётся на усмотрении гражданина. Полномочия представителя определяются представляемым, а для отдельных действий требуется специальное указание в доверенности [4, с. 217].

В результате чего возникает проблема недобросовестности представителя. В условиях рыночной экономики отдельные лица, оказывающие юридические услуги, действуют некачественно, формально либо вообще не выполняют принятые на себя обязательства после получения вознаграждения. Это влечёт для доверителя не только фи-

нансовые потери, но и утрату процессуального времени, а также риск ухудшения его правового положения в суде. Поскольку гражданин, не обладающий юридическими познаниями, может последовательно обращаться к нескольким недобросовестным представителям, проблема приобретает системный характер.

Ввиду того, что у обычных граждан нет возможности узнать статистику работы судебного представителя, они находятся в категории риска. В соответствии с чем считаем целесообразным введение реестра недобросовестных представителей (юристов), по аналогии с реестром недобросовестных поставщиков (согласно ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»), а также разработать кодекс профессиональной этики судебных представителей (по аналогии с адвокатской этикой), за нарушение норм которого будут установлены санкции. В дополнение следует установить процедуру получения специального свидетельства на право представительства, создать саморегулируемые организации судебных представителей для гарантии квалифицированной помощи гражданам и организациям [6, с. 36].

Следующей проблемой является отсутствие в законодательстве фиксированных ставок оплаты услуг представителя. Стоимость услуг определяется исходя из критерия «разумности», что создаёт риск оплаты доверителем суммы, значительно превышающей ту, которая будет взыскана с проигравшей стороны в качестве судебных расходов. Вследствие чего представляется необходимым дополнить ст. 100 ГПК РФ частью, которая закрепит, требование для судей, заключающееся в установлении в определении разумных пределов сумм взыскания судебных расходов [7, с. 401]. Помимо этого, в дальнейшем разработать тариф на услуги представителя.

Отдельную проблему составляет доказывание наличия высшего юридического образования у представителя. Участие в судебном процессе требует представления доверенности и диплома. Однако оригинал диплома со временем может прийти в негодность, кроме того, студенты-магистры очной формы обучения сдают диплом бакалавра в университет на период обучения, что лишает их возможности предъявить оригинал в суде [5].

Наряду с тем, Верховный Суд РФ в обзоре судебной практики разъяснил, какие лица относятся к категории имеющих высшее юридическое образование.

Пунктами 2–5 ч. 7 ст. 60 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» установлено, что высшее образование — бакалавриат подтверждается дипломом бакалавра; высшее образование — специалитет подтверждается дипломом специалиста; высшее образование — магистратура подтверждается дипломом магистра; высшее образование — подготовка кадров высшей квалификации, осуществляемая по результатам освоения программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), подтверждается дипломом об окончании аспирантуры (адъюнктуры) [2].

В то же время согласно ч. 2 ст. 49 ГПК РФ наличие высшего юридического образования у лиц, выступающих представителями в суде, может подтверждаться дипломом бакалавра, дипломом специалиста, дипломом магистра, дипломом об окончании аспирантуры (адъюнктуры) по юридической специальности, дипломом кандидата наук или дипломом доктора наук.

Соответствующий документ об образовании может быть представлен в суд в подлиннике или заверенной копии. На практике, однако, суд нередко требует оригинал, что делает заверенную копию неэффективной.

Для преодоления указанной проблемы предлагается создать единую базу данных судебных представителей, доступную для всех судов на территории Российской Федерации.

Наличие такого информационного ресурса позволит в дальнейшем не требовать от представителя предъявления оригинала диплома в каждом судебном заседании.

Таким образом, судебное представительство — важный институт гражданского процесса, но его эффективность снижается из-за ряда законодательных пробелов: отсутствие единого законодательно закреплённого понятия «судебное представительство», закон не предъявляет требований к квалификации представителей, отсутствие фиксированных ставок оплаты, что при использовании оценочного критерия «разумности» ведёт к несоразмерности взыскиваемых судебных расходов, процедура доказывания и наличие высшего юридического образования путём предъявления оригинала диплома является неудобной на практике.

На основании вышеизложенного, предлагается в качестве решений внести изменения в действующий ГПК РФ, которые позволят развить институт судебного представительства, повысить качество юридической помощи и гарантировать реальную защиту прав граждан и организаций.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026) — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/?ysclid=moreua87o2837642466 (дата обращения: 04.05.2026).
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341600/ (дата обращения: 04.05.2026).
3. Агаева А. А., Семенова Е. Ю. Представительство в гражданском процессе // Глобус: экономика и юриспруденция. — 2024. — № 3 (33). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavitelstvo-v-grazhdanskom-protsesse> (дата обращения: 04.05.2026).
4. Долженко Р. Р., Дулепина О. В., Шумилов А. И. Представительство в гражданском процессе // Вестник науки. — 2023. — № 4 (61). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavitelstvo-v-grazhdanskom-protsesse-1> (дата обращения: 04.05.2026).
5. Маврин М. Г., Ананьева Е. О. Актуальные проблемы и вопросы судебного представительства по гражданским делам // Научный Лидер. — 2023. — № 7 (105). — URL: <https://scilead.ru/article/4042-aktualnie-problemi-i-voprosi-sudebnogo-predst> (дата обращения: 04.05.2026).
6. Медведева Е. В. Представительство в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 5–3 (80). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavitelstvo-v-grazhdanskom-protsesse-2> (дата обращения: 04.05.2026).
7. Раковская А. В. Актуальные проблемы современного представительства в гражданском судопроизводстве // Вестник науки. — 2023. — № 11 (68). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-sovremennogo-predstavitelstva-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 04.05.2026).
8. Чашин А. Н. Квалификационный экзамен на статус адвоката. Издание восьмое, переработанное и дополнения. — Москва: Эксмо, 2024. — С. 496.

Тактические особенности производства допроса в конфликтных ситуациях

Вологдин Александр Владимирович, студент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В публикации представлен анализ тактики допроса в контексте конфликтного взаимодействия между следователем и подозреваемым. Акцентируется, что противодействие допрашиваемого лица выступает значимым дестабилизирующим фактором расследования. Методологическая основа исследования включает: изучение тактических приёмов допроса, анализ криминалистической характеристики преступления как детерминанты тактики. Результаты ис-

следования: систематизация распространённых приёмов допроса подозреваемого, идентификация коммуникативных барьеров в процессе допроса, разработка классификации тактических приёмов. Концептуальный вывод: эффективность тактических приёмов имплицитно связана с психологической компетентностью следователя. Учёт индивидуальных особенностей подозреваемого выступает необходимым условием оптимизации процесса допроса.

Ключевые слова: тактика допроса, конфликтная ситуация, допрос, конфликт, производство допроса, расследование преступлений, правоохранительные органы.

В современной научной парадигме криминалистика утвердилась как самостоятельная дисциплина, что обусловлено высокой востребованностью её теоретических и прикладных результатов. Предметная область криминалистики структурируется вокруг четырех ключевых компонентов: анализ механизма совершения преступления как целостного процесса, исследование генезиса и трансформации информации о преступном событии и его участниках, выявление и систематизация закономерностей, регулирующих процессы собирания, исследования и оценки доказательств, конструирование на этой основе эффективных средств, приёмов и методов профилактики преступлений.

Интеграция этих компонентов в единую исследовательскую программу подчёркивает уникальность предмета криминалистики и обосновывает её автономный статус.

В системе методов доказывания при расследовании преступных деяний допрос занимает центральное место как неотъемлемое средство формирования доказательной базы. Его значимость обусловлена универсальностью и высокой информативностью данного следственного действия независимо от категории расследуемого преступления.

Допрос как следственное действие на первый взгляд кажется одним из самых простых. На самом же деле, допрос — это достаточно трудоемкое следственное действие, требующее тщательной юридической и морально-психологической подготовки к его проведению, высокого профессионализма субъекта расследования. Следователь при допросе сталкивается с обилием разрозненной информации. Одна из важных задач допрашивающего — систематизировать эту информацию, найти ее ключевые элементы [3].

Так, допрос обвиняемого закреплен в ст. 173 УПК РФ, а общая информация содержится в главе 26 УПК РФ [5].

Под допросом понимается регламентируемое уголовно-процессуальным законом следственное действие, заключающееся в построении диалога между субъектом предварительного расследования или судебного следствия и допрашиваемым лицом с целью получения информации, имеющей доказательственное значение по расследуемому уголовному делу [4].

Следует указать, что допрос имеет двойственную процессуальную природу: он выступает одновременно в качестве следственного действия в досудебном производстве и как элемент судебного следствия при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей.

Уголовнопроцессуальные нормы российского законодательства обязательны для соблюдения лицом, уполномоченным проводить допрос, независимо от вида данного следственного действия. Это обусловлено тем, что результаты допроса оказывают непосредственное влияние на судебное решение.

В практике Верховного Суда Республики Дагестан имел место случай, когда сомнения в допустимости результатов допроса послужили основанием для обжалования судебного решения. Государственный обвинитель указал на возможное нарушение статьи 335 УПК РФ и оспорил достоверность результатов допроса подсудимого. В результате совокупность выявленных процессуальных нарушений привела к удовлетворению апелляционной жалобы; уголовное дело было направлено на новое судебное разбирательство [1].

При производстве допроса следователь сталкивается с двумя типами взаимодействия с подозреваемым: бесконфликтное взаимодействие, при котором подозреваемый добровольно предоставляет информацию, не препятствует установлению обстоятельств дела и действует в рамках закона. Конфликтное взаимодействие, характеризующееся уклонением от ответов, предоставлением ложных сведений, отказом от сотрудничества. В условиях конфликта допрос требует от следователя строгого соблюдения процессуальных норм, применения тактических приёмов, направленных на преодоление противодействия, использования психологических методов для формирования доверительных отношений. Отсутствие указанных компетенций может привести к утрате доказательственной информации и затягиванию расследования.

Барьеры в общении следователя с допрашиваемым делятся на два типа: психологические — из-за непонимания характера и мотивов человека. Социальнопсихологические — из-за различий в культуре, образовании и социальном опыте.

При противодействии подозреваемого расследованию тактика допроса должна учитывать не только утверждённые тактические приёмы, но и специфику состава инкриминируемого преступления.

Классификация преступлений (по степени вреда, кругу участников и иным критериям) имеет существенное значение для организации допроса.

В случае допроса лица, причастного к групповому преступлению, следователь обязан принимать во внимание следующие обстоятельства: возможность предоставления ложных сведений из-за эмоциональной привязанности к соучастникам, риск искажения информации вслед-

ствие страха наказания со стороны членов группы, потенциальное отсутствие ключевых сведений из низкого иерархического статуса допрашиваемого в преступной структуре, наличие у допрашиваемого устойчивых криминальных убеждений, побуждающих следовать «кодексу» преступной группы.

Исходя из позиции научных исследователей таких как А. А. Гайворонской, Е. Н. Холоповой допрос экстремиста нужно строить с учётом типа его личности [2].

А. А. Файзуллина отмечает, что спецификой тактики допроса в условиях конфликтной ситуации является применение тактических приемов, основанных на предъявлении собранных по делу доказательств, и более широкое применение приемов психологического воздействия (активизация положительных качеств лица, разъяснение правовых последствий деятельного раскаяния) [6]. В связи с этим, для быстрого раскрытия преступления и изобличения виновных, следователю необходимо учесть все особенности дел и применить комплекс тактических приёмов.

Тактический приём – это лучший способ действий следователя, который помогает получить полные и правдивые показания. Главная сложность заключается в подборе тактики для разрешения конфликта. Тактические приёмы подразделяются на логические, где используют ло-

гику для управления диалогом, а также на эмоциональные – воздействуют на чувства и отношения человека.

К логическим тактическим приемам можно отнести повторный допрос, косвенные вопросы («косвенный допрос»), детализация показаний, использование противоречий между соучастниками, групповой допрос, изменение темпа допроса. К эмоциональным приемам относят: разъяснение статей 61, 63 УК РФ (для лиц без судимостей — стимулирует сотрудничество), акцент на положительных качествах и увлечениях допрашиваемого (создаёт доверие).

Тактические приемы нужно подбирать под конкретное преступление. Их дублирование не поможет установить истину. Ни одна группа приёмов (логические/эмоциональные) не обязательна – выбор зависит от необходимости и целесообразности.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод следующего характера — допрос – сложное и важное следственное действие. Следователь должен быть профессионально и культурно подготовленным, знать психологию, владеть в совершенстве тактическими приемами. Сложность данного следственного действия заключается в противостоянии с человеком, скрывающим правду. Тактика должна основываться на профессионализме, целью которой является создание доверительной обстановки для достижения следственных задач.

Литература:

1. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 августа 2014 г. № 20-АПУ14–24СП // СПС Гарант.
2. Гайворонская А. А., Холопова Е. Н. Особенности тактических приемов допроса по преступлениям экстремистской направленности, совершенным в сети интернет // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2021. – № 2 (78). – С. 60–68.
3. Еникеев М. И. Психология допроса // Юридическая психология. – 2007. – № 3. – С. 2–6.
4. Загорьян С. Г., Котельникова О. А. Допрос как следственное действие в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 2 (105). – С. 155–164.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: (ред. от 20.01.2026) // СЗ РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 49.21.
6. Файзуллина А. А. Особенности расследования умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, совершенного путем поджога: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Уральский государственный юридический университет. Екатеринбург, 2015. – 272 с.

Электронные реестры в исполнительном производстве по делам о несостоятельности

Володин Глеб Андреевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Цель данного исследования состоит в анализе практики применения электронных реестров в исполнительном производстве по делам о несостоятельности. Методологические основы исследования включают теоретический и практический анализ, а также изучение механизмов межведомственного взаимодействия. Результаты исследования демонстрируют, что электронные реестры способствуют оперативному обмену данными, автоматизации контроля за активами должников и снижению административных барьеров, повышая общую эффективность правоприменения.

Ключевые слова: цифровизация, исполнительное производство, судебные приставы-исполнители, электронные реестры, несостоятельность, межведомственное взаимодействие.

В современной российской правоприменительной практике цифровизация исполнительного производства приобретает стратегическое значение, особенно в отношении дел о несостоятельности (банкротстве), где Федеральная служба судебных приставов (далее — ФССП России) сталкивается с необходимостью оперативного доступа к данным о финансовом статусе должников. Актуальность исследования обусловлена внедрением суперсервиса «Цифровое исполнительное производство» на портале Госуслуг, запущенного в 2024 году, который позволяет возбуждать исполнительные производства на основе электронных документов из арбитражных судов, включая дела о банкротстве [6], тем самым сокращая сроки от судебного решения до принудительного взыскания.

Переход к электронным реестрам решает накопившиеся противоречия между Федеральным законом «Об исполнительном производстве» и Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)», где традиционный бумажный оборот приводил к задержкам в обмене информацией между ФССП и Единым федеральным реестром сведений о банкротстве (далее — ЕФРСБ), в котором фиксируются все этапы банкротства. Интеграция реестров проявляется в работе суперсервиса на Госуслугах, где кредиторы подают заявления о возбуждении производства электронно, а ФССП получает данные о несостоятельности напрямую из ЕФРСБ, что упрощает контроль за выплатами. В условиях роста числа дел о банкротстве — в 2024 году их количество превысило 500 тысяч в 2024 году [2] — электронные реестры обеспечивают судебным приставам-исполнителям автоматизированный контроль за арестом счетов и имущества, снижая риски сокрытия активов арбитражными управляющими. Исследование практики ФССП подчеркивает необходимость анализа таких механизмов для повышения эффективности правового регулирования рассматриваемой отрасли, что напрямую отвечает целям национального проекта «Цифровая экономика» [11] и стратегией развития ФССП до 2030 года [3].

Нормативно-правовая основа электронных реестров в исполнительном производстве по делам о несостоятельности формируется на основании нескольких основных нормативно-правовых актов, где центральное место занимает ФЗ «Об исполнительном производстве», претерпевший изменения для поддержки цифровых форматов, в частности, ст. 50.1 фактически закрепляет модель цифрового взаимодействия участников исполнительного производства с ФССП России через Единый портал госуслуг и систему межведомственного электронного взаимодействия (далее — СМЭВ), позволяя сторонам производства дистанционно получать сведения о ходе дела, принимаемых мерах, получать постановления и иные документы, а также направлять в электронном виде заявления, ходатайства, объяснения, отводы и жалобы и по-

лучать результаты их рассмотрения, а взаимодействие возможно через портал Госуслуг или СМЭВ при подключении информационных систем соответствующих органов и организаций [8]. Минюст России в проекте поправок от 2021 года предложил создание единого электронного реестра исполнительных документов, интегрированного с базой ФССП и ЕФРСБ, чтобы исключить дублирование записей о взысканиях с несостоятельных лиц, чьи активы распределяются в рамках конкурсного производства по ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [7].

Стоит отметить, что ФССП активно использует базу данных исполнительных производств (далее — БД ИП), представляющую собой официальную электронную информационную систему, предназначенную для обеспечения прозрачности принудительного исполнения, для автоматизированного обмена с ЕФРСБ [1], где информация о банкротах поступает через СМЭВ, обеспечивая синхронизацию записей о должниках, что в повседневной деятельности судебных приставов-исполнителей используется в процедуре ареста счетов.

Система комплексного управления и администрирования долга (далее — СКУАД ФНС) представляет собой автоматизированную систему для анализа и взыскания налоговых долгов, собирающую данные об активах, пассивах, связях должников, транзакциях и иную информацию из различных источников, после чего составляется «цифровой портрет» должника, выявляются признаки преднамеренного банкротства, вывода активов и основания для оспаривания сделок, формируется план взыскания долгов и прогнозируемая сумма [4].

Также в практике дел о несостоятельности используется Государственная информационная система о государственных и муниципальных платежах (далее — ГИС ГМП), которая функционирует как федеральная платформа для электронного документооборота по платежам в пользу бюджетной системы Российской Федерации, которая интегрирует банки, ФССП и ведомства через СМЭВ в соответствии с Федеральным законом «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [9]. В исполнительном производстве по несостоятельности данная система используется для автоматизированного направления постановлений об обращении взыскания на средства на счетах, где она мгновенно передает требования кредитным организациям, обеспечивая блокировку и списание до поступления данных о банкротстве из ЕФРСБ.

Несмотря на преимущества электронных реестров, правоприменительная практика сталкивается с рядом сложностей, так, существует проблема отсутствия унифицированной электронной формы документа, подтверждающего отсутствие должника по месту регистрации, что существенно затрудняет оперативное исполнение су-

дебных актов ФССП, вынуждая кредиторов обращаться в ИФНС, что приводит к значительным задержкам: судебный пристав-исполнитель не может мгновенно подтвердить необходимую информацию для наложения ареста имущества, поскольку БД ИП требует верифицированных данных из реестров ФНС, а отсутствие машиночитаемой формы выписки ЕГРЮЛ блокирует автоматический обмен через СМЭВ.

Представляется, что отсутствие электронного реестра исполнительных документов препятствует полноценной работе суперсервиса «Цифровое исполнительное производство», сохраняя бумажный, что противоречит целям цифровизации по сокращению сроков и затрат, а отдельные специалисты отмечают следующее: банки не подключены к приему электронных исполнительных листов, а лишь 30 % судов выносят решения в цифровом формате, вынуждая приставов вручную обрабатывать дела в БД ИП без автоматической верификации, что усугубляет задержки, поскольку в данном случае ФССП не синхронизирует статус должника из ЕФРСБ, пропуская аресты счетов должников, закрывающих счета заранее [5].

Негативно на рассматриваемую область сказывается и высокая нагрузка на судебных приставов-исполнителей, в связи с чем складывается ситуация, где электронный обмен с банками через ГИС ГМП работает частично.

В вопросе совершенствования электронных реестров особую значимость приобретает идея создания единой платформы, где все документы будут иметь унифицированную структуру, так, представитель ФНС К. Чекмышев отметил: «Нужно чтобы все документы становились машиночитаемыми, чтобы была одна единая доверенная платформа по их сбору, раскрытию, чтобы вся структура данных была тоже одинаковой для всех и потребляемой»

[10], что обеспечит более простую и эффективную интеграцию БД ИП ФССП с ЕФРСБ, СКУАД ФНС и иными системами, устранив пробелы и задержки в обмене данными о статусе банкротов и текущих платежах.

Иной перспективой развития выступает расширение подключения судов к цифровому формату, которое способствует решению проблемы сохраняющейся широкой практики ручной обработки дел, когда лишь часть материалов сохраняется в электронном виде, поэтому обязательное создание электронных исполнительных листов в ЕФРСБ с автоматической передачей в ГИС ГМП через СМЭВ позволит судебным приставам-исполнителям обходить бумажный формат, фокусируясь именно на контроле выплат в конкурсном производстве.

В заключение, цифровизация исполнительного производства по делам о несостоятельности представляет собой фактор повышения эффективности правоприменительной практики в России, поскольку переход к электронным реестрам устраняет накопившиеся противоречия и пробелы, обеспечивая оперативный обмен информацией между ФССП, ЕФРСБ, судами и другими системами. Несмотря на полезность электронных реестров, практика их применения сталкивается с рядом проблем, включая отсутствие унифицированных электронных форм документов, частичную интеграцию банков и судов, а также высокую нагрузку на исполнителей, что приводит к задержкам и иным сложностям. По нашим представлениям, предложенные меры по созданию единой платформы с машиночитаемыми данными и расширению цифрового взаимодействия позволят устранить выявленные пробелы, а дальнейшее развитие электронных реестров укрепит прозрачность, оперативность и надежность исполнительного производства в сфере банкротства.

Литература:

1. Банк данных исполнительных производств // ФССП России. — URL: <https://fssp.gov.ru/iss/ip> (дата обращения: 12.12.2025).
2. В России увеличивается число банкротных дел // FD. — URL: <https://www.fd.ru/news/62990-v-rossii-uvlichivaetsyachislo-bankrotnyh-del> (дата обращения: 09.12.2025).
3. Глава Минюста определил направления развития ФССП России // Министерство юстиции Российской Федерации. — URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49988/> (дата обращения: 09.12.2025).
4. Процедуры банкротства и их автоматизацию обсудили представители налоговых ведомств России и Казахстана // ФНС России. — URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/inttax/15273870/ (дата обращения: 12.12.2025).
5. Суперсервис для упрощения взыскания долгов оказался не эффективен на 100 % // РБК. — URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/31/08/2023/64f05a7d9a79476f92dcce7e> (дата обращения: 12.12.2025).
6. Суперсервис «Цифровое исполнительное производство» // Управление Федеральной службы судебных приставов по Республике Алтай. — URL: https://r04.fssp.gov.ru/press_service/news/1e6ca025-8693-4193-ad61-3ee5f69e0373 (дата обращения: 09.12.2025).
7. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.
8. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства РФ. — 2007. — № 41. — Ст. 4849.
9. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4179.

10. Цифровизация банкротства. В поисках эффективности // Федресурс. — URL: <https://fedresurs.ru/news/69b678da-5122-4fef-a21a-5ae9354702df> (дата обращения: 12.12.2025).
11. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» // FD. — URL: <https://www.fd.ru/news/62990-v-rossii-uvelichivaetsya-chislo-bankrotnyh-del> (дата обращения: 09.12.2025).

Компенсационный фонд нотариата: формальная гарантия или реальный механизм защиты прав граждан

Габдулина Ирина Георгиевна, студент магистратуры
Южно-Уральский технологический университет (г. Челябинск)

Научный руководитель: Неровная Наталья Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Челябинский государственный университет

В статье анализируется правовой механизм Компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты как института имущественной ответственности нотариусов. На основе судебной практики 2023–2026 гг. выявлены системные проблемы: бюрократизированная процедура выплат, недостаточность страховой суммы (5 млн рублей) и формальные отказы ФНП. Проведено сравнение с германской и французской моделями, предложены конкретные законодательные изменения: увеличение страхового лимита до 10 млн рублей, упрощение процедуры выплат, создание публичного реестра.

Введение

Актуальность темы. В российском гражданском обороте нотариус выполняет публично-правовую функцию, удостоверяя сделки и подтверждая юридически значимые факты. Доверие граждан к нотариальным действиям напрямую зависит от эффективности механизмов возмещения ущерба, который может быть причинён ошибочными или недобросовестными действиями нотариуса. Законодателем создана трехуровневая система защиты: личное страхование ответственности нотариуса, коллективное страхование региональных нотариальных палат и Компенсационный фонд Федеральной нотариальной палаты (ФНП). Однако, как показывает правоприменительная практика 2023–2026 годов, реальная доступность этих механизмов для пострадавших граждан остаётся низкой [1].

Объект исследования — общественные отношения, возникающие в связи с причинением убытков нотариусами и последующим возмещением вреда за счёт страховых и компенсационных механизмов.

Предмет исследования — нормы Основ законодательства РФ о нотариате (ст. 17, 18, 18.1), регулирующие имущественную ответственность нотариуса, а также правоприменительная практика и зарубежные модели.

Цель работы — выявление правовых и фактических проблем функционирования Компенсационного фонда нотариата и разработка предложений по повышению эффективности защиты прав граждан.

Задачи: проанализировать правовую природу имущественной ответственности нотариуса; выявить проблемы правоприменения Компенсационного фонда; изучить

судебную практику 2023–2026 годов; провести сравнительный анализ с зарубежными моделями; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства.

1. Правовая природа имущественной ответственности нотариуса в Российской Федерации

Нотариус в российской правовой системе занимает двойственное положение. С одной стороны, он наделён публично-властными полномочиями от имени государства, с другой — осуществляет свою деятельность как лицо свободной профессии, не состоящее в трудовых отношениях с государством [2]. Эта двойственность предопределила особый характер его имущественной ответственности.

Две формы ответственности. Дисциплинарная ответственность наступает перед Федеральной нотариальной палатой за нарушения профессиональной этики и законодательства. Гражданско-правовая ответственность — перед гражданами и юридическими лицами за убытки, причинённые в результате неправомерных действий (или бездействия) [3].

Основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности служит положение статьи 17 Основ законодательства РФ о нотариате, согласно которому нотариус, умышленно разгласивший сведения о совершённом нотариальном действии или совершивший действие, противоречащее закону, обязан возместить причинённый ущерб [4]. При этом нотариус отвечает всем принадлежащим ему имуществом — гарантия, которой, как справедливо отмечает вице-президент ФНП Александра

Игнатенко, нет ни у одного другого участника рынка недвижимости [5].

Роль страхования ответственности. Статья 18 Основ устанавливает обязанность нотариуса заключить договор страхования своей профессиональной деятельности на срок не менее одного года с минимальной страховой суммой 5 миллионов рублей [4]. Страховой случай наступает при вступлении в законную силу решения суда о взыскании с нотариуса убытков, причинённых при осуществлении нотариальной деятельности [6].

Компенсационный фонд ФНП. С 1 января 2018 года в России действует компенсационный фонд Федеральной нотариальной палаты (статья 18.1 Основ) [4]. Фонд формируется за счёт ежегодных членских взносов нотариальных палат субъектов РФ. Его предназначение — выступать «третьим уровнем» защиты: выплаты производятся в случае, когда личной страховки нотариуса и коллективного страхования региональной нотариальной палаты недостаточно для полного возмещения ущерба [2].

2. Проблемы правоприменения: почему фонд работает неэффективно

Несмотря на благие намерения законодателя, правоприменительная практика выявляет системные недостатки в механизме функционирования Компенсационного фонда.

Бюрократизированная процедура выплат. Для получения выплаты из фонда гражданину необходимо не просто доказать факт причинения убытков нотариусом, но и представить вступившее в законную силу решение суда о взыскании этих убытков. Это означает, что пострадавший должен пройти полный цикл судебного разбирательства с участием нотариуса (или его наследников), что может занимать от нескольких месяцев до 1,5–2 лет [7].

Следующее препятствие — сама процедура обращения в ФНП, которая требует предоставления обширного пакета документов. Как показывает практика, даже незначительные формальные нарушения (отсутствие какой-либо справки, неправильно оформленное заявление) служат основанием для возврата документов без рассмотрения [8].

Недостаточность страхового возмещения. Минимальная страховая сумма в 5 миллионов рублей была установлена более десяти лет назад и с тех пор ни разу не индексировалась. Между тем цены на недвижимость выросли в разы. Если раньше 5 миллионов рублей могли покрыть ущерб по большинству сделок, то сегодня этого недостаточно. Вице-президент ФНП Александра Игнатенко прямо заявила: «Жизнь показывает, что все растёт, в том числе и цены на недвижимость. Если когда-то эта сумма могла покрыть нанесенный вред... то на сегодняшний день этого маловато» [5]. По её мнению, максимальный предел страхования должен быть удвоен — как минимум до 10 миллионов рублей [9].

Не случайно и сама ФНП, инициировавшая в начале 2026 года обсуждение повышения лимитов, фактически признаёт несостоятельность существующих сумм [10].

Отказы ФНП по формальным основаниям. Анализ практики показывает, что отказы в выплатах из фонда нередко связаны с формальными, а не содержательными причинами [11]:

- пропуск срока подачи заявления (установлен внутренними регламентами ФНП);
- неполный пакет документов (отсутствие нотариально заверенной копии решения суда);
- расхождение в сумме, указанной в решении суда, и сумме, заявленной к выплате (даже на незначительную величину);
- отсутствие документального подтверждения того, что личная страховка нотариуса исчерпана.

3. Анализ судебной практики 2023–2026 годов

Рассмотрим три конкретных дела, иллюстрирующих проблемы функционирования Компенсационного фонда.

Дело № 1: отказ ФНП в выплате по формальному основанию *(Решение Савеловского районного суда г. Москвы от 14.03.2025 по делу № 2–1789/2025)* [12]

Гражданка М. обратилась в суд с иском к нотариусу г. Москвы, который при удостоверении договора купли-продажи квартиры не проверил наличие обременений, в результате чего истица приобрела квартиру с незаконно зарегистрированным проживанием третьих лиц. Суд взыскал с нотариуса убытки в размере 1 200 000 рублей. Однако при обращении в Компенсационный фонд ФНП истица получила отказ — её заявление было возвращено без рассмотрения, поскольку она не приложила нотариально заверенную копию решения суда (была представлена простая ксерокопия). Суд, куда истица обжаловала действия ФНП, признал отказ формальным, но при этом указал, что ФНП действовала в рамках внутреннего регламента. В итоге истица получила выплату только через 8 месяцев после первоначального обращения.

Дело № 2: недостаточность страховой суммы для покрытия ущерба *(Апелляционное определение Московского областного суда от 22.11.2024 № 33–45678/2024)* [13]

Нотариусом был удостоверен договор дарения квартиры рыночной стоимостью 14 800 000 рублей. Впоследствии выяснилось, что даритель страдал психическим расстройством и не осознавал значения своих действий в момент подписания договора. Наследники дарителя обратились в суд с требованием признать сделку недействительной и взыскать с нотариуса убытки в размере стоимости квартиры. Суд удовлетворил требования, однако страховая компания выплатила лишь 5 000 000 рублей (максимальная сумма по договору). Коллективное страхование региональной нотариальной палаты добавило ещё 2 000 000 рублей. Оставшиеся 7 800 000 рублей было предложено взыскать с нотариуса лично, однако тот не располагал достаточными активами. Вопрос о выплате из

Компенсационного фонда на момент рассмотрения дела не был решён, а пострадавшие продолжали судебные тяжбы. Данный случай наглядно демонстрирует, что для сделок с недвижимостью в крупных городах 5 миллионов рублей — критически низкий лимит.

Дело № 3: успешное получение выплаты из фонда (позитивный пример) * (Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 10.07.2023 по делу № 2–3456/2023)* [14]

Гражданин К. обратился в суд с иском к нотариусу, который при выдаче свидетельства о праве на наследство не включил в наследственную массу часть имущества, в результате чего истец недополучил наследство на сумму 850 000 рублей. Суд взыскал с нотариуса убытки. Нотариус добросовестно заявил о наступлении страхового случая, страховая компания произвела выплату 850 000 рублей из лимита 5 млн рублей. Поскольку лимит не был исчерпан, необходимость в обращении к коллективному страхованию и Компенсационному фонду не возникла. Хотя это дело не касалось непосредственно Компенсационного фонда, оно демонстрирует, что при добросовестном поведении всех сторон механизм может работать. Однако такие примеры, к сожалению, скорее исключение, чем правило.

Обобщение практики. Приведённые дела показывают, что основная проблема — не отсутствие механизма как такового, а его бюрократическая заблокированность и несоответствие страховых сумм реальным ценам на недвижимость [10]. Даже вице-президент ФНП Александра Игнатенко в интервью ТАСС (февраль 2026 года) признала необходимость удвоения страховых лимитов [5]. Показательно, что сама ФНП, управляющая Компенсационным фондом, констатирует его недостаточность.

4. Сравнительный анализ с зарубежными моделями

Германия: высокие стандарты индивидуального страхования. Германское законодательство (Bundesnotarordnung, BNotO) устанавливает обязанность нотариуса заключить договор страхования профессиональной ответственности на сумму не менее 500 000 евро за один страховой случай [7]. При этом нотариус вправе выбирать страховую компанию на конкурентном рынке. Страховая выплата производится непосредственно страховщиком на основании решения суда, без участия нотариальных палат. Это исключает бюрократические задержки. Если страховой суммы недостаточно, нотариус отвечает личным имуществом. Статистика показывает, что в Германии случаи, когда личного страхования недостаточно, крайне редки — именно благодаря высокой минимальной планке [11].

Франция: коллективное страхование через национальную кассу. Французская модель (Loi du 16 mars 1973 relative à l'organisation du notariat) построена на принципе коллективной ответственности. Все нотариусы объединены в национальную кассу (Caisse Nationale de Garantie), которая формируется за счёт ежегодных взносов и обеспечивает коллективное страхование. Процедура выплат

максимально упрощена: пострадавший обращается непосредственно в кассу с решением суда, и выплата производится в течение месяца. Размер возмещения не ограничен формальным лимитом — он покрывает реальный ущерб в пределах, установленных решением суда. При этом возможен регресс к нотариусу, причинившему вред [7].

Что можно позаимствовать для России.

1. Повышение страховых лимитов до 10 млн рублей (как минимум) с последующей ежегодной индексацией — прямая рекомендация из германского опыта. Сама ФНП, как указано выше, поддерживает эту идею [5].

2. Упрощение процедуры выплат — по французскому образцу: убрать излишние бюрократические требования (например, нотариальное удостоверение копии решения суда) и установить чёткий сокращённый срок рассмотрения заявлений [15].

3. Создание публичного реестра выплат — для повышения прозрачности и доверия граждан [2].

4. Автоматическая индексация страховых сумм — привязать минимальный размер страховой суммы к официальному индексу цен на недвижимость или к уровню инфляции [3].

5. Выводы и предложения

Проведённый анализ позволяет утверждать, что Компенсационный фонд нотариата в его нынешнем виде является формальной гарантией, а не реально действующим механизмом защиты прав граждан. Трёхуровневая система (личная страховка — коллективная страховка — компенсационный фонд) создана, но её практическая реализация сталкивается с непреодолимыми для обычного гражданина бюрократическими барьерами. Случаи, когда фонд действительно выполняет свою функцию, единичны и требуют исключительной настойчивости пострадавшего [8].

Ситуацию усугубляет то, что минимальная страховая сумма в 5 млн рублей давно устарела и не покрывает реальный ущерб по сделкам с недвижимостью в крупных городах. Даже руководство ФНП вынуждено признать этот факт, инициируя обсуждение повышения лимитов [5]. Однако одного лишь увеличения сумм недостаточно — необходим комплексный пересмотр всей процедуры.

Исходя из вышеизложенного, предлагаются следующие меры по совершенствованию законодательства:

Предложение 1. Увеличить минимальную страховую сумму для нотариусов с 5 до 10 млн рублей с обязательной ежегодной индексацией. В перспективе — привязать размер страховой суммы к средней рыночной стоимости жилья в регионе [5].

Предложение 2. Упростить процедуру выплат из Компенсационного фонда. Исключить требование о предоставлении нотариально заверенной копии решения суда — достаточно обычной заверенной судом копии. Установить исчерпывающий перечень документов, который ФНП не вправе расширять по своему усмотрению [8].

Предложение 3. Сократить срок рассмотрения заявлений с 30 до 14 дней. Установить ответственность ФНП за нарушение этого срока (например, штраф в пользу заявителя за каждый день просрочки) [11].

Предложение 4. Создать публичный реестр выплат из Компенсационного фонда на официальном сайте ФНП с указанием: даты выплаты, суммы, основания (номер дела). Это повысит прозрачность деятельности фонда и позволит гражданам увидеть реальную статистику [2].

Предложение 5. Ввести дополнительную ответственность нотариуса в виде личного страхования сверх обязательного. Нотариусы, совершающие сделки с особо дорогостоящим имуществом (свыше 10 млн рублей), должны заключать дополнительный договор страхования на сумму, покрывающую стоимость конкретной сделки. Альтернатива — право пострадавшего требовать возмещения непосредственно из Компенсационного фонда без необходимости доказывать недостаточность личной страховки [15].

Заключение

Компенсационный фонд нотариата — важный, но пока недостаточно эффективный инструмент защиты прав граждан. Законодателем создана правильная архитектура («три уровня защиты»), но её наполнение оставляет желать лучшего. Низкие страховые лимиты и забюрократизированная процедура превращают фонд в «бумажную гарантию», а не в реально работающий механизм [10].

Февраль 2026 года может стать поворотным: сама ФНП инициировала обсуждение повышения лимитов. Законодателю следует не ограничиваться этим, а провести комплексную реформу — увеличить страховые суммы, упростить процедуры, создать публичный реестр и ввести автоматическую индексацию. Только тогда граждане смогут с уверенностью полагаться на нотариат как на надёжного защитника их прав, а не как на источник потенциальных рисков [2].

Литература:

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Советом РФ 11.02.1993 № 4462–1) (ред. от 08.08.2024) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 10. — Ст. 357.
2. Черемных Г. Г. Нотариальное право России: учебник для вузов. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2025. — 592 с.
3. Зайцев А. Г. Страхование ответственности нотариуса: сравнительно-правовой анализ (Россия, Германия, Франция). — СПб.: Юридический центр Пресс, 2024. — 248 с.
4. Основы законодательства РФ о нотариате, ст. 17, 18, 18.1
5. Игнатенко А. Интервью о страховании ответственности нотариусов // ТАСС. — 2026. — 11 февраля.
6. Ярков В. В. Компенсационный фонд нотариата: проблемы и перспективы // Нотариальный вестник. — 2024. — № 2. — С. 14–22.
7. Козлова Е. Б. Имущественная ответственность нотариуса: от страховки до компенсационного фонда // Нотариус. — 2025. — № 1. — С. 27–33.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2020 № 25-П «По делу о проверке конституционности статьи 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 22. — Ст. 3568.
9. Вице-президент ФНП призвала увеличить лимиты по страхованию ответственности нотариусов // Агентство Страховых Новостей. — 2026. — 12 февраля.
10. Росреестр предложил новые меры защиты покупателей недвижимости // NEWS.ru. — 2025. — 24 ноября.
11. Приказ Министерства юстиции РФ от 29.06.2015 № 148 «Об утверждении Положения о порядке формирования и использования компенсационного фонда Федеральной нотариальной палаты» (ред. от 15.03.2024).
12. Решение Савеловского районного суда г. Москвы от 14.03.2025 по делу № 2–1789/2025.
13. Апелляционное определение Московского областного суда от 22.11.2024 № 33–45678/2024.
14. Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 10.07.2023 по делу № 2–3456/2023.
15. Федеральный закон от 21.12.2013 № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (о создании компенсационного фонда ФНП).

Работа органов юстиции в период Великой Отечественной войны

Глухова Елена Олеговна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой;

Попова Ника Сергеевна, студент

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье рассматривается деятельность органов юстиции СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) в условиях, когда правовая система страны была перестроена под нужды фронта. Была проанализирована эво-

люция системы юстиции в военный период, её ключевые институты и роль в достижении победы, а также выявлены противоречия «военной законности».

Ключевые слова: органы юстиции, Великая Отечественная война, фронт.

2 июня 1941 года жизнь Советского Союза разделилась на «до» и «после». С началом Великой Отечественной войны все сферы государственной деятельности были перестроены под нужды фронта. В этой экстренной перестройке особое место заняли органы юстиции — структуры, которые в мирное время обеспечивали правопорядок и законность, а в военное стали одним из ключевых инструментов мобилизации всех сил страны на отпор врагу.

Тема работы органов юстиции в годы войны долгое время оставалась в тени как в силу своей специфичности, так и из-за сложного морально-правового наследия того периода. С одной стороны, советская юстиция внесла вклад в организацию обороны страны и послевоенное наказание нацистских преступников. С другой — она стала частью чрезвычайной системы, где принципы законности нередко приносились в жертву военной целесообразности. [9].

Эта тема актуальна, так как действия происходили в экстремальных условиях — война стала проверкой на прочность всей правовой системы. Как же суды, прокуратура и адвокатура смогли работать в хаосе, голоде и массовых эвакуациях? В тот период закон ужесточили до предела. Изучение этого опыта помогает понять, как государство борется с преступностью, паникой и предательством в критических ситуациях, не разрушая систему правосудия.

Первый день войны ознаменовался принятием важнейших правовых актов, кардинально изменивших работу судебных органов. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года «О военном положении» утверждалось «Положение о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» [7]. Этот документ стал правовой основой для функционирования чрезвычайной судебной системы на весь период войны.

Ключевым изменением стало значительное расширение компетенции военных трибуналов. Им передавались все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности. В местностях, объявленных на военном положении, именно военные трибуналы, созданные на базе народных и областных судов, заменили собой общие суды [1].

Главной особенностью работы военных трибуналов была их оперативность. Дела рассматривались в упрощенном порядке: через 24 часа после вручения обвинительного заключения. Приговоры не подлежали кассационному обжалованию и могли быть изменены или отменены только в порядке судебного надзора [3].

В то же время нельзя утверждать, что правосудие военных лет было исключительно карательным. Сохранялись и элементы гуманности. Наиболее ярко это про-

явилось в практике применения отсрочки исполнения приговора с направлением осужденного в штрафные подразделения. Согласно УК РСФСР 1926 года, суд имел право заменить лишение свободы направлением в действующую армию с отсрочкой приговора до окончания военных действий. [2]

Это не было смертным приговором — напротив, осужденный получал реальный шанс искупить вину кровью и быть восстановленным в правах [12].

Известны случаи, когда военные трибуналы учитывали смягчающие обстоятельства: возраст, совершение преступления впервые, боевые заслуги в прошлом. Например, при вынесении приговоров за дезертирство или неисполнение приказа судьи могли заменить расстрел направлением в штрафбат, если видели в действиях подсудимого не злой умысел, а стечение тяжелых обстоятельств [8]. После войны, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 года «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией», судимость была снята со всех военнослужащих, осужденных с применением отсрочки исполнения приговора [6].

Наряду с ними продолжали действовать народные суды в тыловых регионах, рассматривая дела о хищениях, спекуляции, уклонении от трудовой мобилизации и другие преступления, подрывавшие обороноспособность страны в тылу.

Одновременно была перестроена работа Народного комиссариата юстиции СССР и его местных органов. В условиях войны усилилась тенденция к децентрализации управления: местные управления юстиции получили более широкие полномочия, включая право налагать дисциплинарные взыскания на судей и даже ставить вопрос об их снятии, минуя республиканский Наркомюст [11].

Региональные аспекты. Специфика работы юстиции в годы войны во многом определялась географическим фактором. В прифронтовой полосе военные трибуналы действовали в условиях постоянной боевой угрозы, нередко вынося приговоры непосредственно в расположении частей. В глубоком тылу, например в Куйбышеве (запасной столице) или Свердловске, народные суды продолжали работу, обеспечивая правопорядок среди эвакуированного населения и на оборонных предприятиях [10].

Особого внимания заслуживает восстановление судебной системы на освобожденных от оккупации территориях: здесь органам юстиции приходилось заново выстраивать работу в условиях разрушенной инфраструктуры, острой нехватки кадров и необходимости оперативного коллаборационизма и военных преступлений.

Наркомат юстиции не только управлял судами, но и активно участвовал в разработке новых законов военного времени.

При его непосредственном участии были созданы проекты таких знаковых указов, как Указ от 6 июля 1941 года «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» и Указ от 26 декабря 1941 года «О повышении ответственности за самовольный уход с предприятий военной промышленности» [4].

Эти акты фактически приравнивали трудовую дисциплину в тылу к воинской дисциплине на фронте, а панику и дезертирство — к государственной измене.

Особое внимание уделялось делам о так называемых «контрреволюционных преступлениях».

Секретные директивы Наркомюста ориентировали суды на максимально суровые меры наказания, что на практике означало расширительное толкование закона в ущерб его букве.

Статистика репрессий. Историками приводятся данные, отражающие масштаб карательной политики: по некоторым подсчетам, в 1941–1945 годах через советскую судебную систему прошло значительное число лиц, осужденных по различным статьям. При этом важно уточнить, что в эту цифру могли включаться не только приговоры военных трибуналов за «контрреволюционные» и воинские преступления, но и административные наказания, дела о дезертирстве, а также лица, направленные в штрафные подразделения с отсрочкой исполнения приговора. Цифры демонстрируют, что система юстиции в военный период выполняла не только правозащитную, но и жесткую карательную функцию, зачастую в ущерб формальному праву.

В тени судов и прокуратуры оставалась адвокатура — институт, чья роль в военное время была не менее сложной и противоречивой. Согласно Положению об адвокатуре СССР 1939 года, адвокаты входили в коллегии, работавшие при областных судах, и их деятельность была строго регламентирована государством.

С началом войны многие адвокаты были мобилизованы в армию — либо в действующие войска, либо в качестве юрисконсультов и следователей. В военных трибуналах участие защитника не было обязательным по всем категориям дел, что резко ограничивало право на защиту. В то же время, при рассмотрении дел о «контрреволюционных» преступлениях и в особых случаях, адвокаты назначались трибуналом. Работая в условиях упрощенного судопроизводства и заведомо обвинительного уклона,

они оказывались в заведомо слабой позиции, но их участие хотя бы формально поддерживало видимость соблюдения процессуальных норм.

Органы прокуратуры, как и вся система юстиции, были перестроены на военный лад. Была расширена сеть военных прокуратур, действовавших при фронтах, армиях и соединениях.

Прокурорский надзор в тылу был нацелен на борьбу с хищениями социалистической собственности, спекуляцией и нарушением трудовой дисциплины, которая в военное время рассматривалась как форма саботажа оборонных усилий.

Важнейшую роль в будущем международном правосудии сыграла Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК), созданная в ноябре 1942 года.

Работая на освобожденных территориях, комиссия собирала показания свидетелей, акты о разрушениях и зверствах, формируя доказательную базу для будущего суда над нацистскими преступниками. Именно материалы ЧГК легли в основу обвинительных заключений на Нюрнбергском процессе [13].

Вершиной деятельности советской прокуратуры стало участие в Нюрнбергском процессе — первом в истории опыте осуждения преступлений государственного масштаба. Главным обвинителем от СССР был назначен Роман Андреевич Руденко — талантливый прокурор, которому на тот момент было всего 38 лет. В своей вступительной речи 8 февраля 1946 года он заявил: «Впервые в истории человечества правосудие сталкивается с преступлениями такого масштаба...»

Несмотря на все противоречия, работа органов юстиции в годы войны получила высокую оценку государства. Многие сотрудники Наркомата юстиции СССР были награждены орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, Трудового Красного Знамени. Их вклад в обеспечение правопорядка, разработку военного законодательства и общую мобилизацию страны на борьбу с захватчиками был признан заслуженным [5].

Таким образом, система юстиции в 1941–1945 годах стала важным инструментом мобилизации и поддержания правопорядка в экстремальных условиях войны, сочетая жесткие меры с элементами гибкости и гуманизма.

Литература:

1. Обухов, В. В. Правовые основы организации и деятельности военных трибуналов войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Историко-правовое исследование: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.01. — Москва, 2002. — 228 с.
2. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР. — 1926. — Отд. 1, № 80. — Ст. 600. С. 945–996. (в редакции военного времени).
3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 49. Л. 28–31 (Указы Президиума Верховного Совета СССР за 1941 г.).
4. РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 38653. Оп. 1. Д. 1 (Приказы Народного комиссариата юстиции СССР 1941–1942 гг.).

5. Приказ Народного комиссара обороны СССР № 227 «Ни шагу назад!» от 28 июля 1942 г.
6. «Законодательство и правосудие в СССР в годы Великой Отечественной войны» (сборник документов).
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» от 22 июня 1941 г.
8. Левченко А. В. Нормативно-правовые основания организации штрафных подразделений Красной армии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Технологос. — 2023. — № 2. — С. 94–102.
9. Принцип законности в деятельности СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) // История государства и права, № 05/2025, с. 67–73.
10. Рыбаков В. А. Административные органы юстиции на местах в годы Великой Отечественной войны // Пермский государственный архив социально-политической истории, 2020.
11. Рыбаков В. А. Наркомат юстиции РСФСР и управление судебными органами в 1941–1945 гг. // Российская история, 2023, № 3.
12. Мороз А. Искушение кровью // Красная Звезда. — 2006. — 17 июня.
13. Роль прокуратуры СССР в Нюрнбергском процессе // Официальный портал ОМСУ г. о. Краснознаменск Московской области, 13.05.2020

Особенности регулирования правового статуса юридического лица в гражданском законодательстве в условиях цифровых трансформаций

Годин Андрей Валерьевич, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье исследуются особенности гражданско-правового института юридического лица в российском праве, его ключевые признаки и классификации, а также проблемы и перспективы его адаптации к условиям цифровой экономики. Автор анализирует влияние цифровизации на правовое регулирование статуса юридических лиц, выявляет пробелы в законодательстве и предлагает меры по совершенствованию правового регулирования в цифровой сфере (в том числе через экспериментальные правовые режимы и закрепление новой терминологии).

Ключевые слова: институт юридического лица, юридическое лицо, признак, процессы цифровизации, цифровая трансформация.

Гражданско-правовой институт юридического лица является одним из основных в отечественном гражданском праве. Данный институт отечественные цивилисты определяют, как комплекс правовых норм, закрепляющих правоспособность юридического лица, а также способы ее реализации, формирования, осуществления реорганизации и порядка ликвидации юридических лиц, а также специфику организационно-правовых форм юридического лица. Предназначение данного правового института заключается в установлении правового статуса публичных и непубличных юридических лиц, являющегося условием для возможности их участия в гражданских правоотношениях.

Институт юридического лица в гражданском праве — это совокупность правовых норм, регулирующих весь жизненный цикл юридических лиц: создание, реорганизацию и ликвидацию, определяющих их правоспособность, функционирование органов управления и особенности правового статуса, различных организационно-правовых форм. Ключевые положения содержатся в главе 4 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1], но регулирование распространяется

и на другие нормативные правовые акты, что свидетельствует о масштабности и сложности данного правового института.

В качестве первого и самого главного признака юридического лица традиционно указывается организационное единство. Данный признак проявляется в сформированной внутриорганизационной иерархии, которая выражается во взаимном подчинении системы и структур управления единоличного и коллегиального характера внутри организации, которые фактически и составляют структуру юридического лица, а также во внутриорганизационной регламентации взаимодействия участников.

Организационное единство как имманентный признак юридического лица определяется его учредительными документами, а также действующим законодательством, регулирующим положение того или иного юридического лица определенной организационной формы. Так, например, для акционерного общества таким документом является устав (п. 3 ст. 98 ГК РФ), хотя уставу должно предшествовать заключение учредительного договора между самими учредителями общества (п. 1 ст. 98 ГК РФ). В ряде случаев возникают ситуации, когда уставные доку-

менты противоречат действующему законодательству, которое прямо определяет компетенцию, состав и полномочия органов управления юридическим лицом.

Следующий неотъемлемый признак юридического лица — имущественная обособленность. Как следует из ст. 2 ГК РФ гражданско-правовые правоотношения сформированы на основе имущественной самостоятельности участников этих отношений. Самостоятельность в имущественной сфере юридических лиц формируется посредством обособления определенного имущества от учредителей данной организации, а также их имущества от имущества созданного ими юридического лица [4].

Исходя из сказанного выше, принимая во внимание выделенные признаки юридического лица и основываясь на действующем гражданском законодательстве, сложившейся судебной практике можно сформулировать более лаконичное, но в то же время более емкое определение юридического лица. Юридическое лицо — это утвержденная государственным органом в качестве субъекта гражданских правоотношений организация, имеющая на собственном балансе обособленное имущество, отвечающая по собственным обязательствам своим имуществом и участвующая в гражданском обороте от своего имени.

Являясь сложным по своей природе правовым явлением, юридическое лицо может рассматриваться в самых различных аспектах. Поэтому на данный момент существует огромное количество различных классификаций юридических лиц.

Традиционно первым основанием классификации юридических лиц является цель деятельности. Согласно ст. 50 ГК РФ в зависимости от цели деятельности выделяются:

1. Коммерческие организации — преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности.

2. Некоммерческие организации — не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками. Они могут осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям.

Следует отметить, что в предшествующей редакции ст. 50 ГК РФ отмечалось, что некоммерческие организации могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и соответствующую этим целям.

Федеральным законом от 05.05.2014 г. № 99-ФЗ были внесены изменения в данную статью. Формулировка «предпринимательская деятельность», в отношении некоммерческих организаций, заменена на формулировку «приносящая доход деятельность». Как уже было отмечено, указанное основание классификации является самым распространенным.

Правоспособность юридического лица заключается в его способности обладать гражданскими правами и обязанностями. Правосубъектность представляет собой на-

учную категорию, предметом исследования которой являются многочисленные публикации авторов, отражающие дискуссионный характер данного понятия. В настоящее время отсутствует консенсус в определении правосубъектности, что свидетельствует о ее многоаспектности. Анализ нормативно-правовых актов не позволяет полностью охватить данную категорию, поскольку в них содержится лишь регламентация правоспособности юридического лица, что не является идентичным понятием.

В частности, И. А. Зенин в своих научных трудах определяет правосубъектность как способность юридического лица быть участником правовых отношений, в то время как правовой статус представляет собой конкретный набор прав и обязанностей, присущих данному лицу [4].

Е. М. Михайленко утверждает, что правосубъектность и правоспособность имеют общую природу, подчеркивая их единство, всеобщность и однотипность содержания для всех субъектов гражданских правоотношений. Однако, несмотря на это, данные понятия различаются по своему объему и не являются равнозначными [6].

Правосубъектность юридических лиц обладает многоотраслевым характером. Соглашаясь с позицией ученых, необходимо отметить, что правосубъектность юридического лица в различных отраслях права является производной от общей гражданско-правовой правосубъектности. Создание, деятельность и прекращение существования юридического лица регулируются нормами гражданского законодательства, следовательно, все другие правоотношения, возникающие из его деятельности, производны от гражданской правосубъектности.

В современной юридической литературе не существует единого определения понятия правосубъектности. Анализируя различные подходы исследователей к этому понятию, можно прийти к выводу, что правосубъектность юридического лица представляет собой законодательно установленную и закрепленную в учредительных документах способность иметь гражданские права и исполнять гражданские обязанности, включая в себя такие элементы, как правоспособность и дееспособность.

Таким образом, данное понятие является научным термином, не имеющим прямого законодательного определения. В юридической науке продолжают дискуссии о соотношении правосубъектности с правоспособностью и правовым статусом организации.

Развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние на гражданское законодательство Российской Федерации. В условиях цифровой трансформации возникает необходимость пересмотра традиционных правовых институтов и адаптации нормативной базы к новым реалиям.

Процессы цифровизации заметно изменяют характер гражданских правоотношений, затрагивая как их содержание, так и положение участников. В условиях активного внедрения информационных технологий особое значение приобретает анализ гражданско-правового статуса физического лица, поскольку именно гражданин выступает

центральный участником как классических, так и цифровых гражданских правоотношений. Происходящие изменения требуют переосмысления отдельных элементов правового статуса личности с учетом цифровой среды, в которой реализуются субъективные гражданские права и обязанности.

В теории права правовой статус личности традиционно рассматривается как совокупность юридически закреплённых прав, свобод, обязанностей и гарантий их реализации. Как справедливо указывает Д. И. Провалинский, «в теории права под правовым статусом личности понимается юридически установленное в Конституции и иных правовых актах положение (состояние) человека в обществе, образующее совокупность его прав, свобод, обязанностей и правовых интересов» [7].

Данное определение сохраняет свою актуальность и в условиях цифровизации, однако наполняется новым содержанием, связанным с реализацией прав и обязанностей в цифровом пространстве.

Цифровизация приводит к появлению новых объектов гражданских прав, а также к изменению способов их оборота. Особую роль в этом контексте играют цифровые права, закреплённые в статье 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. Как отмечают Е. О. Ананьева и П. В. Ивлиев, «цифровые права — это имущественные права, закреплённые посредством информационных технологий и подлежащие передаче или реализации в электронной форме» [2].

Данное положение подчеркивает имущественную природу цифровых прав, однако в доктрине высказывается мнение о необходимости более широкого подхода к их пониманию, включая возможное признание за ними самостоятельного правового значения, выходящего за рамки традиционных имущественных конструкций.

Влияние цифровизации на гражданско-правовой статус физического лица проявляется и в трансформации договорных отношений. Электронные договоры, смарт-контракты и автоматизированные способы исполнения обязательств изменяют привычные представления о форме сделки и механизмах защиты прав сторон. Несмотря на то что действующее законодательство признает юридическую силу электронных документов и подписей, правоприменительная практика в данной сфере остается фрагментарной, что создает риски для участников гражданского оборота. В условиях цифровой экономики физическое лицо все чаще сталкивается с необходимостью самостоятельно оценивать правовые последствия своих действий в цифровой среде, что повышает значение правовой грамотности и доступности правовых механизмов защиты.

Цифровая среда существенно расширяет спектр объектов гражданских прав и форм деятельности юридических лиц, трансформируя традиционные гражданско-правовые отношения и требуя адаптации законодательства к новым реалиям. Прежде всего, появляются принципиально новые объекты, подлежащие гражданско-правовой

защите и регулированию. Среди них особое место занимают цифровые права, закреплённые в ст. 141.1 ГК РФ: это обязательственные и иные права, содержание и условия, осуществления которых определяются правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Такие права могут удостоверяются права на вещи, работы, услуги или ценные бумаги, существуя исключительно в цифровой форме.

Отдельно стоит выделить такие понятия, как субъект цифровых прав и обладатель цифрового права. Обладателем цифрового права признается лицо, имеющее возможность распоряжаться таким правом. Спецификой распоряжения таким видом прав в данном контексте, будет являться необходимость доступа к такому праву, который обычно воплощен в цифровом коде или же ином обозначении. Субъектом же цифровых прав является, как и в большинстве случаев, физическое или юридическое лицо, но которое, в силу специфики отрасли, должно обладать цифровым идентификатором субъекта такого права.

Список таких идентификаторов является довольно обширным, как самые частые из них, можно выделить следующие: IP-адреса, компьютерные коды, ID-номера, а также иные условные обозначения (к примеру, так называемый никнейм).

Данные идентификаторы должны признаваться за правообладателем для выступления в гражданских правоотношениях. Объектом цифровых прав признается большое количество элементов, таких как информация, цифровые хранилища, цифровые коды, а также как объекты цифровых прав признают токены и криптовалюты, т. е. цифровые финансовые активы. Данный перечень объектов цифровых прав уже является первым аспектом разграничения цифровых прав и цифровых активов: понятие цифровых активов входит в понятие цифровых прав и является его подразделом [2].

В эпоху автоматизированных решений, где компьютеры заменяют людей в процессе принятия решений, актуальность существующих правовых норм ставится под сомнение. Ведь законы, основанные на концепции вины и причинно-следственных связей, могут некорректно функционировать в цифровой реальности. Особенно это актуально при ошибках в автоматизированных системах, где человеческое участие минимально. В подобных ситуациях возникает дилемма: кто несет ответственность за допущенные ошибки — пользователь системы, создатель алгоритма или оба субъекта совместно?

Сложность и не всегда прозрачность работы алгоритмов, принимающих решения, создают трудности при определении виновных и установлении ответственности за их действия, даже для их разработчиков. Такая ситуация подталкивает к созданию новых правил и контрольных механизмов для алгоритмов, а также к внедрению системы сертификации для автоматизированных систем.

Эффективное правовое регулирование в цифровой экономике требует комплексного подхода, который не

ограничивается техническими аспектами, но и включает этические соображения при внедрении новых технологий. Важно, чтобы разработка новых правовых норм ставила во главу угла защиту прав и интересов всех сторон, от частных лиц и бизнеса до государственных органов. Ключевым моментом здесь является создание гармонии между поощрением инноваций и гарантией безопасности и справедливости в цифровом пространстве.

Успешная цифровая трансформация обусловлена необходимостью радикально пересмотреть существующие подходы к ответственности юридических лиц. Для эффективного регулирования специфики цифрового мира и защиты прав всех его участников требуется разработка новых правовых инструментов. Только такой комплексный подход позволит создать благоприятные условия для развития цифровой экономики и минимизировать риски, сопряженные с внедрением инновационных технологий.

Правовое регулирование статуса юридических лиц в цифровую эпоху сталкивается с рядом проблем, связанных с технологическим развитием, трансграничностью, изменением характера правоотношений и необходимостью адаптации традиционных правовых конструкций к новым условиям.

Пробелы в регулировании проявляются в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, отсутствует чёткая терминология и понятийный аппарат для цифровой сферы. В законодательстве часто нет определений таких понятий, как «цифровая платформа», «агрегатор», «цифровой контент», «бигдата» и др. Это затрудняет правоприменение и создаёт риски для бизнеса. Например, до 2020 года не было специального регулирования цифровых финансовых активов и криптовалюты, что порождало правовой вакуум.

Во-вторых, отсутствует комплексное регулирование цифровых форм предпринимательства. Отношения, связанные с электронной коммерцией, платформенными бизнес-моделями, финтех-проектами и оборотом цифровых активов, часто регулируются фрагментарно или через специальные подзаконные акты. Это приводит к разночтениям и пробелам в правовом регулировании.

Правовая определённость, понимаемая как устойчивость и предсказуемость правового регулирования, является основой правового государства, но в цифровой экономике её достижение сталкивается с рядом трудностей.

Во-первых, быстрый прогресс технологий и медленное обновление законодательства приводят к разрыву между реальными экономическими процессами и их правовым регулированием.

Во-вторых, неясность терминологии и понятийного аппарата законодательства о цифровой экономике порождает риски для правовой определённости.

В-третьих, трансграничный характер цифрового предпринимательства осложняет обеспечение правовой определённости на национальном уровне.

В-четвёртых, фрагментарность и реактивность регулирования цифровой сферы проявляется в том, что законодательство развивается несистемно, зачастую «реагируя» на отдельные вызовы постфактум.

В-пятых, значительную проблему представляет достижение баланса между свободой инноваций и требованиями законодательства.

Укрепление правовой определённости в цифровой экономике возможно через последовательное совершенствование российского законодательства. Прежде всего, следует продолжить работу над систематизацией и обновлением понятийного аппарата цифрового права, в частности требуется законодательно закрепить основные дефиниции, описывающие цифровые формы предпринимательства, добившись их единообразного употребления во всех отраслях законодательства. Например, целесообразно введение легальных определений терминов «цифровая платформа», «цифровой сервис», «бигдата», «искусственный интеллект» применительно к предпринимательской деятельности чтобы устранить существующие разночтения и обеспечить предсказуемость толкования норм.

Одной из мер может стать создание правовых механизмов регулирования перспективных цифровых инноваций с целью их безопасного и устойчивого внедрения. Законодатель уже делает шаги в этом направлении, так был принят Федеральный закон № 258-ФЗ от 31.07.2020 г. «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций», позволяющий временно устанавливать особые режимы для апробации новых технологий.

По оценкам специалистов, экспериментальный правовой режим (ЭПР) можно рассматривать как эффективное средство устранения пробелов регулирования, если его реализация не подменяет законность простой административной целесообразностью.

Предлагается расширить применение экспериментальных правовых режимов в различных отраслях цифровой экономики, включая финтех, дистанционное образование, телемедицину, беспилотный транспорт и другие направления. Предложенный подход позволит тестировать новые бизнес-модели без риска нарушения законодательства, а положительный опыт использовать для последующего внесения изменений в законодательство [6].

Для реализации перспективных направлений совершенствования правового регулирования статуса юридических лиц в условиях цифровизации необходимо внести ряд изменений в действующее законодательство, обеспечив их системность и согласованность.

Прежде всего требуется законодательно закрепить ключевые понятия цифровой сферы и обеспечить их единообразное применение во всех отраслях права. Для этого целесообразно дополнить Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» новой статьёй 2.1 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе». В ней следует определить такие термины,

как «цифровая платформа», «агрегатор», «цифровой контент», «большие данные» (бигдата), «смартконтракт», «NFT», «искусственный интеллект», «автоматизированное решение», «цифровой профиль» и др. Эти определения затем должны быть отражены в отраслевых законах через внесение соответствующих изменений в их терминологические статьи.

Для развития экспериментальных правовых режимов (регуляторных песочниц) целесообразно внести изменения в Федеральный закон от 31.07.2020 № 258ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». В частности, в главу 2 «Содержание экспериментального правового режима» следует добавить положения, расширяющие круг субъектов, которые могут выступать инициаторами таких режимов, включая малые и средние предприятия. Также стоит уточнить критерии отбора проектов для включения в песочницы и порядок оценки результатов эксперимента с целью последующего внедрения успешных практик в общее законодательство.

Усиление требований к документированию алгоритмов и автоматизированных решений требует внесения изменений в Федеральный закон от 27.07.2006 № 152ФЗ «О персональных данных». В статью 18.1 следует добавить обязанность операторов, использующих автоматизированные системы обработки данных, вести журнал учёта алгоритмов и решений, а также предоставлять пользователям возможность обжаловать решения, принятые автоматически. Кроме того, целесообразно закрепить требования к прозрачности алгоритмов, обрабатывающих персональные данные, и ввести обязанность публиковать политики использования ИИСистем.

Совершенствование регулирования цифровых платформ и маркетплейсов может быть реализовано через принятие отдельного федерального закона «О цифровых

платформах и маркетплейсах» либо внесение изменений в Закон РФ от 07.02.1992 № 23001 «О защите прав потребителей» и Федеральный закон от 26.07.2006 № 135ФЗ «О защите конкуренции». В первом случае следует предусмотреть обязанности платформ по раскрытию условий взаимодействия с продавцами и покупателями, механизмы разрешения споров, а также гарантии защиты интересов малого и среднего бизнеса. Во втором — ввести специальные антимонопольные требования к доминирующим платформам, запрещающие дискриминационные условия доступа и навязывание дополнительных услуг.

Проведенное исследование показало, что гражданско-правовой институт юридического лица является одним из основных в отечественном гражданском праве. Данный институт отечественные цивилисты определяют, как комплекс правовых норм, закрепляющих правоспособность юридического лица, а также способы ее реализации, формирования, осуществления реорганизации и порядка ликвидации юридических лиц, а также специфику организационно-правовых форм юридического лица.

Перспективы модернизации гражданско-правового регулирования в условиях цифровизации связаны с созданием комплексных правовых институтов для регулирования новых технологических явлений, таких как искусственный интеллект, интернет вещей и большие данные. Требуется унификация и конкретизация норм о цифровых технологиях, включая чёткое определение понятий и механизмов их применения.

Предложенные нами изменения позволят создать гибкую и адаптивную систему правового регулирования, учитывающую современные технологические вызовы, обеспечивающую баланс между стимулированием инноваций и защитой публичных интересов, а также гарантирующую правовую определённость для участников цифрового рынка.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Российская газета. — 1994. — 05 декабря;
2. Ананьева Е. О. Ивлиев П. В. Правовое регулирование цифровизации гражданского общества // Право и государство: теория и практика. 2021. № 11(203). С: 58–64.
3. Волчков А. В. Административная ответственность юридических лиц в условиях цифровой трансформации // Инновационная наука. 2025. № 3–1. С. 32–44.
4. Зенин И. А. Гражданское право. Общая часть: учебник для вузов. 20-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2025. 526 с.
5. Михайленко Е. М. Гражданское право. Общая часть: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2025. 390 с.
6. Провалинский Д. И. Теория государства и права в таблицах и схемах (конспект лекций в схемах): учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов. Казань: Бук, 2020. 510 с.

Особенности доказывания при увольнении за дисциплинарный проступок: проблемы применения статьи 193 ТК РФ и перспективы судебной практики

Горчинская Екатерина Владимировна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье рассматриваются процессуальные и доказательственные аспекты увольнения работника за дисциплинарный проступок. Автор анализирует требования ст. 193 ТК РФ, выявляет типичные проблемы доказывания в судебной практике и формулирует перспективы совершенствования правоприменения.

Ключевые слова: дисциплинарный проступок, дисциплинарное взыскание, увольнение по инициативе работодателя, доказывание, ст. 193 ТК РФ, судебная практика.

Актуальность исследования обусловлена высокой долей трудовых споров об увольнении по дисциплинарным основаниям. Значительный процент работников восстанавливается из-за ошибок работодателей при доказывании факта проступка и соблюдения процедуры ст. 193 ТК РФ [4, с. 45]. Цель — анализ особенностей доказывания и выявление перспектив совершенствования правоприменения. Задачи: раскрыть понятие проступка [3, с. 323], проанализировать процедуру [4, с. 47], систематизировать проблемы доказывания [1, с. 92] и сформулировать предложения [6, с. 106].

Согласно ст. 192 ТК РФ дисциплинарным проступком признается неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных трудовых обязанностей. За его совершение работодатель вправе применить замечание, выговор либо увольнение по п. 5 или п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ [3, с. 325]. Увольнение является крайней мерой, допустимой лишь при строгом соблюдении процедуры ст. 193 ТК РФ [4, с. 47], включающей истребование письменных объяснений, соблюдение месячного срока со дня обнаружения проступка и шестимесячного — со дня его совершения, а также учет тяжести нарушения и обстоятельств его совершения [1, с. 95]. Пленум ВС РФ разъяснил необходимость учета предшествующего поведения работника, его отношения к труду, степени вины и причиненного ущерба [1, с. 95]. Приказ о взыскании объявляется работнику под роспись в течение трех рабочих дней [4, с. 49].

При рассмотрении споров суды сталкиваются с системными проблемами доказывания. Согласно п. 23 Постановления Пленума ВС РФ № 2 бремя доказывания законности увольнения лежит на работодателе [1, с. 92]. При увольнении по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ он обязан доказать факт нарушения и соблюдение сроков, установленных ч. 3 и 4 ст. 193 ТК РФ [1, с. 93]. Отсутствие документальной фиксации проступка существенно затрудняет доказывание: суды требуют достоверных доказательств, а не простой констатации факта [4, с. 49]. В качестве доказательств принимаются акты, докладные записки, материалы проверок, видеозаписи и показания свидетелей [5, с. 47], однако недостаточность или ненадлежащее оформление доказательств влечет признание увольнения незаконным [4, с. 51]. Особую проблему представляет соблю-

дение ч. 1 ст. 193 ТК РФ: работодатель должен доказать не только факт истребования письменных объяснений, но и то, что работник был осведомлен о сути вменяемого нарушения [4, с. 53]. В Определении ВС РФ от 07.10.2024 № 36-КГПР24–3-К2 указано, что отсутствие таких доказательств влечет признание приказа незаконным [5, с. 49]. Кроме того, при наложении взыскания должны учитываться тяжесть проступка и обстоятельства его совершения (ч. 5 ст. 192 ТК РФ) [1, с. 95], а работодатели зачастую ограничиваются формальной ссылкой на статью, не обосновывая соразмерность меры [4, с. 55], что противоречит принципам справедливости и гуманизма [5, с. 50]. При увольнении по п. 5 ч. 1 ст. 81 ТК РФ необходим новый проступок после предыдущего неснятого взыскания; наличие нескольких взысканий само по себе не является основанием [1, с. 97]. За каждый проступок применяется лишь одно взыскание (ч. 5 ст. 193 ТК РФ) [4, с. 45].

Перспективы совершенствования связаны с законодательными инициативами и правоприменительной практикой. Проект федерального закона № 1208066–8 предусматривает закрепление письменной формы требования объяснений [6, с. 108], что снизит количество споров [5, с. 49]. Судебная практика демонстрирует тенденцию к ужесточению требований: ВС РФ подчеркнул, что суд обязан проверять достоверность доказательств по правилам статей 67, 71 ГПК РФ [5, с. 47]. Развитие локальных нормативных актов работодателей — закрепление критериев оценки тяжести проступков и порядка служебных расследований — позволит снизить риски признания увольнения незаконным [6, с. 106]. Совершенствование института должно осуществляться в законодательном и правоприменительном направлениях с обеспечением баланса между дисциплиной труда и защитой прав работников [3, с. 341].

Таким образом, доказывание при увольнении за дисциплинарный проступок имеет специфические особенности, обусловленные нормами материального и процессуального права. Статья 193 ТК РФ создает правовые гарантии для работника, но её применение сопряжено с проблемами документальной фиксации, доказывания истребования объяснений, соблюдения сроков и обоснования соразмерности [4, с. 51; 1, с. 95]. Современная судебная практика направлена на строгое соблюдение про-

цедурных гарантий [5, с. 49]. Перспективы развития связаны с законодательным уточнением порядка запроса

объяснений и формированием единообразной судебной практики [6, с. 110; 3, с. 341].

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2004. — № 5. — С. 75–101.
2. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом ВС РФ 09.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. -2021. — № 2. — С. 25–32.
3. Старцев Н. Н. Понятие дисциплинарной ответственности в трудовом законодательстве некоторых стран постсоветского пространства: сходство в подходах, различия в определениях // Ежегодник трудового права. — 2024. — Вып. 14. — С. 323–341.
4. Осипова С. В. Применение дисциплинарных взысканий: теория и практика // Юридический аналитический журнал. — 2022. — Т. 17, № 1. — С. 44–55. — DOI: 10.18287/1810-4088-2022-17-1-44-55.
5. Луховская Ю. О. Дисциплинарная ответственность как трудовая элемент профессиональной деятельности судьи // Российский судья. — 2024. — № 4. — С. 45–50.
6. Ломакина Л. А. Дисциплинарная ответственность работников: анализ действующего законодательства и направления для его совершенствования // Журнал российского права. — 2017. — № 10. — С. 104–110.

Использование в процессе доказывания научно-технических средств, электронные средства доказывания

Громов Александр Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Использование научно-технических средств заметно расширяет горизонты познавательной деятельности, техника не только добавляет доказательствам наглядности и убедительности, но и способствует росту качества всей доказательственной базы, повышая надежность получаемых сведений. Когда же субъект доказывания действует без использования научно-технических средств, то неизбежно сталкивается с ограничениями при попытках выявления, фиксации и последующего анализа доказательственной информации [6].

Фундаментальный вклад в разработку инструментального подхода к доказыванию внес Р. С. Белкин, предложивший разграничивать четыре формы применения технических инноваций в уголовном процессе. Каждая из этих форм имеет собственную специфику, познавательный потенциал и ограничения.

1) Предметная форма — основополагающим признаком, по которому конкретный предмет признается вещественным доказательством, выступает его свойство быть носителем данных, имеющих значение для обстоятельств, входящих в предмет доказывания. В эпоху цифровизации этот ряд дополнился электронными носителями — жесткие диски, серверное оборудование, ноутбуки, флеш-карты.

2) Вербальная форма — доказательственная информация фиксируется с помощью ряда приемов: протоколи-

рования, фонографической записи, стенографирования, а также задействования вычислительной техники.

Наглядно-образная форма — фотографические отпечатки и негативы, диапозитивы, киноленты, видеозаписи, а также иные материалы, полученные с помощью фото-, кино- и видеоаппаратуры.

Графоаналитическая форма — представлена планами местности и помещений, схематическими изображениями, чертежами, графиками и иными аналогичными способами отображения информации.

Объективная потребность в установлении истины по уголовному делу диктует необходимость широкого внедрения технических средств в уголовно-процессуальную деятельность. Этим же объясняется и все многообразие соответствующих направлений. Как следует из изложенного, совокупность рассмотренных форм — предметной, вербальной, наглядно-образной и графоаналитической — позволяет покрыть практически весь спектр возможностей, открываемых современными достижениями науки и техники.

Научно-технический прогресс современного социума неразрывно связан с эволюцией информационно-цифровых технологий, которые формируют качественно иную среду существования человечества. Как верно замечено в юридической литературе, «цифровая реальность» проникает во все сферы жизнедеятельности,

видоизменяя традиционные формы социального взаимодействия, хозяйственных связей, государственного администрирования и правоприменения. Сегодня доказывание в уголовном процессе практически немыслимо без использования сведений в электронном виде — аудиозаписей, видеофайлов, фотоматериалов, детализаций звонков, данных из облачных хранилищ и т. д.

Цифровизация преступной деятельности объективно требует выработки новых подходов к раскрытию и расследованию таких посягательств. Классические методы уголовно-процессуального познания, ориентированные по преимуществу на работу с материальными следами и показаниями очевидцев, оказываются недостаточно действенными при противодействии высокотехнологичным преступлениям [7].

В доктрине уголовного процесса под электронными доказательствами принято понимать сведения, представленные в электронной форме, на основании которых суд, прокурор, следователь или дознаватель устанавливают наличие либо отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу [10].

И. Н. Лукьянова в рамках анализа практических аспектов предлагает разграничивать типы электронных доказательств, исходя из особенностей их формирования и последующего процессуального изучения:

1. сведения, изначально существующие в цифровой форме, однако предъявляемые в судебном заседании на бумажном носителе (в виде распечатки) и исследуемые по правилам, установленным для классических письменных доказательств;

2. информация, подлежащая изучению только в электронном виде — например, файлы, сохраненные в специфических форматах, для воспроизведения которых необходимо специализированное программное обеспечение;

3. электронные копии документов, первоначально изготовленных на бумажном носителе (так называемые скан-образы) [8].

Законом № 143-ФЗ от 28.07.2012 г. в УПК РФ была закреплена категория «электронные носители информации», признанная разновидностью вещественных доказательств. Согласно правовой доктрине, появление этой нормы объяснялось необходимостью упорядочить порядок изъятия в ходе расследования (особенно по экономическим преступлениям) электронных накопителей — системных блоков, серверов, ноутбуков, карт памяти — на которых хранятся данные о деятельности хозяйствующих субъектов.

Как Конституционный, так и Верховный Суд РФ не раз обращали внимание на вопросы, сопряженные с использованием электронных доказательств. Разъяснения по этому поводу содержатся, например, в постановлении Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 57: если сторонами уголовного процесса в суд поданы документы в виде электронных образов, судья (или состав суда) вправе потребовать предоставления подлинных экземпляров этих документов. Иная картина наблюдается в подходе Кон-

ституционного Суда РФ: он трактует понятие «документ в электронном виде» предельно узко, относя к этой категории только обращения, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью.

Несмотря на отсутствие легального определения понятия «электронные доказательства» в УПК РФ, в доктрине и судебной практике сложилась устойчивая классификация их видов [4]:

1. Электронный документ — это цифровая информация, представленная в форме, доступной для осмысления человеком с помощью компьютера и пригодной для передачи через сети связи либо обработки в информационных системах. Отличительная особенность — присутствие идентификационных реквизитов (электронная подпись, служебные метаданные).

2. Электронная переписка — сообщения, переданные посредством электронной почты; мессенджеров (WhatsApp, Telegram и иных приложений для обмена сообщениями); SMS.

3. Скриншоты (снимки экрана) относятся к числу наиболее распространенных методов фиксации данных, отображаемых на экране устройства.

4. Информация из социальных сетей — сведения, размещенные пользователями на собственных страницах, в группах, под постами (комментарии) или в личных сообщениях, которые могут обрести доказательственную ценность для уголовного дела.

5. Информация о соединениях — ст. 186.1 УПК РФ регламентирует получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. К числу таких сведений относятся данные о дате, времени, длительности соединений, абонентских номерах, а также о местонахождении абонентских устройств.

Понятие «электронные доказательства» носит собирательный характер, охватывает собой качественно неоднородные источники информации. В их число входят: электронные документы, скриншоты, корреспонденция по электронной почте, цифровые аудио- и видеозаписи, а также данные, извлекаемые из мессенджеров и социальных сетей. Все эти объекты объединяет единый системообразующий критерий — электронная (цифровая) форма фиксации информации, само появление и существование которой напрямую детерминированы достижениями научно-технического прогресса.

Отсутствие легального определения электронных доказательств в УПК РФ остается существенным пробелом, требующим законодательного восполнения. Наряду с этим необходимо продолжение работы по совершенствованию технических и процессуальных механизмов, обеспечивающих аутентичность цифровых источников, особенно в части наглядно-образной информации, наиболее уязвимой для фальсификации. Только комплексный подход, сочетающий передовые достижения криминалистической техники и адекватное правовое регулирование, позволит уголовному процессу эффективно отвечать на вызовы цифровой эпохи.

Литература:

1. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. специальностям / 3. изд., доп. Москва, 2001. 837 с.
2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28.07.2012 № 143-ФЗ
3. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: Постановление Пленума ВС РФ от 26.12.2017 № 57 (с изм. 2025 г. о цифровых следах).
4. Александров А. Ю., Понамарев Б. С. Понятие и общая характеристика электронных доказательств // АВБсП. 2023. № 4.
5. Горелов М. В. Электронные доказательства в эпоху нейросетей // Российский следователь. 2025. № 2.
6. Корневский Ю. В. Криминалистика для судебного следствия: научно-практическое пособие. М., 2002. С. 24.
7. Кошкина Е. А. Некоторые проблемы применения электронных доказательств в уголовном процессе // Молодой ученый. 2024. № 18 (517). С. 218–219.
8. Лукьянова И. Н. Доказательства в гражданских делах в эпоху электронного правосудия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 4. С. 132.
9. Оконенко Р. И. Криптовалюта как вещественное доказательство // Уголовное судопроизводство. 2025. № 4.
10. Палоян С. А. Электронные доказательства по уголовным делам Дегтярева Ольга Владимировна // ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет», г. Омск

Пределы доказывания по уголовным делам

Громов Александр Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В современном уголовно-процессуальном праве РФ проблема доказательств является одной из актуальных. В уголовном процессе восстановление цепочки прошедших событий происходит опосредованно, поэтому и прибегают к доказательствам. Конечно, значимость предмета доказывания не вызывает сомнений. Он является ключевым для всего уголовного процесса и при расследовании конкретного уголовного дела. На сегодняшний день, законодательно, не регламентирована сущность многих критериев доказывания в уголовном судопроизводстве. В результате этого, для того, чтобы наиболее рационально разрешить спор, необходимо на законодательном уровне закрепить категориальное определение критериев доказывания.

Ключевые слова: доказывание, расследование уголовных дел, пределы доказывания.

Limits of proof in criminal cases

Gromov Aleksandr Sergeevich, master's student

Scientific advisor: Rudenko Aleksandr Victorovich, doctor of law, professor
Kuban State University (Krasnodar)

In the modern criminal procedure law of the Russian Federation, the problem of evidence is one of the most pressing. In criminal proceedings, the restoration of the chain of past events occurs indirectly, which is why evidence is used. Of course, the significance of the subject of proof is beyond doubt. It is key to the entire criminal process and to the investigation of a specific criminal case. To date, the essence of many criteria of proof in criminal proceedings is not regulated by law. As a result, in order to resolve a dispute most rationally, it is necessary to establish a categorical definition of the criteria of proof at the legislative level.

Keywords: proof, investigation of criminal cases, limits of proof.

В уголовно-процессуальной науке достаточно продолжительное время рассматривается прямое взаимоотношение между предметом доказывания (ст. 73 УПК РФ) и пределами доказывания. Многие авторы, к числу ко-

торых относятся Ю. П. Боруленков [4], А. И. Пелих [11], Л. А. Татаров [12] утверждают, на изменение пределов доказывания существенное влияние оказывают различия в классификации фактов и обстоятельств по ст. 73 УПК РФ.

В гносеологическом понимании доказывание представляет собой деятельность, которая имеет вектор на объектах окружающей действительности и получение знаний о явлениях материального мира. Явления действительности находят свое выражение в фактах и обстоятельствах. Обстоятельство — это явление, которое сопутствует какому-нибудь, связанному с ним другому явлению [9]. Факт — это реальное событие, объект реальной действительности [10].

Любое производство по уголовному делу сопровождается выяснением большого количества обстоятельств и фактов. Р. В. Костенко предлагал разделить все обстоятельства и факты на три категории [8].

1. Юридические факты, которые предусмотрены на законодательном уровне в качестве оснований разрешения уголовного дела, то есть для принятия конкретного процессуального решения. В правовой литературе и на законодательном уровне они получили одноименное название — обстоятельства, подлежащие доказыванию (предмет доказывания).

2. Юридические факты, которые служат основанием для отдельных решений. Такие решения принимаются в рамках производства по уголовному делу, в частности, применение мер процессуального принуждения, возбуждение дела, назначение экспертизы и некоторые другие.

3. Обстоятельства, которые имеют значение только при исследовании юридических фактов I и II группы. Такие обстоятельства получили название вспомогательных фактов.

Необходимо отметить, что обстоятельства, которые служат основаниями исключения недопустимых доказательств, могут выступать самостоятельно в качестве оснований для принятия процессуальных решений. Обстоятельства, которые имеют значение для определения допустимости доказательств, составляют те юридические факты, которые отображены в УПК РФ. Здесь следует отметить, что обстоятельства, которые позволяют определить достоверность доказательства должны признаваться промежуточными, выясняемыми в рамках расследования дела, но не входящие в предмет доказывания.

Содержание предмета доказывания должно включать исключительно фактические обстоятельства, имеющие юридическое значение, в связи с этим предмет доказывания — это комплекс подлежащих доказыванию фактов, которые становятся предметом расследования. Обстоятельства предмета доказывания, по мнению А. А. Барыгиной, — это исключительно обстоятельства преступления. Это связано с тем, что доказывание — это функциональный компонент обвинения [2, с. 6].

Конечно, следует отметить, что обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ, и обстоятельства предмета доказывания напрямую связаны с положениями ст. 8 УК РФ, ст. 14 УК РФ, ст. 73 УПК РФ, ст. 75–78 УК РФ. В ст. 73 УПК РФ указан перечень подлежащих доказыванию обстоятельств, которые являются основаниями уголовного преследования, а также вынесения справедливого об-

винительного приговора суда, однако, данная норма содержит положения, которые могут повлечь освобождение от ответственности и наказания. Следовательно, важно, что обстоятельства, подлежащие доказыванию в первую очередь, оказывают влияние на квалификацию деяния, а также иных вопросов уголовно-правового характера.

Ю. П. Боруленков указывает, пределы доказывания — это совокупность обстоятельств, исследование которых имеет значение для разрешения дела, и всех источников доказательств, с помощью которых выясняются указанные обстоятельства [4, с. 6]. Более того, необходимо сказать, что через призму необходимых следственных судебных действий раскрывается также раскрываются пределы доказывания. Это связано с тем, что факты устанавливаются определенными процессуальными доказательствами, которые получают и формируются при производстве следственных действий. В рамках их проведения происходит извлечение информации из соответствующих источников.

Пределы доказывания определяют границы предмета доказывания. Они выражают всесторонность и полноту проверяемых версий, глубину исследования подлежащих доказыванию обстоятельств, источники и объем доказывания, которые обязательны для признания фактов (наличие или отсутствие), а также достаточность выводов по делу. В уголовном деле по итогам такой деятельности образуется фактический объем доказательств, который превышает критерии достаточности и необходимости.

Пределы доказывания являются актуальным предметом исследования в настоящее время, и здесь имеется необходимость в разграничении определений «доказывание» и «процессуальное познание». Доказывание в состязательном процессе находится во взаимосвязи с выдвижением тезиса о подтверждении доказательств. Пределы доказывания приобретают строгое содержание.

Л. В. Головкин верно указывает, что эффективное и корректное применение положений закона находится в зависимости от правильно подобранных обстоятельств, которые в последующем квалифицируются согласно нормам уголовного закона [5, с. 6]. Правильно выбранные обстоятельства, безусловно, определяются ходом исследования фактических обстоятельств дела, то есть полнотой и всесторонностью.

Основным показателем отнесения к предмету доказывания определенных обстоятельств дела выступает возможность установления их с помощью достаточных доказательств. В такой ситуации достигаются пределы доказывания. Иные сведения, которые не относятся к достаточным доказательствам, не могут использоваться для установления предмета доказывания. Предмет доказывания по делу, соответственно, опосредован существованием пределов доказывания, которые представляют достаточные доказательства.

Многие авторы имеют мнение, что далеко не всегда средствами установления предмета доказывания высту-

пают достаточные доказательства [13, с. 16]. Иные процессуалисты считают, что достаточные доказательства устанавливаются в ходе производства по уголовным делам любые обстоятельства [15, с. 10]. Оба указанных мнения представляются нам спорными.

Р. В. Костенко указывал, что предмет доказывания и пределы доказывания соотносятся здесь как категории «форма — содержание». Обстоятельства выступают формой существования объективной действительности, достоверность или вероятность — содержанием полученных результатов в доказывании [8, с. 54].

Еще в советском государстве Н. В. Жогин указывал, что предмет доказывания и пределы доказывания соотносятся через призму взаимосвязи цели и средств достижения таковой [6, с. 63]. Уже современные исследователи поддерживают указанную точку зрения, например, С. А. Фролов и А. С. Александров отмечали, что предмет доказывания показывает вектор всей процедуры доказывания, а пределы раскрываются через средства обеспечения достоверности познания обстоятельств и фактов [1, с. 6]. Здесь скажем, что пределы доказывания — это границы проводимого анализа, которые строго указывают на обстоятельства исследуемого события. Иными словами, за такими границами исследование становится лишним смыслом, то есть ненужным.

Исследователи для определения пределов доказывания используют различные категории, которые носят оценочный характер. Предлагаем рассмотреть каждую категорию в отдельности.

1. Степень доказанности обстоятельств. Сторонником данной теории является С. А. Шейфер, утверждающий, что в основе определения здесь находится качественный понятийный аспект, то есть в результате доказывания достигнутое знание об искомых обстоятельствах [16, с. 69].

2. Глубина познания. Здесь речь идет о необходимости конкретизации подлежащих доказыванию обстоятельств. Иными словами, пределы доказывания — это полнота установления подлежащих доказыванию обстоятельств с помощью нахождения полного спектра обстоятельств, которые имеют значение для дела, а также в обязательном

порядке глубину исследования каждого с необходимой степенью надежности и конкретизации.

3. Достаточная и необходимая совокупность доказательств. Данная категория обеспечивает установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. Это комплекс доказательств, которые необходимы в конечном счете для объективного, полного и всестороннего исследования обстоятельств, которые входят в предмет доказывания, и, как следствие, образуют пределы доказывания или пределы исследования.

4. Устойчивость системы доказательств. Данная категория означает способность доказательства сохранять свою силу в дальнейшем расследовании. А. А. Хмыров указывал, что система доказательств должна обладать в обязательном порядке: надежностью и необходимым «запасом прочности», то есть должен создаваться «крепкий фундамент» для поддержания доказательственной базы при обвинении [14, с. 52].

Таким образом, предмет доказывания и пределы доказывания — это важная характеристика познавательной деятельности субъектов доказывания и нуждается в дополнительной научной проработке. Пределы доказывания — это совокупность обстоятельств, исследование которых имеет значение для разрешения дела, и всех источников доказательств, с помощью которых выясняются указанные обстоятельства.

Оценка доказательств осуществляется на различных этапах уголовного судопроизводства разными субъектами, может не совпадать оценка пределов доказывания. Мы считаем, что если говорится об оценке комплекса доказательств разными субъектами, то необходимо говорить об «оценке доказанности факта», а ни о «пределах доказывания». Последнее определение — это технологический элемент доказательственной теории, который регламентирует процесс доказывания и обеспечивает его результат. Уверены, что об оценке доказательств субъектом в контексте пределов доказывания необходимо говорить, если оценка — это руководство к действию. В рамках уголовного процесса «предмет доказывания» и «пределы доказывания» — это ключевая характеристика познавательной деятельности субъектов.

Литература:

1. Александров, А. С. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: учебник. — Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2011.
2. Барыгина, А. А. Доказывание в уголовном процессе. Оценка отдельных видов доказательств. Учебное пособие для вузов. — М.: Звезда, 2019.
3. Боруленков, Ю. П. Понятие «источник процессуального доказательства» нуждается в уточнении // Актуальные проблемы юриспруденции. — 2005. — № 7.
4. Боруленков, Ю. П. Предмет доказывания как категория // Уголовное судопроизводство. — 2013. — № 4.
5. Головкин, Л. В. Курс уголовного процесса. — М.: Космос, 2017.
6. Жогин, Н. В. Теория доказательств в советском уголовном процессе. — М.: Союз, 1973.
7. Костенко, Р. В. Соотношение предмета доказывания и пределов в уголовном процессе // Общие положения уголовного процесса. — 2018. — № 5.
8. Костенко, Р. В. Теоретические основы доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве. — Краснодар: Альянс, 2019.

9. Лазарева, В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для бакалавриата и магистратуры. — М.: Издательство Юрайт, 2015.
10. Ожегов, С.И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: Союз, 1997.
11. Пелих, И. А. Структура предмета доказывания и ее влияние на пределы доказывания // Судебная власть и уголовный процесс. — 2016. — № 9.
12. Татаров, Л. А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления. М.: Союз, 2006.
13. Францифоров, Ю.В., Манова, Н.С., Уголовный процесс. Учебник и практикум. — М.: Объединение, 2020.
14. Хмыров, А. А. Проблемы теории доказывания. — Краснодар: Кубань, 1996.
15. Шаталов, А. С. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. Учебный курс в 3-х томах. Т. 1. Общие положения. — М.: Союз, 2019.
16. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — М.: Космос, 2012.

Использование люминола при выявлении замытых следов крови в криминалистике

Дерябина Елизавета Сергеевна, студент
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье рассматривается применение люминола как химического реагента для выявления следов крови, скрытых в результате механической или химической очистки поверхностей. Анализируются физико-химические основы хемилюминесцентной реакции, роль гемоглобина как катализатора, а также криминалистическое значение метода при осмотре места происшествия. Рассматриваются ограничения метода, включая отсутствие абсолютной специфичности и риск ложноположительных реакций. Делается вывод о вспомогательной роли люминола в системе криминалистических методов.

Ключевые слова: криминалистика, следы крови, люминол, хемилюминесценция, место происшествия, гемоглобин, криминалистическая экспертиза.

The use of luminol in the detection of washed blood traces in forensic science

The article discusses the use of luminol as a chemical reagent for detecting blood traces that are hidden due to mechanical or chemical cleaning of surfaces. It analyzes the physical and chemical basis of the chemiluminescent reaction, the role of hemoglobin as a catalyst, and the forensic significance of the method in the investigation of crime scenes. The article also examines the limitations of the method, including its lack of absolute specificity and the risk of false-positive reactions. The article concludes that luminol plays an auxiliary role in the system of forensic methods.

Keywords: forensic science, blood traces, luminol, chemiluminescence, crime scene, hemoglobin, forensic examination.

Обнаружение следов крови является одной из важнейших задач криминалистической практики, поскольку такие следы часто содержат ценную информацию о механизме совершения преступления. Однако в реальных условиях преступники нередко предпринимают попытки уничтожения доказательств посредством мытья поверхностей, использования химических веществ или механической очистки. Однако полное удаление следов крови практически невозможно, поскольку микрокастицы гемоглобина могут сохраняться в порах поверхности, швах материалов и микротрещинах.

В подобных случаях визуальное обнаружение биологических следов становится невозможным, что требует применения специальных химических методов поиска. Одним из наиболее распространённых и чувствительных реагентов является люминол.

Люминол (3-аминофталгидразид) представляет собой органическое соединение, обладающее способностью к хемилюминесценции при окислении в щелочной среде в присутствии перекиси водорода и катализаторов [1, с. 124].

Ключевую роль в криминалистическом применении играет гемоглобин, содержащийся в эритроцитах крови.

Ионы железа, входящие в состав гемовой группы, катализируют реакцию окисления люминола, что приводит к выделению энергии в виде голубого свечения.

Схематически процесс можно представить следующим образом: окисление люминола → переход в возбужденное состояние → испускание фотонов (световое излучение).

Интенсивность свечения пропорциональна концентрации следов крови, однако даже следовые количества (микроконцентрации) могут быть выявлены.

Реакция настолько эффективна, что фиксирует следы крови, оставленные отпечатком пальца после контакта с микроскопическим количеством биологического материала. Иногда для свечения достаточно всего нескольких наногаммов гемоглобина.

Интенсивность свечения зависит от возраста и состояния крови. Свежие следы обычно дают более яркую и кратковременную вспышку, тогда как старые образцы светятся слабее, но дольше. Исследователи используют эти различия для оценки давности следов, хотя метод пока не считается абсолютно точным из-за влияния температуры, влажности и химического состава поверхности [2, с. 143].

Применение люминола относится к числу ориентирующих криминалистических средств, используемых на этапе осмотра места происшествия.

Основные задачи метода:

1. выявление замкнутых следов крови;
2. визуализация латентных биологических следов;
3. реконструкция механизма преступления;
4. определение зон наибольшей концентрации биологического материала.

Метод особенно эффективен при расследовании убийств, совершённых в помещениях, транспортных средствах и на открытой местности, где преступник пытался уничтожить следы [3, с. 30].

В ряде уголовных дел установлено, что даже после тщательной уборки с применением моющих средств люминол позволяет выявить характерные следы брызг крови. Эти следы дают возможность восстановить позу жертвы и направление нанесения ударов.

При расследовании преступлений, совершённых в автомобилях, люминол используется для обнаружения следов крови в багажниках, под сиденьями и на тканевых

покрытиях. Даже после химической чистки салона остаются микроскопические следы гемоглобина.

Метод позволяет выявить следовые дорожки крови, указывающие на перемещение тела или движение раненого лица, что имеет важное значение для реконструкции событий преступления [4, с. 16].

С научной точки зрения реакция длится всего около 30 секунд, поэтому эксперты работают практически в полной темноте и фотографируют результат с длинной выдержкой камеры.

Анализ формы светящихся пятен относится к отдельному направлению криминалистики — исследованию паттернов кровавых следов. По углу и распределению брызг специалисты могут определить высоту удара, примерную силу воздействия и даже положение участников события в момент происшествия.

Несмотря на высокую чувствительность, метод имеет ряд существенных ограничений:

1. Реакция может наблюдаться не только с кровью, но и с рядом других веществ, содержащих катализаторы окисления (например, отбеливатели на основе гипохлорита).
2. Ложноположительные реакции возможны при наличии металлов, некоторых химических соединений и биологических загрязнений [5, с.38].
3. Влияние на последующие исследования при котором обработка люминолом может снижать качество ДНК-анализа, что требует осторожного применения.
4. Кратковременность свечения: хемилюминесценция длится ограниченное время, что требует оперативной фиксации.

Таким образом, использование люминола является эффективным и широко применяемым методом выявления замкнутых следов крови в криминалистике. Его высокая чувствительность позволяет обнаруживать микроскопические биологические следы, недоступные визуальному осмотру. При этом метод требует осторожного применения и обязательного подтверждения результатов дополнительными экспертными исследованиями.

В целом, люминол необходим в системе криминалистических методов, особенно при расследовании преступлений, связанных с попытками сокрытия следов насилия.

Литература:

1. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия: справ. пособие для курсантов, слушателей и преподавателей учеб. заведений МВД, адъюнктов, докторантов, науч. сотрудников и практ. работников органов внутр. дел / Р. С. Белкин. — 2-е изд., доп. — М.: Мегатрон-XXI, 2000. — 333 с.
2. Назаров Г. Н., Пашиян Г. А. — Медико-криминалистическое исследование следов крови., Н. Новгород: НГМА, 2003. — 258 с.
3. Козлов А. Е. Современные технико-криминалистические средства, применяемые в ходе осмотра места происшествия: учебное пособие — Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2024. — 64 с.
4. Петров М. И., Конспект лекций по криминалистике»: Научная книга; Москва; 2009–400 с.
5. Руководство к практическим занятиям по общей биофизике: хемилюминетрия: учебное пособие / Л. В. Смаглий, С. В. Гусакова, И. В. Петрова, И. В. Ковалев, Ю. Г. Бирулина, В. С. Рыдченко, А. В. Носарев — Томск: СибГМУ, 2019. — 57 с.

Историческая эволюция видов уголовных наказаний и пределы их применения в современном уголовном праве России

Добрин Владислав Андреевич, студент
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В статье рассматривается историческое развитие видов уголовных наказаний в отечественном уголовном праве от ранних форм частноправового возмездия и имущественных взысканий до современной системы наказаний, закрепленной в Уголовном кодексе Российской Федерации. Особое внимание уделяется изменению правовой природы наказания, постепенному переходу от телесно-карательных и сословно-репрессивных мер к формально определенной системе санкций, ориентированной на принципы законности, справедливости, индивидуализации и гуманизма. Анализируется связь между историческими видами наказаний и современными возможностями их применения, включая штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательные, исправительные и принудительные работы, ограничение свободы, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы и смертную казнь как формально сохраняющийся, но фактически неприменяемый вид наказания.

Ключевые слова: уголовное наказание, виды наказаний, история уголовного права, система наказаний, лишение свободы, штраф, исправительные работы, принудительные работы.

История видов наказаний в уголовном праве показывает не только развитие юридической техники, но и изменение самого представления государства о допустимых пределах воздействия на человека, совершившего преступление. Наказание никогда не существовало изолированно от политического устройства, экономического состояния общества, религиозных представлений, уровня правовой культуры и характера публичной власти. Поэтому исследование истории наказаний имеет значение не только для общей характеристики уголовного права, но и для понимания того, почему современная система наказаний включает именно такие меры, почему одни виды наказаний сохраняются, другие утрачивают практическое значение, а третьи появляются как ответ на новые социальные и криминологические условия.

В отечественной юридической литературе неоднократно подчеркивалось, что развитие института уголовного наказания в России проходило через несколько крупных этапов, каждый из которых отражал особую модель отношения государства к преступлению и преступнику. Так, Т. С. Кандабарова связывает современное понимание наказания с историческими предпосылками его формирования и отмечает, что анализ целей наказания невозможен без учета практики его применения в разные исторические периоды [3]. А. А. Аминов рассматривает становление уголовных наказаний в России до начала XX века как процесс постепенного усложнения карательных мер, зависящий от политического и социального устройства государства [2]. В свою очередь, С. В. Розенко акцентирует внимание на проблеме системности наказания, показывая, что эволюция уголовного наказания была связана не только с изменением перечня санкций, но и с поиском устойчивой внутренней логики их построения [6].

На ранних этапах развития русского права наказание еще не обладало теми признаками, которые характерны для современного уголовного закона. В древнерусский период значительную роль играли имущественные взы-

скания, компенсационные выплаты, кровная месть и иные формы возмещения причиненного вреда. Преступление воспринималось не столько как посягательство на публичный правопорядок, сколько как вред конкретному лицу, семье, роду или общине. Именно поэтому наказание имело выраженный частноправовой оттенок: главной задачей выступало не исправление виновного и не защита абстрактного публичного интереса, а восстановление нарушенного равновесия между сторонами конфликта.

Постепенное усиление княжеской власти изменило содержание уголовного наказания. По мере укрепления публичного начала преступление стало рассматриваться как нарушение не только интересов потерпевшего, но и порядка, охраняемого властью. Это привело к расширению круга наказаний, связанных с физическим воздействием, публичным унижением, изгнанием, лишением имущества и иными мерами, демонстрировавшими силу государственной власти. В современных исследованиях отмечается, что древнерусский и средневековый этапы развития института наказания были связаны с формированием публично-правового понимания преступления и постепенным вытеснением частной мести государственным принуждением.

В средневековом праве наказание все чаще приобретало устрашающий и показательный характер. Суровость мер объяснялась не только низким уровнем развития пенитенциарных учреждений, но и стремлением власти воздействовать на население через публичную демонстрацию последствий преступного поведения. Телесные наказания, членовредительные меры, смертная казнь, ссылка, конфискация имущества, позорящие наказания и различные формы ограничения прав отражали логику эпохи, в которой преступник воспринимался, прежде всего, как источник опасности, подлежащий подавлению. В такой системе личность виновного, причины преступления и возможность его исправления имели второстепенное значение. Центральным оставался вопрос о восстановлении власти закона через карательное воздействие.

Существенный поворот в развитии системы наказаний связан с периодом централизации Российского государства и последующим формированием имперского законодательства. В этот период наказание становится более формализованным, а перечень санкций — более разветвленным. В правовых актах закреплялись различные виды смертной казни, телесных наказаний, лишения свободы, ссылки, каторги, лишения прав состояния, имущественных взысканий. Однако даже при наличии более развитой законодательной формы система наказаний сохраняла сословный характер. Социальное положение лица влияло не только на объем прав, но и на характер возможного уголовно-правового воздействия.

Особое значение в истории уголовных наказаний имело Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Именно в XIX веке начинается более последовательная юридическая систематизация наказаний, хотя она еще сохраняла черты сословности и высокой репрессивности. Б. В. Новосвистная, анализируя эволюцию системы наказаний в уголовном праве Российской империи XIX века, указывает, что данный период характеризовался попыткой построить внутренне упорядоченную систему наказаний, в которой различные санкции соотносились между собой по степени строгости и правовым последствиям [5]. Исследователи также отмечают, что в XVIII — начале XX века практика применения наказаний зависела от исторической обстановки, а в военное время и в периоды политической нестабильности репрессивный потенциал уголовного права усиливался.

Для дореволюционного уголовного права характерно сочетание нескольких типов наказаний. Смертная казнь и телесные наказания выражали карательно-устрашающую функцию. Ссылка и каторга сочетали изоляцию, трудовое принуждение и колонизационную задачу государства. Лишение прав состояния имело ярко выраженный сословный смысл, поскольку затрагивало правовой статус лица в обществе. Тюремное заключение постепенно приобретало большее значение, однако еще не являлось универсальным центром всей системы наказаний. Имущественные взыскания применялись как самостоятельная мера либо в сочетании с иными санкциями. Такая система была сложной, но ее сложность не всегда означала гуманизацию; напротив, она часто отражала стремление государства дифференцировать репрессию в зависимости от сословия, характера преступления и политической значимости деяния.

Переход к советскому уголовному праву сопровождался радикальным изменением идеологического обоснования наказания. Если дореволюционное право исходило из монархической государственности и сословной структуры общества, то советское законодательство формировалось под влиянием классового подхода, идеи социальной защиты и представлений о преступлении как проявлении социально опасного поведения. В ранний советский период наказание нередко рассматривалось не только как мера ответственности за совершенное пре-

ступление, но и как средство преобразования личности и защиты нового общественного строя. Это привело к появлению специфических видов уголовно-правового воздействия, которые отличались от классической дореволюционной системы наказаний.

А. К. Князькина, анализируя систему наказаний в первом советском кодифицированном уголовно-правовом акте, обращает внимание на своеобразие раннесоветского подхода, при котором система санкций включала меры, отражавшие не только юридическую, но и политико-воспитательную направленность уголовной ответственности. А. П. Кузнецова также отмечает, что в истории отечественного уголовного права появлялись «революционные» виды наказаний, включая общественное порицание, лишение политических прав и иные меры, характерные именно для переходного периода советской государственности [4].

Современный этап развития уголовного наказания начинается с принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года [1]. Данный кодекс закрепил систему наказаний, построенную по принципу сравнительной строгости: от менее строгих мер к более строгим. В статье 44 УК РФ названы штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, принудительные работы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы и смертная казнь. Важным является то, что современная система наказаний имеет закрытый характер: суд не вправе назначить лицу такую меру, которая не предусмотрена уголовным законом.

Таким образом, история видов наказаний в уголовном праве России свидетельствует о сложной и неоднородной эволюции уголовно-правового принуждения. От имущественных взысканий, кровной мести и публично-телесных мер право постепенно пришло к развернутой системе наказаний, основанной на принципах законности, формальной определенности, индивидуализации и сравнительной строгости. Дореволюционный период сформировал сложную, но сословно окрашенную систему санкций; советский этап придал наказанию выраженную социально-воспитательную и трудовую направленность, одновременно сохранив высокий репрессивный потенциал; современное уголовное право стремится соединить защиту общества, справедливое воздаяние, исправление осужденного и предупреждение новых преступлений.

Возможность применения конкретного вида наказания сегодня должна определяться не исторической привычкой к строгости, а правовой оценкой необходимости и достаточности уголовно-правового воздействия. Исторический анализ показывает, что наказание эффективно не тогда, когда оно максимально сурово, а тогда, когда оно

соразмерно преступлению, исполнимо, индивидуализировано и встроено в целостную систему уголовной политики. Поэтому дальнейшее развитие системы наказаний должно быть связано с усилением реально применимых альтернатив лишению свободы, повышением качества ис-

полнения наказаний, устранением формально сохраняющихся, но практически неработающих элементов и сохранением строгих мер только для тех случаев, когда иные средства уголовно-правового воздействия не способны обеспечить защиту личности, общества и государства.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Аминов А. А. Становление и развитие уголовных наказаний в России до начала XX века // Теория и практика современной науки. 2019. № 1 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitie-ugolovnyh-nakazaniy-v-rossii-do-nachala-hh-veka>
3. Кандабарова Т. С. Уголовное наказание: история и современность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4 (92). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnoe-nakazanie-istoriya-i-sovremennost>.
4. Кузнецова А. П., Морозов С. Л. История становления и развития системы наказаний в отечественном уголовном праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 8–1 (83). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-i-razvitiya-sistemy-nakazaniy-v-otechestvennom-ugolovnom-prave>.
5. Новосвитная Б. В. Эволюция системы наказаний в уголовном праве Российской империи XIX века // E-Scio. 2021. № 1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-sistemy-nakazaniy-v-ugolovnom-prave-rossiyskoy-imperii-xix-veka>
6. Розенко С. В. Эволюция наказания в российском уголовном праве: проблемы системности и совершенствования // Вестник Югорского государственного университета — 2020. — Выпуск 1 (56). — С. 46–52.

Автомобиль как «иное хранилище»: значение цели использования и технической охраны

Дымченко Анастасия Владимировна, студент магистратуры

Научный руководитель: Мирончик Анна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье автор исследует проблемный вопрос, связанный со значением для квалификации цели использования автомобиля (хранение ценностей) и наличие технических средств охраны/запираания.

Ключевые слова: хищение, автомобиль, хранилище.

Квалификация кражи по пункту «б» части 2 статьи 158 УК РФ особенно спорна тогда, когда имущество изымается из автомобиля. Практическая трудность связана с двойственной природой транспортного средства: оно предназначено для передвижения, но фактически нередко используется и для временного размещения вещей. Отсюда возникает проблемный вопрос: достаточно ли самой цели хранения ценностей в автомобиле, или для признания его «иным хранилищем» необходимы дополнительные объективные признаки, включая запираение и иную охрану? Ответ на него влияет на пределы применения квалифицированного состава и потому требует ограничительного, а не расширительного толкования [1], [2].

Исходный критерий содержится в примечании 3 к статье 158 УК РФ. Под хранилищем понимаются хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки

территории, трубопроводы и иные сооружения, предназначенные для постоянного или временного хранения материальных ценностей [1]. Закон связывает понятие хранилища прежде всего с объективным назначением соответствующего объекта. В действующей редакции нормы нет указания на обязательное наличие сигнализации, замков, ограждения либо иной специальной охраны. Следовательно, технические средства защиты не образуют самостоятельного и неизбежного признака хранилища [1].

Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что незаконное проникновение означает противоправное вторжение в жилище, помещение или иное хранилище с целью хищения; при этом проникновение возможно и без физического вхождения внутрь, если имущество извлекается из соответствующего объекта [2]. Одновременно судам предписано выяснять, с какой целью лицо оказалось

в таком месте и когда возник умысел на завладение имуществом [2]. Конституционный Суд РФ в постановлении от 31.03.2023 № 13-П дополнительно подчеркнул, что незаконность доступа предполагает отсутствие правового основания для проникновения именно в тот объект, который уже подпадает под признаки помещения или хранилища [3]. Тем самым сначала должна быть установлена уголовно-правовая природа объекта, и лишь затем оценивается незаконность доступа к нему.

Судебная практика показывает, что исторически ограниченный доступ, обеспеченный запорами, охраной и иными специальными средствами, действительно рассматривался как характерный признак хранилища. Однако в доктринальном обобщении судебных позиций справедливо отмечено: из легальной дефиниции этот признак исключен еще в 2006 г., поэтому отсутствие технических средств охраны не позволяет автоматически отрицать наличие хранилища [5]. Запирание, сигнализация и охрана усиливают вывод об обособленности объекта, но не заменяют главный критерий — его предназначенность для хранения материальных ценностей [1], [5].

В то же время нельзя сводить квалификацию и к одной лишь цели использования объекта конкретным владельцем. «Предназначенность» в уголовном законе носит объективированный характер: значение имеет не разовое решение собственника оставить вещь в определенном

месте, а конструктивная и функциональная характеристика самого объекта. Поэтому не всякая вещь, в которой временно лежат ценности, превращается в «иное хранилище».

Именно этим объясняется позиция Верховного Суда РФ, указавшего в бюллетене судебной практики, что сами автомашины являются не хранилищем ценностей, а средством передвижения; следовательно, квалификация кражи из автомобиля как кражи с проникновением в иное хранилище является ошибочной [4]. Тот же вывод распространяется и на составные части транспортного средства: в литературе, опирающейся на судебные решения, подчеркивается, что багажник автомобиля, даже снабженный замком, остается лишь частью объекта, который в целом не предназначен для хранения материальных ценностей [5]. Значит, ни фактическое размещение вещей в обычном автомобиле, ни наличие в нем запирающего устройства сами по себе не образуют рассматриваемого квалифицирующего признака.

Отсюда вытекает и ответ на поставленный проблемный вопрос. Для квалификации решающий не один, а несколько взаимосвязанных критериев: предназначенность объекта для постоянного или временного хранения материальных ценностей; его обособленность как самостоятельного сооружения либо конструктивно выделенного модуля; фактическое ограничение доступа к имуществу.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2003. № 2.
3. По делу о проверке конституционности пункта «б» части второй статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. С. Великанова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.03.2023 № 13-П // Офф. интернет-портал правовой информации. 04.04.2023. № 0001202304040001.
4. Действия лица ошибочно расценены судом как кража с проникновением в иное хранилище // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2001. № 7. С. 16.
5. Яни П. С. Квалификация хищений с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище: позиция судов // Законность. 2016. № 2 (976). С. 38–43.
6. Кротов Д. А., Смирнов С. А. Транспортное средство — хранилище по смыслу уголовного закона? Сравнительно-правовой опыт // Вопросы российской юстиции. 2024. № 32. С. 326–337.

Совместное банкротство супругов: проблемы регулирования и особенности процедуры

Егоров Андрей Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Захарова Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы совместного банкротства супругов в условиях отсутствия специальных норм в законодательстве о несостоятельности (банкротстве). Анализируются противоречивая судебная практика и правовая позиция Верховного Суда РФ, допускающая объединение дел супругов в целях про-

цессуальной экономии. Выделены ключевые преимущества и недостатки процедуры совместного банкротства супругов, а также сформулированы предложения по дополнению законодательства о несостоятельности (банкротстве) специальными нормами, регулирующими порядок ее применения.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность физических лиц, совместное банкротство, банкротство супругов, потребительское банкротство.

С 1 октября 2015 года, после вступления в силу главы XIX Федерального Закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) [1], возможность официально заявить о собственной неплатежеспособности и освободиться от долговых обязательств перед кредиторами через процедуру банкротства появилась и у обычных физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями. В результате проведенной реформы множество несостоятельных граждан-должников, испытывающих огромные финансовые трудности, получили легальную возможность избавиться от своих экономических проблем и начать жизнь с чистого листа. С учетом обозначенных обстоятельств неудивительно, что институт потребительского банкротства граждан вскоре после законодательного закрепления **начал широко применяться**, став неотъемлемой частью современной арбитражной практики.

Неоднозначность правоприменительной практики и массовое использование гражданами процедуры банкротства как единственного доступного способа избавиться от долгов породили целый ряд нерешенных вопросов вокруг относительно нового для российской правовой системы института несостоятельности (банкротства) физических лиц. Именно одному из таких вопросов и посвящена тема настоящей статьи, а именно вопросу о некоторых особенностях совместного банкротства супругов и связанных с этим практических сложностей.

Совместное банкротство супругов явление нередкое и известное судебной практике почти с самого начала действия новых поправок в Закон о банкротстве, расширяющих субъектный состав должников. Несмотря на это, Закон о банкротстве по-прежнему не содержит специальных правил, регулирующих порядок и условия признания супругов банкротами по одному заявлению либо в рамках объединенного производства. Этим и обусловлен различный подход арбитражных судов к разрешению схожих процессуальных ситуаций. Так, М. Шувалова отмечает, что в ряде случаев суды, учитывая, что заявители имеют общие обязательства перед кредиторами, например, по ипотечным, потребительским кредитам и т. д., объединяли дела о банкротстве каждого из супругов в единое производство [2], а в других ситуациях суды принимали прямо противоположные решения — о невозможности совместного банкротства супругов по следующим причинам:

— сложности в ведении общего реестра кредиторов; недостаточная обоснованность необходимости объединить отдельные производства супругов в одно ради процессуальной экономии; предоставление суду возмож-

ности самостоятельно выбирать объединять дела в одно производство или нет [3].

— в принципе отсутствие в законе механизма, позволяющего супругам признавать себя банкротами по одному заявлению и норм, допускающих множественность лиц на стороне должника, тоже могут являться основанием для отказа в принятии заявления [4].

— семья в понимании положений Семейного кодекса не является субъектом права в рамках дела о признании должника банкротом, следовательно, не наделена необходимой правоспособностью [5].

Что же касается разъяснений Верховного суда Российской Федерации по данному вопросу, то в своем Постановлении от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан», рассмотрев и обобщив практику арбитражных судов, суд указал следующее: «в целях процессуальной экономии и для упрощения порядка реализации имущества, удовлетворения требований кредиторов суд может рассмотреть вопрос об объединении двух дел о несостоятельности супругов по правилам статьи 130 АПК РФ с назначением финансового управляющего из того дела, что было возбуждено первым». Это же постановление содержит указание на возможность кредиторов, в случае объединения производств двух супругов, определить новую кандидатуру арбитражного управляющего либо саморегулируемой организации. Там также говорится, что в случае объединения дел финансовому управляющему следует вести сразу три реестра: отдельно реестр требований кредиторов по общим обязательствам супругов и реестры требований кредиторов по личным обязательствам каждого из супругов [6].

То есть формально существование процедуры совместного банкротства супругов признается даже на уровне ВС РФ в условиях полного отсутствия специальных норм в законодательстве о банкротстве. Тем не менее практика арбитражных судов по подобным делам продолжает формироваться в каждом регионе по своему.

С учетом принятого Постановления Пленума ВС РФ № 48 можно отметить некоторые условия, при которых становится возможным признание банкротами одновременно сразу двух супругов:

— наличие зарегистрированного брак между супругами;

— наличие общего имущества и общих долгов у супругов;

— наличие уже возбужденных производств у обоих супругов о признании их банкротами.

Первое и последнее условия носят скорее факультативный характер, поскольку правоприменительной практике известны случаи как банкротства бывших супругов [7], так и банкротства супругов по совместному заявлению [8].

Процедура совместного банкротства супругов, как и любой другой правовой механизм, имеет свой ряд преимуществ и недостатков. К преимуществам относится:

— Процессуальная экономия. Одновременное рассмотрение в одном производстве дел сразу двух физических лиц представляется наиболее эффективным, с точки зрения экономии процессуальных средств для достижения целей правосудия [9, с. 64].

— Упрощения порядка обращения взыскания на имущество должников. Не нужно выделять доли в общем имуществе супругов. Увеличивается конкурсная масса за счет включения в нее всего общего имущества, а не его части. Шанс реализации целого имущества на торгах значительно возрастает, благодаря чему процедура проходит гораздо быстрее.

— Сокращение количества мнимых и притворных сделок с целью уменьшения имущественной массы должников [10, с. 67].

— Отсутствие необходимости привлекать второго арбитражного управляющего для отдельной процедуры одного из супругов.

— Исключается возможность принятия противоречащих друг другу судебных решений, то есть признание банкротом одного супруга и непризнание таковым другого супруга.

К числу недостатков рассматриваемой процедуры можно отнести:

— Возникновение ситуаций, при которых один из супругов будет иметь личных кредиторов, никак не связанных с другим супругом, которые тоже будут претендовать на часть общего имущества [11, с. 68].

— Наличие у супругов собственного имущества, что может на практике привести к сложностям с определением состава общего имущества.

— Возникает проблема определения порогового значения, при котором банкротство в принципе возможно. Так как не понятно распространяется ли установленная в законе сумма в 500 тыс. руб. на обоих супругов или только на одного [10, с. 69].

— Проблема появления у кредиторов права обращаться в суд с заявлением о признании сразу обоих супругов банкротами. Так как формально долг у них один, а значит они оба неплатежеспособные.

— Возрастает нагрузка на одного арбитражного управляющего, так ему приходится делать в два раза больше работы за одну сумму вознаграждения.

С учетом всех преимуществ и недостатков можно сделать вывод о том, что процедура совместного банкротства супругов сама по себе является вполне работоспособным правовым механизмом, позволяющим быстро и эффективно банкрутиться сразу двум взаимосвязанным физическим лицам, не нарушая при этом баланс интересов между должниками и их кредиторами. Стоит законодательно отрегулировать порядок, основания и условия подачи супругами совместного заявления о признании их банкротами, а также объединения уже находящихся в производстве дел о признании супругов банкротами либо одного из супругов. Необходимо предусмотреть специальные нормы, которые позволили бы суду, вопреки совместному банкротству, выделить дело каждого из супругов в отдельное производство, например, при прекращении режима общей совместной собственности на имущество или погашении общих обязательств [12, с. 277]. Следует также закрепить в законе меры, которые бы пресекали различные злоупотребления со стороны одного из супругов либо его кредиторов при признании несостоятельным (банкротом) другого супруга, дабы предотвратить нечестное распределение долговых обязательств и принудительное банкротство супруга, не желающего этого.

Если на этапе внедрения данного процессуального механизма в систему правового регулирования банкротства граждан законодатель учтет все его нюансы и недостатки, к которым может привести его повсеместное применение, и доработает их на стадии формирования специальных норм, то данная процедура, наверняка, станет одной из самых востребованных форм банкротства из тех что существуют на сегодняшний день. Полноценная практическая реализация процедуры совместного банкротства супругов позволит не только сократить общее количество производств о признании граждан не предпринимателей банкротом, но и однозначно поспособствует достижению той законодательной цели, ради которой изначально и был введен институт несостоятельности (банкротства) физических лиц.

Литература:

1. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации.
2. Шувалова М. Совместное банкротство супругов: отсутствие четкого правового регулирования и неоднозначность судебной практики [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».
3. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2017 по делу № А50–19304/2016 // Электронное правосудие. Картоoteca арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a96c472e-83b0-4e17-a2ae-2af2098b1703/c4e67a52-cf2c-40af-baff-872ae391b577/A50-19304-2016_20170202_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

4. Определение АС Нижегородской области от 07.12.2016 по делу N A43-28280/2016 // Электронное правосудие. Картоoteca арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f0c873d5-7262-4659-9979-192b32636349/0a830a46-8186-4ccb-86ac-4939cea63d3d/A43-28280-2016_20161207_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True
5. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.02.2017 по делу № А56-91219/2016 // Электронное правосудие. Картоoteca арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/2deac8ed-2947-427a-97d0-cff3a6de0434/58e12d20-a7a8-4e6c-b2d2-7a6e5a6f8e09/A56-91219-2016_20170222_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» п. 10 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Определение Арбитражного суда Хабаровского края от 28.08.2020 по делу № А73-19497/2018 // Электронное правосудие. Картоoteca арбитражных дел. — URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/d4ee7581-d191-4a0f-a6a1-cfa8e6c476cb/80a9ee06-67d7-488c-ae25-7d7068d476f9/A73-19496-2018_20200828_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True
8. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 04.08.2020 по делу № А65-15532/2020 // Электронное правосудие. Картоoteca арбитражных дел. — URL: [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9998524d-3749-4a14-8dc1-1a08c01283d6/56d57c0a-7bc0-475c-9519-78a145c1dc26/A65-15532-2020_20200804_Reshenie_\(rezoljutivnaja_chast\).pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9998524d-3749-4a14-8dc1-1a08c01283d6/56d57c0a-7bc0-475c-9519-78a145c1dc26/A65-15532-2020_20200804_Reshenie_(rezoljutivnaja_chast).pdf?isAddStamp=True)
9. Радионов Н. С. Об актуальности института совместного банкротства супругов // Право и управление. 2023. № 2. С. 62–65.
10. Волгина О. А., Хисамова Р. В. Совместное банкротство супругов в России: как осуществить его на практике и какая от этого польза // Закон. 2017 № 2. С. 65–74.
11. Можарова В. А., Лаврик Т. М., Мунам Замиль Саям. Институт совместного банкротства физических лиц: правовая характеристика // Право: история и современность. 2019. № 3(8). С. 62–69.
12. Белова И. Е. Совместное банкротство супругов: вопросы теории и практики // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 18. С. 271–280.

Проблемы правового режима объектов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом, в современном мире

Егупов Михаил Дмитриевич, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье анализируются проблемы правового режима объектов интеллектуальной деятельности, созданных с использованием искусственного интеллекта. Рассматриваются легальное определение ИИ, позиция российского законодателя, исключающая признание ИИ автором, а также зарубежные судебные прецеденты. Автор выделяет основные доктринальные подходы: машиноцентрический, теорию «нулевого» авторства с созданием особой категории объектов, модель отказа в охране и переход результатов в общественное достояние. Отмечаются недостатки каждой концепции, включая отсутствие учета коммерческой ценности таких объектов и дестимулирование развития технологий. Делается вывод о недостаточности правового регулирования в РФ и предлагается введение публичного учета результатов деятельности ИИ в специальном реестре.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, авторское право, правовой режим, правосубъектность, исключительное право, Гражданский кодекс РФ, результат интеллектуальной деятельности, общественное достояние, DABUS.

Problems of the legal regime of intellectual property created by artificial intelligence in the modern world

The article examines the problems of the legal regime of intellectual activity objects created with the use of artificial intelligence. It analyzes the legal definition of AI, the position of the Russian legislator, which excludes the recognition of AI as an author, as well as foreign judicial precedents. The author identifies the main doctrinal approaches: the machine-centric approach, the theory of “zero” authorship with the creation of a special category of objects, the model of denying legal protection and transferring results to the public

domain. The disadvantages of each concept are noted, including the lack of consideration for the commercial value of such objects and the disincentivization of technological development. It is concluded that the legal regulation in the Russian Federation is insufficient, and the introduction of public registration of AI-generated results in a special register is proposed.

Keywords: artificial intelligence, intellectual property, copyright, legal regime, legal personality, exclusive right, Civil Code of the Russian Federation, intellectual activity result, public domain, DABUS.

В современном мире мы можем наблюдать высокую степень цифровизации всех сфер жизни человека. Действительно трудно отрицать, что общество входит в новую эру, в которой нам придется работать с искусственным интеллектом. Однако, подобные изменения неизбежно влекут за собой ряд проблем, которые невозможно игнорировать. Так, одним из современных вызовов стал вопрос искусственного интеллекта, а именно — вопрос определения правового статуса интеллектуальной собственности, созданной с использованием ИИ: может ли ИИ быть создателем объектов интеллектуальной собственности, и если да, то кто должен обладать правами на результаты данной интеллектуальной деятельности? Подобные вопросы до сих пор остаются дискуссионными.

Приступая к изучению проблемы, необходимо указать мнение законодателя в части регулирования данного вопроса. Так, в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий «искусственного интеллекта» в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» в пп. 2 п. 1 ст. 2 дается следующее определение искусственного интеллекта: «Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». Однако, как отмечает Л. Ю. Василевская, данное определение далеко от совершенства юридической техники и не имеет отношения к нормативному регулированию, связанному с искусственным интеллектом. Вместе с тем указывается и факт того, что попытки наделяния искусственного интеллекта правосубъектностью, по аналогии с известными субъектами гражданского права — вольная, существующая в отрыве от законодательных предписаний, субъективная интерпретация, которая искажает суть основных положений науки гражданского права, а имитация искусственным интеллектом

когнитивных функций человека вовсе не означает, что искусственный интеллект посредством допускаемой законодателем технической имитации может приблизиться по своим функциям, назначению и оценке «своих» результатов к естественному интеллекту человека [3].

Трудно не согласиться с мнением ученых, указывающих, что сравнение интеллекта человека и искусственного интеллекта является некорректным, поскольку на современном этапе развития информационных технологий искусственный интеллект представляет собой только сложное программирование, созданное для решения конкретных поставленных задач [3, с. 36], то есть представляет из себя инструмент, возможности которого строго ограничены заложенными создателем алгоритмами и архитектурой, и явно не превосходят способности интеллекта человека.

Несмотря на допущение, существующее в указанном выше Федеральном законе, о способности искусственного интеллекта превосходить результаты человеческой деятельности, действующее законодательство прямо исключает возможность квалификации искусственного интеллекта как автора соответствующих результатов в силу п. 1 ст. 1228 ГК РФ, в котором указывается, что автором результата интеллектуальной деятельности признается только физическое лицо, творческим трудом которого создан такой результат. При этом абз. 2 п. 1 ст. 1228 ГК РФ содержит оговорку, согласно которой не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие или помощь, либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выполнением соответствующих работ. Следовательно, поскольку работа искусственного интеллекта основана на комплексе технологических решений, то в силу оговорки, содержащейся в абз. 2 п. 1 ст. 1228 ГК РФ, процесс работы искусственного интеллекта, заключающийся в техническом содействии целям решения поставленной пользователем задачи, не может квалифицироваться в качестве творческого труда.

Однако, необходимо отметить, что изобретателями не раз предпринимались попытки зарегистрировать за искусственным интеллектом авторские и патентные права. Так, в 2019 г. изобретатель программы DABUS доктор Стивен Таллер при подаче заявки на патенты указал в качестве изобретателя DABUS саму программу. Заявки были отклонены Европейским патентным ведомством, Ведом-

ством по интеллектуальной собственности Великобритании UKIPO и Патентным ведомством США. Жалобы Стивена английский суд оставил без удовлетворения, указывая на тот факт, что DABUS не является физическим лицом. Будет ли из этого следовать однозначный вывод о том, что искусственный интеллект не может являться носителем какого-либо субъективного исключительного права?

Как следует из п. 1 ст. 1229 ГК РФ, исключительное право закрепляет за субъектом, будь то физическое или юридическое лицо, меру возможного поведения, а как следует из п. 3 ст. 1228 ГК РФ — исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом, первоначально возникает у его автора. Это право может быть передано автором другому лицу по договору, а также может перейти к другим лицам по иным основаниям, установленным законом.

Однако в современных правовых реалиях П. М. Морхатом и рядом других исследователей выделяются несколько основных подходов к рассмотрению вопроса о возможности закрепления исключительных прав за искусственным интеллектом, как за автором произведения.

Так, машиноцентрический подход ставит под сомнение авторство человека, поскольку его вмешательство, по мнению Джейн Гинсбург, не превышает запроса компьютеру сгенерировать произведение определенного стиля и жанра, а пользователь не вносит достаточного «интеллектуального творчества» для соблюдения минимальных стандартов авторства в соответствии с Бернской конвенцией по охране литературных и художественных произведений 1886 года [10]. Как отмечается некоторыми специалистами, закономерно то, что даже одинаковые алгоритмы с идентично заложенными в них командами могут создать разный продукт интеллектуальной деятельности [7]. Однако данная теория кажется не совсем корректной, поскольку сформулированная пользователем задача (ее составные элементы) может представлять собой самостоятельный объект интеллектуальной деятельности, на который у пользователя или иного третьего лица могут быть исключительные права. Например, соответствующая задача может включать в себя: изображение, текст литературного произведения, видео, музыку или текст кода программы для ЭВМ, охраняемые в качестве объектов авторского права; текст, описывающий творческий замысел и содержание произведения, подлежащего созданию искусственным интеллектом «по инструкции». Тогда, предположим, пользователь предоставляет искусственному интеллекту, т. е. программе для ЭВМ, исключительные права на которую принадлежат третьему лицу материалы, являющиеся объектом интеллектуальной собственности и охраняемые авторским правом — оригинальные произведения. В этом случае пользователь задействует искусственный интеллект в качестве инструмента для осуществления переработки имеющихся у него оригинальных произведений в новое произведение, являющееся результатом такой переработки.

Результат переработки в соответствии с пп. 1 п. 2 ст. 1259 ГК РФ является самостоятельным объектом, и его правовой статус неразрывно связан с правомерностью использования оригинальных произведений при создании сгенерированных произведений. Так, по общему правилу, закрепленному в ст. 136 ГК РФ, плоды, продукция, доходы, полученные в результате использования вещи, независимо от того, кто использует такую вещь, принадлежат собственнику вещи, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами, договором или не вытекает из существа отношений. Следовательно, в случае, когда пользователь правомерно использовал оригинальные произведения для их переработки с помощью искусственного интеллекта, вопросы возникновения и правовой охраны исключительных прав на результат такой переработки, т. е. на сгенерированное произведение подлежат разрешению в договоре, заключенном между пользователем и правообладателем программы для ЭВМ, представляющей собой искусственный интеллект. В свою очередь искусственный интеллект в таком случае не будет являться автором произведения, а соответственно не будет иметь исключительного права на результат интеллектуальной деятельности.

Антагонистом машиноцентрической теории является теория охраны созданных объектов при «нулевом» авторстве, которая решает проблему правосубъектности искусственного интеллекта путем отграничения объектов, созданных искусственным интеллектом от иных объектов интеллектуальных прав, создавая при этом особую категорию. У таких продуктов интеллектуальной деятельности нет создателя, следовательно, личность автора не имеет значения [8]. Такой подход был отражен, например, в решении Шэньчжэньского районного народного суда района Наньшань, в котором правоприменитель оценил статью, созданную искусственным интеллектом, на предмет оригинальности и признал, что она подлежит охране, указав ее правообладателем компанию, которой принадлежал сам робот [11]. В качестве альтернативного решения в профессиональном сообществе было предложено закрепить право на объект, созданный искусственным интеллектом, за: конечным пользователем; разработчиками алгоритмов.

Однако каждая из предложенных вариаций не лишена недостатков. Так, например, кажется несправедливым признавать за конечным пользователем право обладать объектом интеллектуальных прав в ситуации, когда его роль состоит лишь в запуске алгоритма, без каких-либо трудозатрат в части созидания анализа материала или разработки программы. С другой стороны и сам разработчик алгоритма не создает готового продукта, тогда как режим соавторства между двумя вышеупомянутыми субъектами невозможен. Телеологическое толкование ст. 1258 ГК РФ указывает на то, что действия соавторов направлены на реализацию единой цели при условии их личного участия [9]. Бесспорно, в данном случае некорректно говорить о совпадении интересов разработчика и конечного поль-

зователя, их действия десинхронизированы и не служат достижению общего совместного результата.

Полярной вышеуказанным концепциям является модель, предусматривающая отказ в охране результатов интеллектуальной деятельности, созданных искусственным интеллектом. Deskриптивный анализ статей 1225, 1257, 1259 ГК РФ указывает на то, что именно такая концепция была воспринята российским законодателем. Сторонники теории перехода созданных объектов интеллектуальной деятельности в общественное достояние обосновывают господствующую позицию тем, что у такого рода произведений отсутствуют творческая составляющая и сам автор. Исходя из имманентной логики представленной теории, вся общественность является правообладателем всех произведений, созданных на базе искусственного интеллекта.

В пример можно привести положения пользовательского соглашения ООО «Яндекс», регулирующие правила и условия использования сервиса «Шедеврум», предоставляющего возможность создавать изображения и видео в соответствии с заданным пользователем запросом. Так, согласно пункту 3.2. пользовательского соглашения сервиса «Шедеврум», предусмотрено, что пользователь, «размещая на Сервисе Запрос для получения Изображения, Видео, Фильма или Текста, либо созданный Пользователем Тег, предоставляет Яндексу и другим пользователям Сервиса безвозмездную и безотзывную неисключительную лицензию на использование Запроса, и/или Тега на территории всего мира на срок действия исключительных прав, в том числе, но не ограничиваясь, на воспроизведение, копирование, подбор, систематизацию, преобразование, изменение, редактирование, перевод, опубликование, распространение, сообщение в эфир, сообщение по кабелю, доведение до всеобщего сведения Запроса и/или Тега (частично или полностью) любыми законными способами, как с указанием, так и без указания имени Пользователя, с правом предоставления сублицензии третьим лицам» [12].

Однако и модель, которой придерживается отечественный законодатель не лишена недостатков, поскольку она не учитывает значимость коммерческой оценки таких объектов и в целом ограничивает торговый оборот в отношении данных результатов интеллектуальной деятельности; дестимулирует всех участников правоотношений к применению искусственного интеллекта и, следовательно, развитию информационных технологий в целом, законодательному регулированию правового режима технологий искусственного интеллекта, следовательно требует более детальной проработки и возможному пересмотру основных гражданско-правовых институтов.

Таким образом, учитывая все вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что на данном этапе развития искусственного интеллекта существует ряд научных концепций, предлагающих различные варианты регулирования правового статуса интеллектуальной собственности, созданной с использованием искусственного интеллекта, которые применялись в разных странах мира. Однако любая из указанных концепций обладает своими недостатками, которые требуют дальнейшего более детального восполнения.

Тем не менее, справедливо будет согласиться с рядом исследователей, указывающим на недостаточность правового регулирования в сфере искусственного интеллекта в Российской Федерации, поскольку подобное регулирование почти полностью отсутствует и не отвечает современным вызовам, например, не учитывает высокую коммерческую ценность многих объектов интеллектуальной деятельности, созданных с помощью искусственного интеллекта. В связи с этим, целесообразным кажется предложение ввести публичный учет в соответствующем реестре информации о результатах деятельности искусственного интеллекта, основных характеристиках создаваемых объектов и режиме их охраны, однако данное предложение требует более детальной доработки.

Литература:

1. Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 135–146.
2. Вавилин Е. В. Статус искусственного интеллекта: от объекта к субъекту правовых отношений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 147–158.
3. Василевская Л. Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 32–40.
4. Василевская Л. Ю. Цифровизация объектов гражданского оборота: от трансформации к новым правовым режимам // Lex russica. 2025. Т. 78. № 9. С. 9–23.
5. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б., Тасалов Ф. А. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» объектов (цивилистическое исследование): монография: в 5 т. Т. 3 / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М.: Проспект, 2021. 288 с.
6. Ермаков А. Е. Правовой режим результатов, созданных при помощи искусственного интеллекта // Экономика. Право. Общество. 2025. Т. 10. № 3. С. 149–153.
7. Морхат П. М. Право интеллектуальной собственности и искусственный интеллект: монография. М.: Юнити-Дана, 2018. С. 21.
8. Модели правового регулирования создания, использования и распространения роботов и систем с искусственным интеллектом: монография / под общ. ред. канд. юрид. наук В. Б. Наумова. СПб.: НП-Принт, 2019. С. 65.

9. Ульбашев А. Х. Соавторы как субъекты авторского права // Гражданское право. 2020. № 4. С. 11–14.
10. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений. 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. 2003. N 9. С. 3.
11. Nanshan District People's Court, Shenzhen, Guangdong Province, (2019) Yue 0305 Min Chu No. 14010 Civil Judgment. November 24, 2019
12. Условия использования сервиса «Шедеврум» ООО «Яндекс». — URL: https://yandex.ru/legal/shedevrum_termsofuse/ru/ (дата обращения: 02.04.2026).

Отдельные проблемы правосубъектности публично-правовых образований в современном гражданском обороте

Завидова Арина Николаевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена проблемам правосубъектности публично-правовых образований в современном гражданском обороте. Анализируется условное приравнивание ППО к юридическим лицам и порождаемые этим теоретические противоречия. Выявляются системные проблемы исполнения судебных актов о взыскании за счёт казны.

Ключевые слова: публично-правовые образования, гражданская правосубъектность, приравнивание к юридическому лицу, государственная казна, исполнение судебных актов, субсидиарная ответственность, компетенция органов, деликтная ответственность государства, бюджетный иммунитет, разграничение ответственности.

Современный гражданский оборот невозможен без участия государства, его субъектов и муниципальных образований. Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования признаются Гражданским кодексом РФ самостоятельными участниками имущественных отношений наряду с физическими и юридическими лицами. Однако их юридическая природа, порядок выступления в обороте и механизмы имущественной ответственности порождают устойчивые теоретические и практические сложности, которые не имеют однозначного разрешения ни в доктрине, ни в правоприменительной практике. Актуальность исследования обусловлена, во-первых, возрастающим объёмом участия публично-правовых образований (ППО) в договорных и деликтных отношениях, во-вторых, сохраняющейся неопределённостью в определении их гражданско-правового статуса, в-третьих, значительным количеством судебных споров, в которых надлежащий ответчик — ППО — неверно идентифицируется, а исполнение принятых решений затягивается или становится невозможным. В настоящей статье на основе анализа доктринальных источников рассматриваются две ключевые проблемы. Первая — почему публично-правовые образования в гражданском обороте приравниваются к юридическим лицам, не обладая их статусом, и какие теоретические и практические последствия влечёт за собой такое приравнивание. Вторая — какие системные затруднения возникают при исполнении судебных актов, принятых против ППО, и какие правовые механизмы предлагаются для их преодоления. Традиционно в цивилистике выделяют три категории субъектов гражданского права: физи-

ческие лица, юридические лица и публично-правовые образования. Последние представляют собой особый вид участников гражданского оборота, которые, обладая властными полномочиями в публичной сфере, в гражданско-правовых отношениях выступают на равных началах с иными лицами. Как справедливо отмечает Е. А. Суханов, включение государства и муниципальных образований в число субъектов гражданского права не является юридической традицией, а отражает объективную потребность в использовании гражданско-правовых инструментов для управления публичной собственностью, удовлетворения общественных потребностей и реализации социально-экономических функций. В отличие от административно-правовых отношений, где государство выступает носителем властных полномочий, в гражданском обороте оно подчиняется общим правилам договорной дисциплины, имущественной ответственности и судебной защиты. Принцип равноправия сторон, закреплённый в качестве одного из основополагающих начал гражданского законодательства, распространяется и на ППО. Это означает, что при заключении договоров, возникновении обязательств из причинения вреда или неосновательного обогащения государство не может ссылаться на свой публичный статус как на основание для одностороннего изменения условий обязательства или отказа от его исполнения. Как подчёркивает Ю. Н. Андреев, равноправие является не привилегией контрагентов государства, а условием самой возможности участия ППО в имущественном обороте. Вместе с тем равноправие ППО имеет объективные пределы. Государство не может быть полностью уравниено с частным лицом уже потому,

что его имущество — казна — формируется за счёт налогов и иных обязательных платежей, а его воля выражается через сложную систему органов, действующих в пределах строго определённой компетенции. Эти особенности порождают центральную проблему правосубъектности ППО: каким образом совместить публичную природу субъекта с частноправовым режимом его участия в обороте. Гражданский кодекс РФ устанавливает, что к публично-правовым образованиям применяются нормы, регулирующие участие юридических лиц в гражданском обороте, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов. Это положение является ключевым для понимания их правосубъектности, но одновременно порождает значительные теоретические споры. В. Г. Голубцов в своём исследовании обосновывает, что данная норма представляет собой сознательный юридико-технический приём, позволяющий интегрировать публичного субъекта в частноправовые отношения без его формального преобразования в корпорацию или учреждение. Законодатель не наделяет ППО статусом юридического лица, поскольку это противоречило бы их публичной природе, но разрешает использовать те же правовые конструкции — договор, представительство, ответственность, судебную защиту. Почему же так важно приравнивание к юридическому лицу? Анализ работ Р. Р. Абдулвагаповой позволяет выделить три группы причин. Первая группа — функциональная необходимость. ППО заключает сделки аренды, подряда, купли-продажи, поставяет товары для государственных нужд, предоставляет имущество в пользование. Для всех этих действий требуется единообразный договорный режим. Если бы к государству не применялись общие нормы о юридических лицах, каждый вид его участия пришлось бы регулировать отдельными законами, что неизбежно привело бы к пробелам и противоречиям. Вторая группа — имущественная определённость. Как верно указывает Ю. Н. Андреев, именно приравнивание к юридическому лицу позволяет юридически корректно разграничить имущество, закреплённое за созданными ППО учреждениями и унитарными предприятиями, и имущество, составляющее казну. Первое является обеспечением обязательств самих юридических лиц, второе — обеспечением обязательств публичного образования. Без этого разграничения кредиторы могли бы предъявлять требования к государству по долгам его учреждений, что нарушало бы принципы ограниченной ответственности. Третья группа — процессуальная. Приравнивание даёт возможность суду определить надлежащего ответчика (публичное образование, а не его орган) и применить стандартные процедуры искового производства, включая обеспечительные меры, хотя и с существенными оговорками, связанными с иммунитетом казны. Однако, как подчёркивает И. Е. Кабанова, правоспособность ППО носит не универсальный (как у большинства коммерческих юридических лиц), а строго целевой (специальный) характер. Государство и муниципальные образования всту-

пают в гражданские отношения не для извлечения прибыли, а для реализации публичных функций и социально значимых задач. Поэтому они не могут заниматься предпринимательской деятельностью в том объёме, в котором это доступно частным компаниям, а их участие в обороте ограничено целями, прямо установленными законом. Пожалуй, наиболее существенное различие между ППО и юридическими лицами состоит в порядке формирования и выражения их воли в гражданском обороте. Юридическое лицо действует через свои органы, формируемые на основании учредительных документов, причём воля юридического лица считается волей самого юридического лица, а не его органов. Публично-правовое образование действует через органы государственной власти или местного самоуправления в рамках установленной компетенции. Отличие, как отмечает А. Ф. Бакулин, состоит в том, что полномочия этих органов определяются не учредительными документами, а нормативными правовыми актами, регламентирующими их статус. Орган не может выйти за пределы своей компетенции, даже если это диктуется интересами самого ППО. Более того, в отличие от юридического лица, где орган может действовать по принципу «всё, что не запрещено», для государственного органа действует принцип «разрешено только то, что прямо предписано». Эта особенность порождает серьёзную практическую проблему. При совершении сделки от имени ППО контрагент должен не только убедиться в том, что орган является надлежащим представителем, но и проверить, не превышает ли он свою компетенцию. Однако, как справедливо замечает А. Ю. Захаров, компетенция государственного органа часто описана в нормативных актах крайне абстрактно, что создаёт неопределённость для добросовестного контрагента. В случае превышения полномочий сделка может быть признана недействительной, а риск неблагоприятных последствий ложится на контрагента, который зачастую не имел реальной возможности проверить пределы полномочий должностного лица. Другая проблема, выделяемая Д. Н. Серихом, состоит в том, что воля ППО формируется через сложные публичные процедуры — согласования, бюджетные лимиты, публичные закупки. Это означает, что даже при наличии подписанного договора он может оказаться недействительным, если не были соблюдены необходимые публичные процедуры (например, не проведены конкурентные закупки). Для контрагента, привыкшего к частноправовому принципу свободы договора, такие риски оказываются непривычно высокими.

Если признание ППО участником оборота и применение к нему правил о юридических лицах более или менее урегулированы, то стадия исполнения судебного акта остаётся наиболее проблемной. Исследование судебной практики, обобщённое в цивилистической доктрине, позволяет выделить несколько системных трудностей. Первая и, пожалуй, главная проблема — ошибочное указание ответчиком не самого ППО, а его органа. Контрагент, выигравший спор у государственного органа (на-

пример, у Росреестра или МВД), получает решение суда, в котором ответчиком значится этот орган. Однако, как обоснованно пишет А. Ф. Бакулин, орган не является самостоятельным субъектом гражданско-правовой ответственности — он лишь выражает волю ППО. Должником по обязательству является само публичное образование (Российская Федерация, субъект РФ или муниципальное образование), а орган лишь представляет его в суде. Последствия такой ошибки драматичны. Исполнительный лист, выданный на имя государственного органа, не может быть предъявлен к казне, поскольку формально в нём указано иное лицо. Орган, в свою очередь, не имеет собственных средств для исполнения решения, так как финансируется из бюджета. Возникает ситуация, которую В. Г. Голубцов характеризует как «порочный круг исполнительного производства»: решение вступило в законную силу, но исполнено быть не может, поскольку процессуально оформлено неверно. Выходом из этой ситуации является требование к судам формулировать резолютивную часть решения как «взыскание за счёт казны Российской Федерации (субъекта РФ, муниципального образования)». Однако, как показывает анализ судебной практики, проведённый И. Е. Кабановой, суды далеко не всегда следуют этой конструкции, особенно в делах, где иск изначально был предъявлен к органу. Более того, даже при правильной формулировке возникают трудности с определением того, казна какого именно уровня подлежит взысканию — федеральная, региональная или муниципальная. Вторая системная проблема связана со смешением правового статуса самого ППО и созданных им юридических лиц — государственных и муниципальных учреждений, унитарных предприятий. В обыденном правосознании и даже в юридической практике нередко ошибочно полагают, что государственное учреждение автоматически «покрывается» бюджетом, поэтому в случае неисполнения им обязательств можно взыскать средства непосредственно с казны. Это глубокое заблуждение. Как подчёркивает Е. А. Суханов, учреждение и унитарное предприятие являются самостоятельными юридическими лицами, обладающими собственной правоспособностью и отвечающими по своим обязательствам закреплённым за ними имуществом. Публично-правовое образование, создавшее учреждение, не отвечает по его долгам, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Для казённых учреждений закон действительно устанавливает субсидиарную ответственность собственника, но для бюджетных и автономных учреждений такая ответственность отсутствует. Как отмечает Р. Р. Абдулвагапова, смешение статусов ведёт к отказам во взыскании с казны в тех случаях, когда требовалось предъявлять иск к самому учреждению. Контрагент, добросовестно полагавший, что имеет дело с государством, сталкивается с тем, что государство юридически не является стороной сделки, а созданное им учреждение не имеет достаточных средств для расчёта. Особую сложность представляет ситуация с казёнными учреждениями. Закон предусматривает субси-

диарную ответственность ППО по их обязательствам, но судебная практика, проанализированная в курсовой работе, показывает, что кредиторы зачастую не знают о необходимости сначала предъявить требование к самому учреждению и лишь при недостаточности его средств — к ППО. Предъявление иска сразу к ППО влечёт отказ, что удлинит судебный процесс и увеличивает издержки.

Третья группа проблем связана с процедурой исполнения судебных актов, предусматривающих взыскание за счёт казны. Даже при правильном определении ответчика и надлежащей формулировке резолютивной части исполнение не осуществляется по правилам Федерального закона «Об исполнительном производстве» в полном объёме. Как разъясняет Ю. Н. Андреев, исполнение таких актов регулируется бюджетным законодательством, в частности, порядком, установленным для исполнения судебных решений по искам к казне. Это означает, что взыскатель не может обратиться к судебному приставу-исполнителю с требованием о принудительном взыскании. Вместо этого он должен предъявить исполнительный документ в соответствующий финансовый орган (Федеральное казначейство, финансовый орган субъекта РФ или муниципального образования), который осуществляет списание средств с единого счёта бюджета. На практике это порождает несколько негативных последствий. Во-первых, сроки исполнения значительно удлиняются — бюджетное законодательство устанавливает трёхмесячный срок для исполнения, тогда как в стандартном исполнительном производстве меры принуждения могут применяться значительно быстрее. Во-вторых, взыскатель лишён таких эффективных механизмов, как арест имущества должника или обращение взыскания на денежные средства на расчётных счетах, поскольку казна не имеет обычных банковских счетов в смысле гражданского законодательства. В. Г. Голубцов обращает внимание на ещё один аспект, который можно охарактеризовать как фактический бюджетный иммунитет. Бюджетное законодательство устанавливает перечень защищённых статей расходов, на которые не может быть обращено взыскание. Если бюджетные средства, предназначенные для исполнения судебного акта, не были предусмотрены в соответствующем бюджете на текущий финансовый год, исполнение переносится на следующий год или даже на более поздний период.

Кредитор оказывается в ситуации, когда правосудие свершилось, но удовлетворение требования отложено на неопределённый срок. Как отмечает Д. Н. Серих, это создаёт неравенство между кредиторами ППО и кредиторами частных лиц: последние могут рассчитывать на относительно быстрое принудительное исполнение, тогда как первые вынуждены подстраиваться под бюджетный цикл и не могут требовать ускорения процедуры. Особую подгруппу проблем составляет исполнение судебных актов о возмещении вреда, причинённого незаконными действиями (или бездействием) государственных органов и их должностных лиц. Статья 1069 ГК РФ прямо преду-

считает, что такой вред возмещается за счёт казны соответствующего ППО. Однако, как показывает анализ, проведённый А. Ф. Бакулиным, и здесь возникают многочисленные сложности. Прежде всего, это проблема доказывания. В отличие от договорных обязательств, где основание требования очевидно, при деликтных требованиях необходимо доказать не только факт причинения вреда и его размер, но и незаконность действий органа, а также причинно-следственную связь между действиями и наступившим вредом. Суды, по наблюдению И. Е. Кабановой, предъявляют к таким доказательствам повышенные требования, что делает данную категорию дел одной из самых сложных для истцов. Другая проблема связана с длительностью досудебных и судебных процедур. Во многих случаях закон требует обязательного досудебного урегулирования спора с государственным органом, что занимает дополнительное время. Учитывая, что срок исковой давности по таким требованиям является общим (три года), а процесс доказывания — сложным, многие потенциальные истцы просто отказываются от защиты своих прав. Наконец, как подчёркивает Е. А. Суханов, даже при успешном прохождении всех этапов и получении решения суда с формулировкой «взыскание за счёт казны» процедура исполнения не отличается от общей процедуры по договорным обязательствам. То есть все отмеченные выше задержки, связанные с бюджетным процессом, в полной мере распространяются и на деликтные требования.

Анализ проблем правосубъектности ППО и исполнения судебных актов против них позволяет предложить ряд направлений совершенствования правового регулирования, обсуждаемых в современной цивилистической доктрине. Во-первых, как предлагает В. Г. Голубцов, следует уточнить процессуальное законодательство в части обязательного указания в резолютивной части решения на взыскание «за счёт казны» соответствующего публичного образования во всех случаях, когда ответчиком по делу является ППО. Это требование должно быть императивным и не оставлять суду *discretion* в выборе формулировки. Во-вторых, Р. Р. Абдулвагапова обосновывает необходимость создания упрощённого порядка исполнения судебных актов по искам к казне, который бы сократил сроки и уменьшил количество административных процедур. В частности, предлагается распространить на такие случаи общие правила исполнительного производства, но с заменой судебного пристава-исполнителя на финансовый орган, обязанный произвести выплату в течение 30 дней без дополнительных согласований. В-третьих, И. Е. Кабанова предлагает в законодательном порядке уточнить критерии разграничения ответственности ППО и созданных им учреждений, а также ввести обязанность публичных образований раскрывать ин-

формацию о правовом статусе учреждений при заключении договоров, чтобы контрагент мог осознанно оценить риски. В-четвёртых, Ю. Н. Андреев обосновывает необходимость создания бюджетного резерва для исполнения судебных актов независимо от того, были ли соответствующие ассигнования предусмотрены в текущем бюджете. Это позволило бы избежать ситуации, когда решение существует, но исполнение откладывается на годы из-за отсутствия бюджетного финансирования. В-пятых, Д. Н. Серих предлагает ввести механизм оперативного информационного обмена между судами и финансовыми органами о вступивших в законную силу решениях для ускорения процедуры исполнения.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что правосубъектность публично-правовых образований представляет собой сложный гибридный феномен. С одной стороны, необходимость участия в имущественном обороте требует приравнивания ППО к юридическим лицам по кругу договорных возможностей и правил ответственности. С другой — публичная природа (особый порядок формирования воли, целевой характер правоспособности, казна как ограниченный источник ответственности) создаёт неустраняемые в рамках текущего правового регулирования сложности, в особенности на стадии исполнения судебных актов. Наиболее острыми проблемами остаются: ошибочная идентификация ответчика и неверное оформление резолютивной части решений; смешение ответственности ППО и созданных им юридических лиц; длительность и бюрократизированность процедур исполнения за счёт казны; фактический бюджетный иммунитет, позволяющий отсрочить исполнение на неопределённый срок. Перспективы совершенствования правового регулирования лежат не в отказе от аналогии с юридическим лицом — эта конструкция доказала свою практическую полезность, — а в уточнении процессуальных и бюджетных механизмов. Требуется унификация требований к резолютивной части решений, создание упрощённого внебюджетного порядка исполнения, чёткое законодательное разграничение ответственности ППО и учреждений, а также формирование бюджетных резервов для гарантированного исполнения судебных актов. Без решения этих проблем гражданско-правовой статус публично-правовых образований останется неполным, а их контрагенты будут нести дополнительные риски, связанные не с недобросовестностью государства, а с несовершенством правовых механизмов его участия в обороте. Реализация предложенных направлений реформы позволит укрепить доверие к государству как к равноправному участнику гражданских правоотношений и повысить эффективность судебной защиты прав лиц, вступающих в отношения с публичными субъектами.

Литература:

1. Абдулвагапова Р. Р. Публично-правовые образования как субъекты гражданского права и участники обязательственных правоотношений: монография. — Казань: Познание, 2008. — 79 с.

2. Андреев Ю. Н. Участие государства в гражданско-правовых отношениях. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. — 355 с.
3. Бакулин А. Ф. Публично-правовое образование как субъект спора, вытекающего из гражданских правоотношений // КиберЛенинка. — 2016. — URL: <https://clck.ru/3S3xqr>
4. Голубцов В. Г. Российская Федерация как субъект гражданского права: монография. — 2-е изд., доп. — М.: Статут, 2021. — 314 с.
5. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2023. — 624 с.
6. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. — М.: Статут, 2023. — 496 с.
7. Захаров А. Ю. Превышение полномочий государственными органами и органами местного самоуправления при совершении сделок // КиберЛенинка. — 2007. — URL: <https://clck.ru/3S3xEe>
8. Кабанова И. Е. Гражданская правоспособность публично-правовых образований и органов публичной власти: вопросы теории и правоприменительной практики // КиберЛенинка. — 2014. — URL: <https://clck.ru/3S3w7m>
9. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / отв. ред. Е. А. Суханов. — 4-е изд., стер. — М.: Статут, 2015. — 1208 с.
10. Серих Д. Н. Особенности правового статуса публично-правовых образований как участников предпринимательских правоотношений // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2024. — № 4. — С. 117–124.

Перспективы развития учения о криминалистических версиях в эпоху цифровизации

Иванов Святослав Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует перспективы развития версионного процесса в период внедрения современных технологий в правоохранительную сферу.

Ключевые слова: криминалистические версии, цифровизация, искусственный интеллект.

На сегодняшний день научно-технический прогресс во всех его проявлениях внедрился практически во все сферы жизнедеятельности общества. Данные технологии эффективно помогают в сфере ведения частного бизнеса, в быту человека, что целом не является чем-то удивительным на сегодняшний день. В том числе влияние эпохи цифровизации не оградило вниманием и правоохранительную деятельность.

В связи с этим в научном сообществе по сей день ведутся актуальные дискуссии о целесообразности внедрения современных технологий в правоохранительную деятельность. Многие предлагают полностью трансформировать уголовное судопроизводство, включая предварительное расследование через создание цифровой экосистемы, однако многие сомневаются в целесообразности глобальной перестройки и считают верным путь локальной оптимизации данной сферы, поскольку в глобальном плане придется менять законодательство и увеличивать бюджетное финансирование на подобную деятельность. [1].

Наиболее перспективным, на наш взгляд, является направление криминалистических версий, поскольку это основа процесса доказывания и потенциальное вне-

дрение технологий позволит ускорить процесс анализа найденных улик, сбора доказательственной информации, да и в целом расследования преступлений и повысить качество раскрываемости.

В частности, искусственный интеллект — это программа, основанная на алгоритмах, которые позволяют изучать большой объем информации, обеспечивает создание результатов независимые от человека [2]. Основной функционал данной технологии заключается в анализе неопределенного количества информации для выведения новых данных.

Важно заметить, что ИИ по своей сущности имеет возможность обработать любой массив информации, куда может входить видео-аудиозаписи, данные местоположения, данные из социальных сетей, тем самым потенциально он может увидеть определенные закономерности, которые могут проскочить мимо следователей. Данный процесс непосредственно связан с понятием обнаружения доказательств, которое по своей природе связано с поиском, выявлением, обращении внимания на определенные детали, имеющие значение для раскрытия преступления [3].

Говоря про стадию предварительного расследования, невозможно не отметить влияние криминалистических версий, а также сопряженного с ними процесса планирования расследования. Версии применяются на практике с точки зрения важного звена криминалистического познания, благодаря которому определяется вектор планирования расследования по данному уголовному делу. Версионный процесс осуществляется благодаря законам логики, мыслительной деятельности субъекта (анализ и обработка имеющихся данных по делу), моделирование следственных ситуаций, проверка каждой выдвинутой версии. Все эти действия служат основой версионного процесса и соответственно влияют на результат, а именно — достижение достоверного вывода, сопряженное с полным раскрытием уголовного дела.

Кстати, за последние годы, были разработаны автоматизированные информационно-поисковые системы: «Спрут» (система, которая позволяет определить контактные связи преступников), «Маньяк» (система, которая позволяет получить информацию при расследовании серийных убийств на сексуальной почве), «Сейф» (система, в которой аккумулируется информация о хищениях денежных средств из хранилищ), роль которых заключается в помощи правоохранителям в анализе «следственной ситуации», благодаря которым принимаются дальнейшие решения с высокой результативностью, а главный признак — весьма сокращает время работы следователя [4].

Мнения ученых по вопросу использования ИИ разделяется, поскольку принято считать, что данная технология в силу своих алгоритмов может допускать ошибки искажения в обработке поступившей информации. Однако не стоит забывать тот факт, что человек сам может принимать ошибочные положения после анализа данных, которые влияют на принятие неверных для достоверного результата решений. Безусловно сравнивать работу мышления субъекта доказывания и работу автоматизированной технологии в лице ИИ крайне тяжело. И соответственно различие между искажения алгоритмов ИИ и ошибок следователя тоже существенное [5].

В нашем государстве уже имеются разработки в области ИИ, благодаря поддержке Следственного комитета, был разработана система поддержки принятия решений (СППР). Данная система выглядит в виде комплекса процессов, направленных на анализ фактических данных, которая осуществляется благодаря программным алгоритмам в целях оказания помощи пользователю для принятия правильного решения. Например, данный продукт технического прогресса может обрабатывать цифровую информацию с социальных сетей, с мобильных устройств, от операторов мобильной связи, из баз данных государственных органов или учреждений, и соответственно может вывести новую информацию, необходимую для расследования преступлений. Помимо этого, достоинством СППР является прогнозирование рецидивов преступлений [6].

Технология искусственного интеллекта по мнению некоторых ученых может применяться активно на стадии предварительного расследования. Они определили возможность внедрения ИИ на стадию определения следственных версий, моделирования событий, распознавания образов (для повышения результативности почерковедческих экспертиз) [7].

На сегодняшний день в науке сложилось устойчивое мнение, касательно путей развития искусственного интеллекта в следственной деятельности:

1. анализ, оценка первичной информации по определенному уголовному делу, который перетекает в построение версий, а также определение направлений их проверки.

2. создание модели самого события преступного деяния и картины следов, в основе которой лежит первичная информация по делу.

3. установление черт серийных преступлений при условии недостаточности исходных данных и предложение по проверке перспективных криминалистических версий (например, при убийстве мужчины, необходимо осуществить следственные действия, которые направлены на поиск аналогичных преступлений в данной локации за последнее время, в таком случае круг подозреваемых сужается до определенной социальной группы).

4. деятельность с социальными сетями, поисковыми системами. В современной криминалистике одним из важного направления является как раз мониторинг экстремистских групп, фейковых сообщений того же характера. Проблема на сегодняшний день заключается в передаче данных полномочий от следствия органу дознания. В силу этого может искусственный интеллект сможет решить эту проблему [8].

Можно прийти к выводу, что на сегодняшний день, направление активного внедрения ИИ в версионный процесс является весьма обсуждаемым в научном обществе. Однако существуют риски использования ИИ в правоохранительной системе. Соответственно реализация данной технологии в правоохранительной системе должна происходить с учетом минимизации всех негативных проявлений и последствий подобной реализации. Для этого научное общество должно дать четкую формулу интеграции данной технологии, рассмотрев при этом не только правовые, но и технические аспекты работы данных автоматизированных систем.

Исходя из вышеизложенного нам бы хотелось предложить свое видение интеграции продуктов технического прогресса в версионный процесс.

Мы видим решение многих проблем, которые описывались ранее, в создании автоматизированной программы на базе искусственного интеллекта и методических рекомендаций для следователя с точки зрения определения вектора планирования расследования. На наш взгляд, эта система должна включать в себя весь теоретический и практический опыт построения, проверки криминалистических версий последних лет через призму опреде-

ленной категории преступления. Весь этот массив данных можно собрать как с теоретических достижений науки криминалистики, так и архивов, и материалов уголовных дел прошлых лет, впоследствии использовать эти данные для систематического переноса в эту программу.

С помощью позитивного опыта нынешнего внедрения ИИ в правоохранительную деятельность, необходимо будет внедрить определенный функционал искусственного интеллекта, связанную с работой определённых алгоритмов. Как многим известно уже, алгоритмы должны совершенствоваться, определять закономерности, и как раз-таки на основе большого массива методических рекомендаций о версионном процессе по уголовным делам прошлых лет, эта система начнет самостоятельно развиваться.

Идеальная модель данной автоматизированной системы заключается в том, что следователь, прописывая

материалы возбужденного уголовного дела, уже увидит работу программы данной через автоматическое построение криминалистических версий и направление планирования расследования, что позволит решить задачу увеличения темпа расследования преступления. Данная программа сможет существовать в качестве мобильного приложения, либо программы на ПК.

Мы считаем, что данная система сможет стать для следователя ассистентом в построении криминалистических версий. Благодаря этому следователь сможет сократить время и позволит быстрее совершать следственные действия исходя из инструкции, составленной данной программой. А это в свою очередь, позволит оперативнее осуществлять расследование преступлений. Мы ставим такую цель перед данной программой. Эта программа может стать фундаментом для дальнейшей автоматизации правоохранительной деятельности.

Литература:

1. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция?// Вестник экономической безопасности. 2019. Т.1.
2. Соломонов Е. В. Понятие и признаки искусственного интеллекта// Вестник Омского университета. Серия: Право. 2023. Т.20, № 4.
3. Безлепкина Б. Т. Уголовный процесс России. М.: Кнорус, 2010
4. Себякин А. Г. Искусственный интеллект в криминалистике: система поддержки принятия решений// 2019. Т.10, № 4.
5. Бессонов А. А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений. М. 2021.
6. Дьяконова О. Г. К вопросу о понятии технологий искусственного интеллекта// Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3.
7. Степаненко Д. А., Бахтеев Д. В., Евстратова Ю. А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности// Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т.14 № 2
8. Яковец Е. Н. Проблемы аналитической работы в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М. 2005.

Актуальные проблемы в регулировании ПОД/ФТ в 2025 году: новые обязанности субъектов и практические аспекты применения

Иванова Кристина Григорьевна, студент

Научный руководитель: Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье будет проводиться и рассматриваться комплексный анализ нормативно-правовых изменений 2025 года в сфере противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. В ходе исследования будут проанализированы изменения в основных обязанностях субъектов первоначального финансового мониторинга, а также новые требования к внутренней системе контроля и форматам отчетности.

Особое внимание будет уделено оптимизации основных сложностей по применению новых требований к проблемам технического и кадрового характера по адаптации организаций. Разработанные рекомендации в представленном исследовании нацелены на оптимизацию сроков адаптации и минимизацию административных издержек, которые не обладают системной значимостью.

Ключевые слова: ПОД/ФТ, внутренний контроль, субъекты финансового мониторинга, КоАП РФ, финансовые акты, нормативные требования.

Актуальностью данного исследования являются существенные изменения нормативно-правовой базы в области ПОД/ФТ на период 2025 года. Увеличение регуляторных границ, которые связаны с включением комплексных способов и средств операторов цифровой системы и субъектов по обороту финансовых активов, а также переход на новые форматы отчетов формируют колоссальную нагрузку у подразделений, которые обеспечивают соблюдение законодательства.

При этом практика по применению норм законодательства показывает различные подходы по оцениванию готовности организаций к соблюдению новых обязанностей, что безусловно повышает риски по привлечению к ответственности, даже несмотря на добросовестное поведение. Целью исследования является систематизирование основных изменений в законодательстве за 2025 год, а также оценивание практического влияния на процессы по внутреннему контролю.

Для полного достижения цели необходимо: провести анализ основных нормативно-правовой базы; выявить конкретные изменения в обязанностях субъектов по первичному финансовому мониторингу; установить проблемы применения, которые касаются новых требований; разработать предложения по оптимизации данного периода. В исследовании используются формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ, а также метод по систематизированию нормативной базы.

Формально-юридический метод применяется для анализируя норм, что соответственно позволяет раскрыть содержание текста по новым требованиям и выявить взаимосвязи между федеральными законами и регулированием ведомственных актов. Сравнительно-правовой анализ применяется для сопоставления предыдущих и текущих требований, который дает возможность увидеть вектор изменений регуляторного

подхода за 2025 год. Метод по систематизированию нормативно-правовой базы соединяет отдельные акты в общую систему. То есть, способствует рассмотрению документов разного уровня правового регулирования, в число которых входят подзаконные акты Банка России и Росфинмониторинга. Данный подход формирует общую картину развития обязанностей субъектов финансового мониторинга.

Применение указанных методов даёт гарантию объективности выводов. Это позволяет оценить текущие изменения, а также их последствия, которые помогают обнаружить скрытые риски и пробелы в регулировании. В результате такой работы образуются практические предложения по оптимизированию деятельности организаций.

За 2025 год регулирование в области ПОД/ФТ подверглось множественным изменениям, которые направлены на обновление требований с учетом цифровой экономики и международных норм. Ориентиром стали преобразования, которые направлены на смещение акцента с формального соблюдения правил на оценку потенциальной опасности [7].

Упомянутые выше преобразования отражены в новых положениях Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» [2], подзаконных актах Банка России [4], а также методических рекомендациях Росфинмониторинга [5]. Основным направлением становится расширение круга организаций, которые обязаны принять меры по внутреннему контролю. В сферу регулирования включены:

- операторы обмена по цифровым валютам
- устойчивые платформы для создания и выпуска цифровых и финансовых активов
- отдельные категории организаций, которые не связаны с предоставлением финансовых услуг.

Для общей картины анализа по составу субъектов практично показать разделение по категориям, которое представлено на Схеме 1. Если ранее внутренний контроль охватывал в преимуществе финансовые институты, то в настоящее время спектр категорий колоссально расширен.

Для данных субъектов определен основной перечень обязанностей таких как:

- разработка и утверждение правил для регулирования внутреннего контроля;
- назначение в организации ответственность должностного лица;
- проведение идентификации клиентов и бенефициарных владельцев;
- направление отчетных документов в электронном виде в уполномоченный орган.

Вместе с тем, обновлены признаки по подозрительным операциям, а именно расширение перечня критериев, которые свидетельствуют о возможном использовании финансовых потоков в преступных целях. Таким образом это создает требование от организаций определенного пересмотра действующих алгоритмов мониторинга и регулирования систем на выявление новых схем.

Важным аспектом реформирования стало модернизирование форматов отчетности. Согласно Приказу Росфинмониторинга от 30.06.2025 № 134 утверждены новые электронные схемы сообщений, которые требуют передачу расширенного перечня текущих сведений. Особенно следует отметить, что субъекты обязаны обозначить цели проведения операций, источники происхождения денежных средств, а также сведения о контрагентах финансовой сферы из государств, у которых низкий уровень надежности информации [5].

В тоже время, Положение Банка России от 18.06.2025 № 860-П утверждает, что организации обязаны включать в правила внутреннего контроля дополнительные разделы, демонстрирующие оценку рисков, которые связаны с финансовыми активами [4]. Применение указанных условий требует обновление информационных систем, а также повышение квалификации сотрудников организаций.

Текущие изменения затронули и пороговые значения, которые определяют объем внутреннего контроля. Законодатель закрепил четкие ограничения для приме-

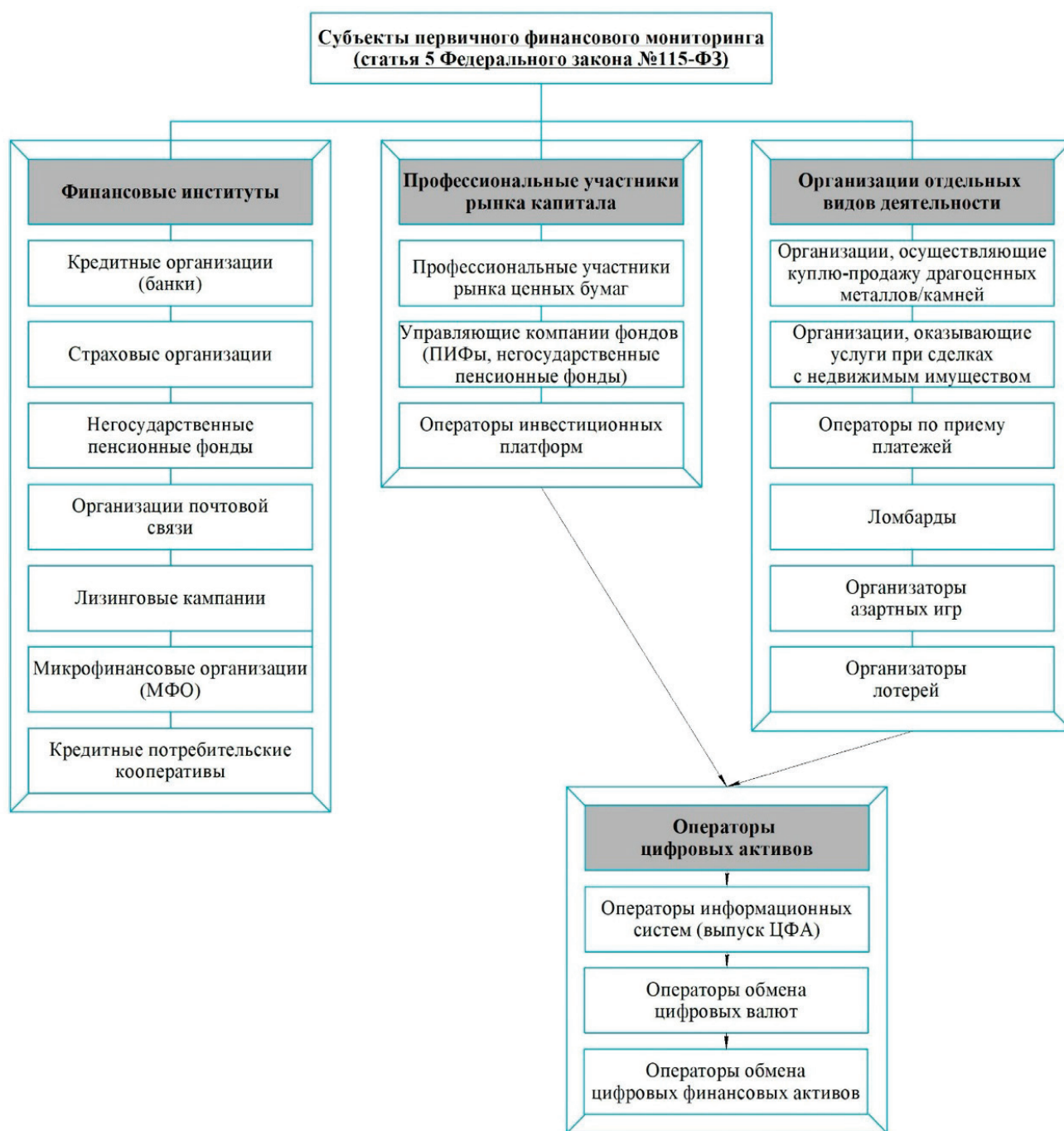

Рис. 1. Категория субъектов первичного финансового мониторинга на основе статьи 5 Федерального закона № 115-ФЗ

нения упрощённой идентификации. Согласно п. 1.4 ст.7 115-ФЗ, полная проверка клиента не требуется при переводах денежных средств до 15 000 рублей, а также при совершенных операциях, которые связаны с оплатой коммунально-жилищных услуг, налогов или переводов без открытия счёта на сумму до 60 000 рублей. При этом базовое пороговое значение обязательного контроля, установленное п. 1 ст. 6 115-ФЗ, не должно превышать 1 000 000 рублей [2]. Подобное разделение отражает именно риск-ориентировочный подход, который способствует снижению административных издержек предпринима-

тельской деятельности при обработке операций на незначительные суммы, не уменьшая контроль за масштабными финансовыми потоками [8].

Заключительным этапом регулирования за 2025 года становится детальное оформление по всем обязанностям операторов цифровых активов. Изначально Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ утвердил обязанности в перечень субъектов ПОД/ФТ, но конкретно механизм отчетности был включен позже [3]. Также Положение Банка России от 18.06.2025 № 860-П утвердило обязанность для таких операторов направлять отчеты за квартальные пе-

риоды о совершенных операциях и предоставить сведения о примененных мерах по внутреннему контролю [4]. Данные требования устраняют неоднозначность

в правовом регулировании и способствуют обеспечению общих стандартов финансового мониторинга для участников рынка финансовых активов и цифровых валют.

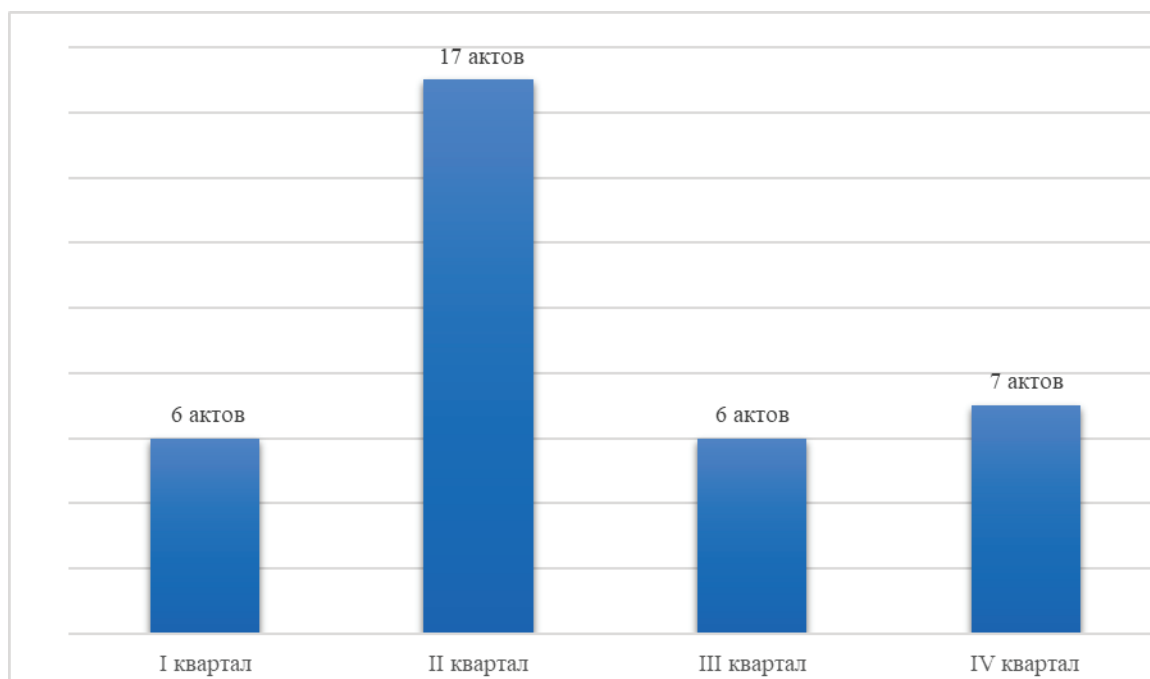

Рис. 2. Количество нормативно-правовых актов в области ПОД/ФТ, вступившие в законную силу в 2025 году (квартальные периоды)

Анализ по представленным на Рисунке 1 данным показывает устойчивую направленность к разграничению требований. Законодатель целенаправленно смягчает пороги для обычных операций, но при этом сохраняет контроль над крупными сделками, где могут быть повышенные риски. Высокий рост нормотворчества во втором квартале (17 нормативных актов) говорит об активном формировании регулирующей системы [6]. Это способствует требованию от субъектов полного пересмотра внутреннего регламента и инвестиционной готовности подразделений, которые отвечают за соблюдение норм законодательства. Масштабные финансовые организации, в большинстве случаев обладают всеми необходимыми инструментами для своевременной адаптации, в тоже время как компании малого и среднего бизнеса встречаются с ограничениями кадровых и технических возможностей.

Переход к новым требованиям показал ряд системных сложностей, которые требуют значительного внимания как от субъектов, так и от законодателя. Среди самых острых проблем можно подчеркнуть технические барьеры, так как большая часть организаций применяет устаревшие программные системы, которые не поддерживают современные электронные форматы отчетности.

Изменения информационного обеспечения могут требовать определенное количество времени и финансовых расходов, что соответственно может стать критичным для субъектов с ограниченными ресурсами на разработку и приобретение программного обеспечения (ПО).

Ситуацию также ухудшает кадровый дефицит в организациях. Нехватка специалистов, которые ознакомлены с регулированием цифровых активов, а также порядок, который основан на оценке рисков, способствуют замедлению изменений по новым алгоритмам деятельности.

Кроме того, можно наблюдать риск переизбытка контроля. То есть, при наличии автоматизированных систем организаций, которые прошли сертификацию всё еще должны предоставлять и дублировать отчетность в бумажной форме или предоставлять дополнительные пояснения, которые могут противоречить эффективности контроля.

Для минимизации указанных проблем целесообразно представить реализацию комплексных мер, которые будут направлены на оптимизацию применения норм. Следует предусмотреть промежуточный период от 6 до 12 месяцев для субъектов малого и среднего бизнеса по адаптации к актуальным форматам отчетности. Это предоставит организациям поэтапно обновить технические системы без особых рисков привлечения к административной ответственности за возможные сбои. Кроме того, уполномоченным органам следует опубликовать в открытом доступе стандартные правила внутреннего контроля для новых категорий субъектов, в том числе операторов обмена цифровых валют и операторов информационных систем выпуска ЦФА.

Изменения стандартных правил внутреннего контроля позволит снизить большую часть нагрузки на подразделе-

ления, которые обеспечивают соблюдение требований ПОД/ФТ, и обеспечит единообразие юридической практики. Также стоит закрепить в нормативно-правовых актах механизм по исключению дублирования отчетности. То есть, при использовании автоматизированных систем, соответствующих требованиям уполномоченных органов, организации обязаны освободиться от дублирования отчетных сведений.

Вспомогательным инструментом оптимизации становится усиление информационной и методической поддержки со стороны уполномоченных органов (Банка России и Росфинмониторинга). Опубликование в открытом доступе рекомендаций и организаций своевременной консультационной поддержки предоставят субъектам получать разъяснения по сложным вопросам. Это становится действительно необходимо в период адаптации организаций к новым требованиям.

Подводя итоги результатов и достижения целей исследования, можно сделать вывод, что нормативные изме-

нения 2025 года в области ПОД/ФТ носят системный характер и нацелены на адаптацию на совершенствование мер по внутреннему контролю в условиях цифровой системы. Основной проблемой остается разная степень готовности субъектов к соблюдению новых обязанностей: крупные организации обладают широкими ресурсами для своевременной адаптации, тогда как компании малого и среднего бизнеса могут сталкиваться с ограничениями технических и кадровых возможностей финансовой деятельности.

Реализация предложенных мер, в том числе период адаптации к новым требованиям, разработка правил по регулированию внутреннего контроля, а также отказ от дублирования отчетности, сможет позволить в значительном количестве снизить нагрузку без ущерба по качеству финансового мониторинга. Значимость на практике данного исследования будет способствовать соразмерным изменениям и повышению эффективности финансового мониторинга по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1) ст. 1.
2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 20.02.2026) О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (с изм. и доп., вступ. в силу с 16.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 13.08.2001. № 33 (часть I), ст. 3418.
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31 (часть I), ст. 5018
4. Положение Банка России от 18.06.2025 № 860-П О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации, филиала иностранного банка, через который иностранный банк осуществляет деятельность на территории Российской Федерации, в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и экстремистской деятельности (Зарегистрировано в Минюсте России 06.08.2025 № 83148) // Вестник Банка России, № 34, 20.08.2025
5. Приказ Росфинмониторинга от 30.06.2025 № 134 Об утверждении требований к формату, структуре, наименованию и размеру сообщения в электронной форме (заменяющего сообщения в электронной форме), содержащего информацию о факте отказа от проведения операции с денежными средствами и (или) иным имуществом, одной из сторон которой является иностранная или международная организация, включенная в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации, квитанции о приеме и уведомления об отказе в приеме указанного сообщения в электронной форме, форматно-логическому контролю, особенностей формирования и направления вышеуказанных электронных документов, порядка получения кредитными организациями и некредитными финансовыми организациями согласования Федеральной службой по финансовому мониторингу направления сообщений в электронной форме на магнитном, оптическом или цифровом носителе информации с сопроводительным письмом, а также справочников кодов, подлежащих использованию при формировании сообщения в электронной форме (Зарегистрировано в Минюсте России 31.07.2025 № 83109) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.07.2025.
6. Отчет о деятельности Федеральной службы по финансовому мониторингу за 2024 год. М.: Росфинмониторинг, 2025.
7. Гребенкина С. А. Международные инновационные инициативы межведомственного взаимодействия в сфере ПОД/ФТ // Вестник Академии знаний. 2024. № 5(64). С. 166–169.
8. Евлахова Ю. С. Риск-ориентированный внутренний контроль в целях ПОД/ФТ в управляющих компаниях паевых инвестиционных фондов // Финансы. 2024. № 1. С. 53–57.
9. Мачихин И. Д. Освоение требований ПОД/ФТ в практике банковской деятельности // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № 2. С. 61–68.

Судебная статистика и юридическая практика по административной ответственности за несоблюдение законодательной базы по легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма

Иванова Кристина Григорьевна, студент

Научный руководитель: Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Тематика статьи раскрывает научный анализ состава административных правонарушений в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ) на основе ст. 15.27 КоАП РФ [1]; отражено применение юридической практики, а также проводится анализ статистических данных по нарушениям преступного характера административной ответственности по легализации незаконных доходов и финансированию терроризма в рамках периода за 2023–2024 год [6]. В ходе работы будут исследованы материально-правовые, а также процессуальные аспекты квалификации преступных деяний, проблематика доказывания виновных лиц, а также характерные коллизии, при которых оценивается существенность правовых нарушений в судах. В данном исследовании аргументируется определенная потребность в разграничении мер ответственности исходя от правового статуса субъекта и характера нарушения, а также применение подходов к оценке добросовестности субъектов финансового мониторинга.

Ключевые слова: ответственность, легализация преступных доходов, финансирование терроризма, КоАП РФ, судебная статистика, юридическая практика, штраф, Росфинмониторинг, правовые нарушения.

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (в последующем — КоАП РФ) № 195-ФЗ [1] указана и установлена административная ответственность за незаконные действия по легализации отмыванию доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма, об этом говорится в таких статьях как: ст. 15.27., ст. 15.27.1., ст. 15.27.2.

Указанные статьи указывают на основной Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [2], который определяет правовую основу в области легализации преступных доходов, а также финансирования террористических действий.

По данным Судебного департамента во главе Верховного Суда РФ была проанализирована судебная статистика [6], где отражается динамика рассмотрения дел об административной ответственности по ст. 15.27 КоАП РФ в период за 2023–2024 годы. За 2023 год было выявлено и рассмотрено 90 дел. Из них подверглось наказанию 53 лица, из которых 28 получили административный штраф. При вынесении решения суд назначил административный штраф, общая сумма составила за 2023 год 5 890 000 рублей. Также, средняя сумма административного штрафа составила 111 000 рублей. За 2024 год было рассмотрено 225 дел, были наказаны 160 лиц, из которых 134 получили административный штраф. При этом отдельное внимание стоит уделить тому, что в 2024 году судом были оправданы 12 лиц, так как в 2023 году этот показатель полностью отсутствовал. Общая сумма административного штрафа составила 23 580 000 рублей. Средняя сумма штрафа за отчетный 2024 год — 147 000 рублей.

По данной судебной статистике за период 2023–2024 год можно заметить существенный прирост показателей по ст. 15.27. КоАП РФ.

Он обуславливается тем, что были отражены системные изменения, которые касаются правоприменительной практики. Под системные изменения попадает обширный комплекс конкретных факторов, среди которых стоит выделить:

- усовершенствование регулирования законодательной базы о преступных деяниях при легализации преступных доходов,
- тотальное усиление контрольной и надзорной деятельности Росфинмониторинга [7],
- изменение основной структуры субъектов, которые привлекаются к административной ответственности.

Важнейшим фактором такого роста как правоприменительная активность является улучшение риск-ориентировочного и комплексного подхода, при котором проводится множество проверок. Согласно данным отчета Росфинмониторинга России за отчетный период в 2024 году было проведено 60 комплексных проверок в отношении субъектов финансового мониторинга, в результате чего было обнаружено больше 300 правонарушений в рамках законодательства преступных действий по легализации доходов, которые были получены преступным путем.

Показатель направленных материалов в суд составил около 75 % (это 225 материалов дел из 300 нарушений, которые были выявлены), что указывает о высоком уровне досудебной подготовки материалов. В то же время 25 % выявленных нарушений были исключены в досудебном порядке с использованием применения профилактических мер воздействия, что подтверждается декларирова-

тому приоритету предостережения правовых нарушений над карательными мерами.

Факторным фундаментом, которым обуславливается такой высокий скачок в статистике, является расширение области правового регулирования в нормативно-правовом акте о ПОД/ФТ. В исследуемый период вступили в законную силу конкретные изменения, которые распространяют требуемые обязанности:

- по реализации внутреннего контроля,
- сверки клиентов, а также адресации отчетности на операторов, которые работают с обращениями цифровых валют [3],
- обобщенных требований, которые касаются нотариусов, адвокатов и лиц, осуществляющих юридическую помощь.

В результате такие корректировки смогли увеличить множественный состав субъектов, которые в определенных условиях смогли адаптироваться к новой действительности, и тем самым это привело к росту численности административных судопроизводств. Стоит отметить, что юридическая практика показывает плавный переход от официального подхода оценивания нарушений к более подробному и характерному анализу и степени общественно-опасных деяний.

Путем рассмотрения юридической практики в результате данного исследования стоит привести актуальные случаи судебных решений 2023 и 2024 года, где показана эволюция разрешения дел по ст. 15.27 КоАП РФ, по которой демонстрируется особый подход в оценивании нарушений и назначению определенного наказания. В 2023 году Шестым арбитражным апелляционным судом было рассмотрено дело в отношении ООО «Ломбард «А33А» (по постановлению от 13 февраля 2023 года, № 06АП-22/23) [4], которое было связано с техникой нарушения порядка по представлению сведений в Росфинмониторинг. Конкретное нарушение: в электронной форме сведений была написана неправильная дата для проведения действующей проверки, а именно вместо 10 марта 2022 года указана 10 февраля 2022 года.

Рассматривая данное дело суд признал, что присутствует состав правового нарушения по части 1 ст. 15.27 КоАП РФ, и присудил штраф в размере 50 000 рублей, при этом отказал в доводах заявителя о малозначительности нарушения, ссылаясь на общественные отношения, которые охраняются в области ПОД/ФТ и не имеют каких-либо чрезвычайных обстоятельств. Также суд постановил отягчающее обстоятельство, при котором повторно было совершено точно такое же правовое нарушение, и соответственно возможность смягчить наказание было исключено.

Вторым примером из судебной практики будет анализироваться уже более гибкая позиция по разрешению дел. В 2024 году постановлением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2024 года (№ 16–6345/2024 г.) [5] было установлено нарушение в отношении генерального директора организации по страхованию и привле-

чение его к административной ответственности по ст. 15.27 КоАП РФ, а также по ст. 2.4 КоАП РФ. В совокупности суд принял решение отказать в прекращении судопроизводства на основании ст. 2.9 КоАП РФ, аргументируя это тем, что опасность общественных отношений находится не в начальных последствиях материального плана, а в характерно пренебрежительном отношении со стороны заявителя, который не воспользовался возможностями, которые имелись для исполнения своих обязанностей.

Но так как это было первое предупреждение по нарушению и привлечению к административной ответственности, где также отсутствовали отягчающие обстоятельства, суд принял решение назначить предупреждение, а не административный штраф. По решению суда именно предупреждение является соразмерным наказанием для данного судопроизводства.

При сравнительном анализе о конкретных судебных актах можно сделать вывод о качественных изменениях на применяемой практике. Если в 2023 году суды показывали в преимуществе формальный подход, в котором назначались штрафы даже за технические нарушения (особенно при повторных ошибках), то в 2024 году наблюдается направленность к специфике наказания, принимая во внимание личность нарушителя, а также статус субъекта. При этом на практике в судах практически не применялось освобождение от административной ответственности с применением ст. 2.9 КоАП РФ о малозначительности совершенного нарушения. Причина заключается в предупредительном характере законодательной базы о ПОД/ФТ: даже формальное несоответствие будет рассматриваться как возможная угроза безопасности в финансовом плане, тем самым полное прекращение судопроизводства просто недопустимо. Вместо этого суды зачастую назначают в качестве наказания предупреждение (ст. 3.4 КоАП РФ). Данный подход помогает сохранить предупредительную функцию в праве, то есть установить факт о нарушении и указать на недопустимость его повторности.

Судебная практика, которая была проанализирована выше, показывает обоснованную методологию в разъяснениях Пленума ВС РФ. В толковании указано, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [3] закреплены основные цели для квалифицирования деяний и определения меры наказания. Особенно Пленум ВС РФ в своих разъяснениях указывает, что освобождение от ответственности в совокупности с малозначительностью (ст. 2.9 КоАП РФ) может допускаться за исключением отсутствия конкретной опасности для объектов охраняемого правового порядка. Это безусловно ставит рамки по применению нормы в области ПОД/ФТ, так как абсолютно любое отклонение в процессуальном плане будет рассматриваться как возможный инструмент, который может использоваться при легализации средств преступного характера.

Вместе с тем, Верховный Суд делает акцент на обязанности судов, которые осуществляют индивидуализированные меры наказаний (ст. 4.1 КоАП РФ), учитывая:

- характер и степень преступных деяний;
- идентификацию виновного лица;
- положение имущественного характера;
- присутствие смягчающих обстоятельств при выявлении правовых нарушений.

Именно эти указания позволили судам в 2024 году отойти от наказания в виде штрафа и использовать предупреждение в отношении должностного лица, которое впервые допустило нарушение, тем самым осуществив баланс между общественным интересом безопасности финансового плана и принципом соразмерной ответственности. Немаловажно отметить, что правоприменение по ст. 15.27 КоАП РФ определено не только на усмотрение суда, но и на развитие регулирования, которое соответствует закону.

Положения Банка России (в том числе в положение № 445-П) и нормативно-правовые акты Росфинмониторинга определяют конкретные действия по внутренней системе мер, идентификации и отчетности документооборота, а также формальное нарушение, которое формирует состав административно-правового нарушения. Постоянные изменения, которые присутствуют в нормативно-правовых актах вызывают определенную необходимость интенсивно реагировать на новые алгоритмы действий по отмыванию доходов, что приводит к затруднению актуальности обновления для внутреннего документооборота в организациях.

Суды в большинстве случаев не считают отсутствие знаний новых требований смягчающим обстоятельством. Тем не менее, в судебной практике наблюдается общая тенденция: если организация подтвердила, что работала добросовестно, смогла принять все меры предосторожности по контролю и не имела плохого умысла при нарушении, то суды зачастую назначают в виде наказания предупреждение вместо штрафа.

Это в совокупности подчеркивает наличие плавного перехода от формального подхода контролирования, к подходу, который основан на реальной оценке рисков. На сегодняшний день суды определяют не само наличие нарушения в отчетном документообороте, а именно насколько организация действительно готова отстаивать финансовую систему и оперативно исправлять обнаруженные нарушения.

Использование ст. 15.27 КоАП РФ создает определенные сложности при установлении вины, в особенности по отношению к юридическим лицам. Суды отчетливо разграничивают ответственность организации и отдельных сотрудников, которые отвечают за внутреннее контролирование. Аргументы, которые указывают на технические ошибки, кадровые перестановки или пробелы по информации изредка принимаются в виде оправдания при условии, если организация докажет, что предприняла все возможное для соблюдения законности.

Не маловажно подчеркнуть, что процессуально судебная практика также меняется. При помощи качественной подготовки документов Росфинмониторингом

процент доли обвинительных решений повышается. Вместе с тем повышение числа судебных актов, которые прекратили судопроизводство в 2024 году, отражает стремление судов соразмерить публичные интересы экономической безопасности и обеспечение прав лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Судьи неоднократно проверяют был ли соблюден срок давности и соразмерность меры наказания. При этом теоретические исследования указывают на целесообразное применение ст. 2.9 КоАП РФ к быстрому устранению нарушений, которые создают реальные риски.

Дальнейший рост по развитию практики должен полагаться на разграничение ответственности и стимулирующую поддержку добросовестного исполнения нормативных требований. Соответственно разумно будет сделать закрепление в КоАП РФ или в комментариях Верховного Суда определенные критерии об оценке добросовестности организаций. Кроме того, стоит добавить определенные правила за признание исполненных надлежащим образом обязанностей, которые имеют доказательства о принятии разумных и контролирующих мер, а также увеличить практику по применению предупреждений за первые правонарушения. Это прежде всего установит правовой механизм для защиты субъектов финансовой деятельности от чрезмерных санкций за технические ошибки, которые могут влиять на устойчивость системы.

Указанные меры смогут снизить нагрузку на субъекты малого и среднего предпринимательства, в которых сохранится строгий контроль над крупнейшими финансовыми институтами. Судебная статистика за период 2023–2024 год показывает, что административная ответственность по ст.15.27 КоАП РФ плавно меняется — от обычного наказания к системному контролю, который будет учитывать безопасность в финансовой сфере, а также законные интересы предпринимательской деятельности.

Проведенный анализ по исследованию судебной статистики и юридической практики позволяет утвердить общую тенденцию к усилению правоприменения. Это характеризуется в увеличении количества рассмотренных дел, средней суммой штрафных санкций, а также процент обвинительных актов, которые подтверждают состав правовых нарушений. Вместе с тем, внедрение определенных категорий организаций в область контроля ПОД/ФТ закономерно смогло привести к увеличению численности административных дел.

При этом суды используют строгую позицию: технические ошибки, перестановка кадров или недостаточная информация у сотрудников не являются основанием для освобождения от административной ответственности. От организаций требуются соответствующие документы, которые действительно подтверждают меры по соблюдению нормативно-правовых актов, а не формальные попытки доказать правовые нарушения по внешним факторам.

Применение малозначительности (ст. 2.9 КоАП РФ) в области ПОД/ФТ носит определенное ограничение. Это вызвано регулированием предупредительного харак-

тера: даже обычные правовые нарушения могут рассматриваться как возможный риск для экономической безопасности, и поэтому освобождение от ответственности может быть допустим только в отдельных исключениях.

Пути развития в юридической практике напрямую связаны с применением более разделенного подхода. При назначении конкретного наказания следует учитывать

статус виновного, характер совершенного правонарушения, уровень ответственности субъекта. Именно такая устойчивость между строго регулирующим контролем и учетом всех обстоятельств позволит гарантировать результативность системы ПОД/ФТ без лишнего давления на субъектов, которые добросовестно ведут предпринимательскую деятельность.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.
2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 20.02.2026) О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (с изм. и доп., вступ. в силу с 16.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 13.08.2001. № 33 (часть I), ст. 3418.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 (ред. от 09.12.2025) О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Российская газета № 80, 19.04.2005 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 13.02.2023 № 06АП-22/23 по делу № А04-9348/2022 // СПС «Гарант».
5. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 05.12.2024 по делу № 16-6345/2024 // СПС «Гарант».
6. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. М., 2025.
7. Отчет о деятельности Федеральной службы по финансовому мониторингу за 2024 год. М.: Росфинмониторинг, 2025.

Правовая природа депремирования

Касымов Даниил Ильдарович, студент;

Борзунов Максим Александрович, студент

Научный руководитель: Замрыга Дарья Викторовна, старший преподаватель

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Статья посвящена исследованию правовой природы депремирования как особого правового явления, находящегося на стыке институтов заработной платы и дисциплинарной ответственности. На основе анализа норм Трудового кодекса РФ, правовой позиции Конституционного Суда, доктринальных источников раскрываются сущностные признаки депремирования, его соотношение с дисциплинарным взысканием и штрафом. Выявляются основные коллизии правоприменения: двойная ответственность, произвольное лишение стимулирующих выплат, непоименованные меры воздействия. Формулируются предложения по совершенствованию трудового законодательства.

Ключевые слова: депремирование, стимулирующие выплаты, дисциплинарное взыскание, заработная плата, штраф, правовая природа, локальное регулирование.

Обеспечение права работника на своевременную и в полном объеме выплату заработной платы выступает одним из фундаментальных принципов трудового права. В структуре заработной платы, определяемой ч. 1 ст. 129 Трудового кодекса РФ, помимо вознаграждения за труд и компенсационных выплат, выделяются стимулирующие выплаты, правовой режим которых остается наименее формализованным [1]. Именно эта неопределенность порождает значительное число споров, связанных с невыплатой или уменьшением премий — явле-

нием, получившим в доктрине и практике наименование «депремирование». Термин этот, как справедливо замечает А. М. Куренной, не является легальным и даже правовым «в чистом виде», однако он точно отражает существо проблемы: работодатель, формально не прибегая к дисциплинарным взысканиям, фактически наказывает работника рублем [2, с. 41].

Отсутствие в Трудовом кодексе не только определения депремирования, но и какого-либо развернутого регулирования самих стимулирующих выплат — они лишь

упоминаются в трех статьях — создает почву для произвольных решений работодателя и противоречивой судебной практики [3, с. 4]. Особую остроту вопрос приобретает в ситуациях, когда снижение или полная невыплата премии увязывается не с объективными показателями труда, а с совершением дисциплинарного проступка [4, с. 256]. Выяснение правовой природы депремирования, его места в системе мер воздействия на работника и допустимых границ применения составляет цель настоящей статьи.

Правовая природа депремирования раскрывается через соотношение с двумя смежными категориями — дисциплинарным взысканием и штрафом. Трудовой кодекс содержит исчерпывающий перечень дисциплинарных взысканий в ст. 192, и «лишение премии» в него не входит. Однако на практике невыплата премии за совершение проступка фактически выполняет штрафную функцию, становясь, по выражению Н. М. Саликовой и Е. М. Батухтиной, «наказанием рублем» [3, с. 7]. Отождествлять депремирование и штраф, тем не менее, было бы некорректно: премия является негарантированной стимулирующей выплатой, тогда как штраф есть удержание из уже начисленной заработной платы [5, с. 29]. Вместе с тем, когда локальный акт связывает само право на премию исключительно с отсутствием дисциплинарного взыскания, грань между этими явлениями стирается, и депремирование начинает выполнять несвойственную ему карательную функцию, вступая в конфликт с основными началами дисциплинарной ответственности.

Центральным событием, во многом определившим вектор развития института депремирования, стало Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2023 г. № 32-П по жалобе Е. В. Царегородской [7]. Суть дела сводилась к тому, что работница была лишена премии и иных стимулирующих выплат не только за тот месяц, в котором допустила несвоевременную сдачу отчета, но и в течение года. Конституционный Суд сформулировал несколько принципиальных тезисов. Во-первых, неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей не может служить основанием для лишения стимулирующих выплат на весь период действия дисциплинарного взыскания. Во-вторых, работодатель вправе учесть совершенный проступок при начислении премии лишь за тот период, в котором было применено дисциплинарное взыскание.

Оценивая данную позицию, Н. М. Саликова и Е. М. Батухтина признают ее в целом оправданной, однако указы-

вают на спорный подход Суда к определению допустимых границ снижения премии. Конституционный Суд, по сути, распространил на депремирование ограничения, установленные для удержаний из заработной платы (20-процентный порог по ст. 138 ТК РФ), что, по мнению авторов, методологически некорректно: совершение дисциплинарного проступка не предусмотрено ст. 137 ТК РФ в качестве основания для удержаний. Значительно более соразмерным представляется механизм, при котором размер невыплаченной премии ставится в зависимость от конкретных обстоятельств — например, от количества добросовестно отработанных смен в периоде.

Таким образом, судебная практика исходит из того, что депремирование допустимо лишь при наличии прямого указания в локальном нормативном акте и при условии, что оно не трансформируется в скрытое дисциплинарное взыскание, дублирующее меры ответственности, предусмотренные ст. 192 ТК РФ.

Одной из острейших коллизий, проявившихся в судебной практике, является проблема двойной ответственности за одно нарушение. Если за дисциплинарный проступок на работника уже наложено взыскание (замечание или выговор), а затем он лишается премии по тому же основанию.

На наш взгляд, выход из сложившейся ситуации видится в системной регламентации института депремирования. Прежде всего, следует нормативно закрепить деление стимулирующих выплат на две группы, прямо указав, что работник имеет право требовать лишь выплаты, входящие в систему оплаты труда и обусловленные достижением объективных показателей. В локальных нормативных актах должны быть четко разграничены показатели премирования (достижение которых порождает право на выплату) и условия, связанные с соблюдением трудовой дисциплины, которые могут лишь корректировать размер премии, но не аннулировать ее полностью.

Заслуживает внимания и позиция О. Г. Акулинина, предлагающего легализовать депремирование в качестве самостоятельного вида организационной ответственности с закрытым перечнем оснований и предельным размером, что позволило бы вывести его из сферы «скрытых» дисциплинарных взысканий [6, с. 63]. При этом необходимо установить правило о том, что снижение стимулирующих выплат может производиться лишь за тот период, в котором был совершен проступок, а размер депремирования должен быть строго пропорционален тяжести нарушения и его влиянию на показатели труда.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ [Электронный ресурс] // Документы. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17706> — Президент Российской Федерации. Официальный сайт.
2. Куренной А. М. Премии как форма стимулирования: правовые проблемы // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 2. С. 39–43.
3. Саликова Н. М., Батухтина Е. М. Лишение премии за нарушение трудовой дисциплины: правовые позиции Конституционного Суда РФ // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 6. С. 4–12.

4. Новиков А. А. Депремирование работников: проблемы теории и практики // Демидовский юридический журнал. 2025. Т. 15. № 3. С. 254–265.
5. Артамовикина О. О. Совершенствование института дисциплинарной ответственности в российском трудовом праве // Аллея науки. 2019. № 2(29).
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2023 № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. В. Царегородской» // Российская газета. 2023. № 135.
7. Акулинин О. Г. Штраф как мера дисциплинарного взыскания: прошлое, настоящее, будущее // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2018. Вып. 12. С. 57–64.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 20 (623) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 27.05.2026. Дата выхода в свет: 03.06.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.